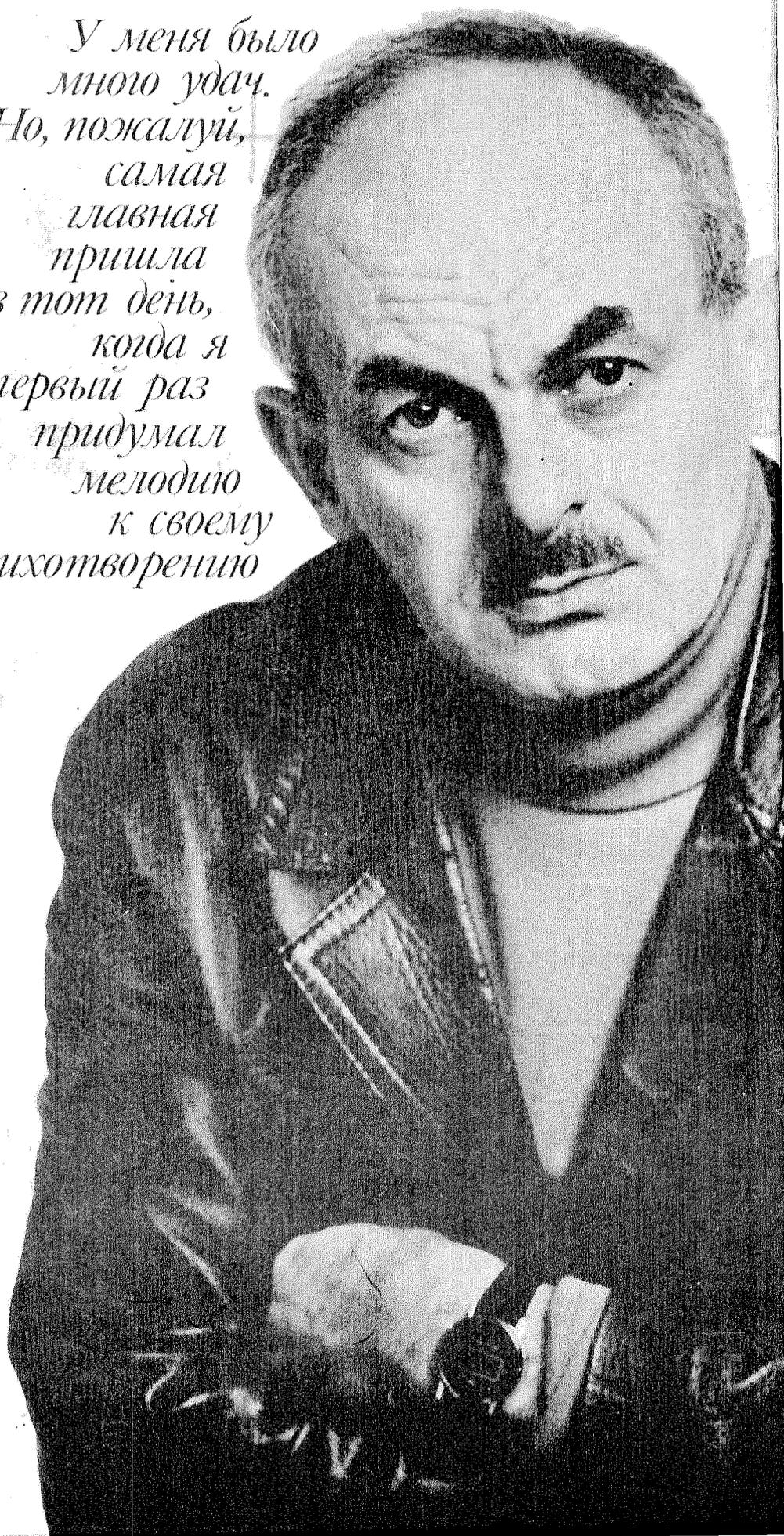

Десни Булата Окуджавы

У меня было
много удач.
Но, пожалуй,
самая
главная
пришла
в тот день,
когда я
первый раз
придумал
мелодию
к своему
стихотворению

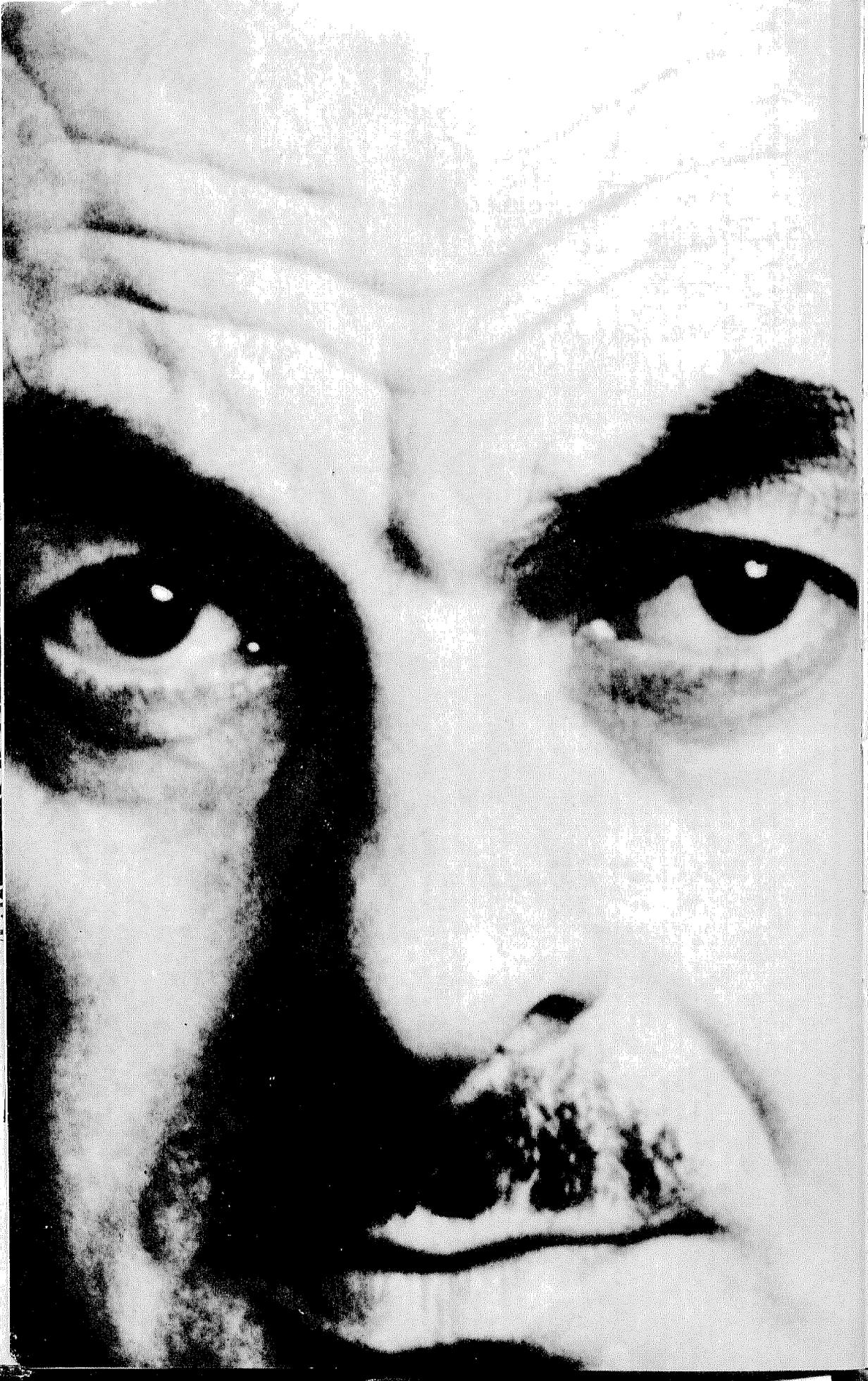
Наверное, самым лучшим
на этой земной северной
почве я и всею саудом —
она превращалась во мне.

Она мне очень неслышала.
Она земля как игра.
Но удивительная музыка свежая,
и строго логичные слова.

Своего вкуса, что много не прощено,
своего смех наш короткий и мал
я слышу: выводил меморию
какой-то грядущий шуршал.

Легко, необычно и весело
кружится над скученным зором
иногда самая главная песенка,
каждому себе я не смогу.

1962 г.

Песни Булата Окуджавы

МЕЛОДИИ И ТЕКСТЫ

Москва «Музыка» 1989

Составитель Л. Шилов

Редактор О. Агафонов

Лит. редактор Л. Рыжова

Обложка и титул художника В. Лебедева

Макет и оформление художника С. Авакяна

Песни Булата Окуджавы вошли в нашу жизнь в конце пятидесятих годов как-то сразу и, как оказалось, надолго. Они заметно отличались и от тех, что звучали тогда в концертах, по радио, на пластинках, и от тех, что мы пели дома, когда собирались друзья и приходили гости, или когда происходило то, что называлось теперь уже полузабытым словом «вечеринка».

Как странно сознавать, что еще совсем не так давно, всего лет тридцать назад, во время домашних, семейных, дружеских торжеств мы пели сами, а не передоверяли эту многовековую, столь естественную традицию человеческого самовыражения и общения ни магнитофону, ни телевизору. Так вот, на фоне тогдашнего репертуара совершенно необычными показались нам слова и интонации, пришедшие с песнями Булата Окуджавы, уже сами эти словосочетания и образы: «Часовые любви», «Ситцевые женщины», «Мои кредиторы — молчаливые Вера, Надежда, Любовь...». Удивляла и радовала фраза о влюбленных парах на рассветных московских улицах — тихая, но убежденная: «признаю только эти войска». И совершенно непривычно, хлестко звучало сказанное о недавней войне слово «подлая» в песне, которая сразу стала одной из самых наших любимых, как и та — про взвод солдат, уходящих «в туман, в туман, в туман», и про женщин, глядящих в их «круглые затылки». Оказалось, что о Великой Отечественной и о гражданской, о «комиссарах в пыльных шлемах» и о «комсомольской богине» можно петь так, как никто до тех пор не пел.

Оказалось, что обиденное может мгновенно превратиться в сказочное, что к женщине подобает обращаться «Ваше величество» и что для песни (да песня ли это?) иногда достаточно всего четырех строк:

В саду Нескучном тишина,
Встает рассвет светло и строго.
А женщину зовут Дорога.
Какая дальняя она...

Но дело даже не в отдельных, сравнительно необычных образах и словосочетаниях, дело в том, что сами эти песни были «совсем другие». Не только по словам, не только по мелодии, но, прежде всего, по тону, по интонации. Это была интонация беседы, дружеского обращения. В отличие от песен, звучавших тогда по радио, они были адресованы не столько всем вместе, сколько каждому в отдельности, тому, кто сидит напротив за столом или рядом на скамейке городского сквера. Причем с каждым устанавливался как бы двусторонний душевный контакт. Шла беседа, длился разговор, переходя из песни в песню.

Внешне это свойство стихов и песен Окуджавы проявлялось в их негромкости, он не столько пел, сколько напевал; в таких речевых оборотах, как «мой дорогой», «а мы с тобой, брат», «извините», «знаете», «пожалуйста» — словечках, казалось бы, не обязательных, и даже, как утверждал один из особенно суровых критиков Окуджавы, «совершенно лишних». Но именно так, может быть, и возникала в песенном диалоге со слушателем столь дефицитная, столь желанная, столь необходимая в переломное время второй половины пятидесятих годов атмосфера искреннего человеческого внимания, общения и взаимопонимания.

Рядом с Окуджавой (нет, как я теперь вспоминаю, даже несколько раньше) звучали с магнитофонных лент голоса Михаила Анчарова, Ады Якушевой, Юрия

Визбора, несколько позже Юлия Кима, Новеллы Матвеевой, Александра Галича. Песни Новеллы Матвеевой некоторое время находились для меня и моих друзей в одном ряду с песнями Окуджавы, а потом отодвинулись на какой-то более дальний план. Их поэтические и музыкальные достоинства чрезвычайно высоки и почти для всех очевидны. Но они были для нас (скажу осторожнее: для меня) в большей степени искусством, а песни Окуджавы — в большей степени жизнью. И не так уж неправ был тот критик, который однажды высокомерно изрек: «Песни Окуджавы — явление быта, а не искусства». Только он это говорил со знаком минус, а время показало, что говорить об этом надо со знаком плюс. И, конечно, не только «быт» имея в виду. Но и быт тоже. Несомненно. Ведь тогда, в начале «магнитофонной эры», очень многие покупали магнитофон именно для того, чтобы слушать у себя дома «бардов». И прежде всего — Окуджаву.

Потребность в жанре, который позже назовут «авторской песней», оказалась чрезвычайно велика. Ведь, как справедливо заметил уже в 1967 году композитор В. Гаврилин, «от профессионалов ускользнул целый мир человеческих чувств, целая сложившаяся в обществе психология». Вот это и пыталась уловить — то более, то менее успешно — «авторская песня». Термин этот появился много позднее, и, как известно, связан он, прежде всего, с творчеством Владимира Высоцкого. Но само это явление (эстрадный исполнитель поэтического произведения, им же самим положенного на музыку), столь широко распространенное, например, во Франции, было давно известно в русской культуре, стоит вспомнить хотя бы песни Александра Вертинского. Окуджава не изобрел новый жанр, как это показалось некоторым его современникам, но уже широко бытующую, прежде всего, в студенческой среде «авторскую песню», (которая так тогда еще не называлась) поднял сразу на несколько порядков, на иной уровень, тем самым переводя ее в некое новое качество.

Причем, как оказалось, это относится не только к текстам его песен, но и к их мелодиям, и его удивительно искреннему и проникновенному исполнению, к его столь богатому тембровыми оттенками голосу, гибкому, выразительному, так много говорящему слушателю не только о том, что поется, но и о том, кто поет. Вероятно, поэтому так много людей, никогда не видевших поэта воочию, а лишь слушавших его песни на магнитофонных лентах, считают себя как бы лично знакомыми с Булатом Окуджавой и лично ему обязанными за совет, за помощь и поддержку...

Разумеется, все эти размышления о том, чем же песни Окуджавы так уж отличны от многих других «профессиональных» и «самодеятельных», возникли у нас уже потом. А тогда, в конце пятидесятых годов, когда мы их услышали, они, при всей своей необычности, были восприняты как нечто вполне естественное, нам по праву принадлежащее и только по какому-то недоразумению ранее неизвестное. Ожидание чего-то подобного песням Окуджавы, закономерность их появления, мгновенное, естественное вхождение в культурный обиход того времени афористически точно выразил годы спустя Давид Самойлов:

Былым защитникам державы,
Нам не хватало Окуджавы.

А так как и для радио, и «Мелодии», и Мосэстрады эти песни оказались в те годы весьма непривычными и даже неприемлемыми, большинство слушателей впервые знакомились с ними в «магнитофонном исполнении».

Стремительное распространение окуджавовских магнитозаписей по всей стране, а вскоре за ее пределами — беспрецедентно и, несомненно, когда-нибудь будет специально отмечено в соответствующих разделах истории «магнитофонной литературы». Но уже и теперь очевидно, что именно соответствие этих песен определенной общественной потребности, а не только «веяниям моды», как казалось когда-то многим критикам,

обусловило их необычайную популярность. И, конечно, прежде всего, то, что эти песни, совершенные в поэтическом, весьма своеобразные в музыкальном отношении, неотразимо обаятельны в авторском исполнении.

Когда во всех концах державы,
Магнитной лентой шелестя,
Возникли песни Окуджавы,
Страна влюбилась в них, хотя
Какая брань, какие клички
Тем песням выпали в свой срок...—

свидетельствовал позже поэт Юрий Ряшенцев. «Страна влюбилась» в эти песни, прежде всего, потому, что они были добры, мужественны, красивы. Но именно они и вызвали такую сокрушительную критику, какой не подвергался ни один из «предшественников» Булата Окуджавы.

В середине шестидесятых годов — после града уничижительных статей с издевательскими заголовками, вроде «Цена шумного успеха», «Ловцы дешевой славы» и т. п. — он перестал писать песни, выступать с ними и целиком ушел в работу над исторической прозой. Но широчайшее распространение его магнитофонных записей сделало даже не очень заметным многолетний отход поэта от концертной деятельности... За это время им был написан роман о декабристах «Бедный Авросимов» и сатирическая повесть «Похождения Шипова», связанная с одним из эпизодов жизни Льва Толстого. Обе книги заинтересовали и читателей и критику, но не имели и десятой доли того успеха, который несколько лет назад принесли их автору его песни.

Что же такое было в этих песнях, что вызывало столь радостное принятие одних и яростное негодование других?

Теперь, ровно через три десятилетия после того, как они зазвучали, мы можем спокойно и внимательно вслушаться в их мелодии, вдуматься в текст, описать историю их создания, проследить развитие и чередование тем, приблизиться к пониманию того явления, которое представляют из себя песни Булата Окуджавы. (Фонд его магнито-записей в Государственном литературном музее уже насчитывает 287 ед. хранения и составляет 160 часов звучания). Он начал сочинять песни в конце пятидесятых годов, как бы случайно, когда однажды вечером, желая развлечь и позабавить своих друзей, он исполнил в компании молодых московских поэтов под первый же под-вернувшийся, довольно разухабистый мотивчик шутивное стихотворение о Ваньке Морозове и о циркачке, которая «по проволке ходила, махала белою рукой». Так как песня вызвала бурное и общее одобрение друзей, Окуджава за несколько дней написал еще несколько. Легкость и естественность и как бы «нечаянность» их появления удивила его самого. Позже он не раз говорил, что одним из самых счастливых дней своей жизни считает тот, когда обнаружил, что может писать песни.

Внимательно всматриваясь в биографию Окуджавы, мы можем теперь понять, что его «внезапное» и довольно «позднее» увлечение песенным творчеством (ему было уже «сильно за тридцать») не случайно. Судьба этого человека, никогда не учившегося музыке, тем не менее, складывалась так, что его детство и юность оказались интенсивно насыщенными самыми разнообразными музыкальными и звуковыми впечатлениями.

...В раннем детстве, месяцами живя то в Москве с родителями, то в Грузии с бабушкой-армянкой, мальчик говорил по-грузинским и по-армянски. Потом случилось так, что долгие годы ни по-грузински, ни по-армянски говорить не приходилось. Знание слов и грамматики ушло, но чувство этих звучных языков осталось в глубине памяти, там же, где запечатлелось грузинское многоголосье, протяжные русские народные песни, слышанные в раннем детстве от московской няни, «своеобразная музыка арбатского двора»...

...В 1937 году его отец, видный партийный работник, был арестован и вскоре расстрелян. Мать сослана в один из карагандинских лагерей. Тринадцатилетнего мальчика родственникам удалось спрятать и тем самым спасти от детского дома, куда было положено «сдавать» детей «врагов народа». Только через полтора года он смог вернуться в родной арбатский двор, продолжать учебу в московской школе. Из девятого класса ушел на войну. Был минометчиком, связистом и взводным запевалой.

Много позже, уже во второй половине пятидесятых годов, Окуджава познакомился с большим знатоком русских частушек, поэтом Виктором Боковым, который великолепно их исполнял, аккомпанируя себе на балалайке.

«Он мне пел громадное количество частушек, и среди них — каждая десятая — гениальная», — вспоминал поэт.

А некоторое «музыкальное образование» Булат Окуджава получил в первые послевоенные годы, когда переслушал в Тбилисском театре все оперы, «раз по тридцать каждую».

«...Тбилиси того времени, — рассказывал он в одном из интервью 1984 года, — был таким поразительным городом, где каждый считал своим долгом ходить в оперу и на концерты — слушать хорошую музыку. Это было как бы обязательным, и опера тогда была студентам вполне доступной. Я учился на филологическом факультете Тбилисского Университета, и иногда мы с друзьями ходили в оперу, как ходили дворяне Петербурга в XIX веке: на особенно любимые арии.

Днем созванивались, узнавали — что сегодня идет? — Сегодня «Аида».

Хорошо, идем на второй акт. И мы шли и слушали. На галерку всегда можно было купить билет, всё было совершенно демократично».

Тогда же, в студенческие годы, он с успехом пел романсы в дружеском и семейном кругу. Один знакомый, хорошо игравший на мандолине, показал ему «три гитарных аккорда», и этим его музыкальные познания продолжительное время и ограничивались, пока — как не без улыбки вспоминал Окуджава — кто-то не научил его еще трем...

...Хронологию ранних песен Окуджавы установить довольно трудно: сам автор не всегда может их точно датировать (тем более, что между сочинением стихов и музыки, как правило, проходило какое-то, иногда довольно значительное, время), а сохранившиеся «первые» магнитофонные пленки чаще всего не имеют дат. Но, во всяком случае, можно с достаточным основанием полагать, что в 1959 году уже существовало около трех десятков песен, что некоторые из них были написаны еще до «Ваньки Морозова», что кроме прекрасного «московского цикла» («Последний троллейбус», «Часовые любви», «Ах, Арбат мой, Арбат», «Во дворе, где каждый вечер») уже были песни о войне («Вы слышите, грохочут сапоги», «Не верь войне, мальчишка», «Ах, война, что ж ты сделала, подлая»).

«Московский цикл» складывался как бы в полемике с двумя совершенно различными, но достаточно значительными музыкальными явлениями. Во-первых, с преобладающими в то время «гимническими» песнями о Москве, а вторым импульсом для создания «московского цикла» оказались для Окуджавы, как это ни странно., песни французских певцов о Париже. Ему показалось обидным, что нет таких же интимных, «домашних» песен о его Москве, городе, с которым он считал себя столь родственно связанным, улицы и переулки которого любил не меньше, чем парижане — Большие бульвары. И вот, столь различные музыкальные впечатления, сталкиваясь, и, то споря, то переплетаясь, давали нечто совершенно новое, пусть отдаленно и напоминавшее что-то уже слышанное раньше, но совершенно переосмысленное и «пересоставленное», свое.

Главное, что спасало в этих случаях, а подчас делало эти песни особенно привлекательными для слушателей, было совершенно органичное единство стихов, музыки и исполнения. Вероятно, имея в виду именно это качество песен Окуджавы, Д. Шоста-

кович и выразил однажды сомнение в надобности создания профессиональными композиторами новых мелодий на тексты уже существующих песен Окуджавы.

В конце пятидесятых были написаны Окуджавой и песни о «комиссарах в пыльных шлемах», среди которых и та, что опубликована лишь недавно, в 1987-ом («О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой»). И песни-зарисовки, типа, «Из окон корочкой несет поджаристой» (которую цитирует режиссер Кира Муратова в кинофильме «Короткие встречи»), и, наконец, «Песенка о голубом шарике» и «Песенка о Надежде Черновой», — совсем не такие уж простые, какими они могли показаться на первый взгляд.

Вот с этим репертуаром в 1959 году Окуджава и вышел на «широкую» публику, но по-прежнему его песенное творчество было принципиально ориентировано именно на интимное, дружеское общение. Не случайно в одном интервью, вспоминая тот период, поэт говорил, что прежде всего хотелось ему написать такую песню, «чтобы друзья, сидевшие за столом, согласно закивали головами...»

Лавинообразно нараставший успех первых же публичных выступлений, возможно, способствовал сравнительно быстрому созданию новых песен, которые становились всё более сложными и интересными по музыкальной структуре. К маршевым ритмам («Встань пораньше, встань пораньше», «Вы слышите, грохочут сапоги», «Надежда, я вернусь тогда»), к песням в форме вальса («Песенка о синих маяках»), присоединяются широко распевные, мелодически достаточно сложные («Он, наконец, явился в дом») и песни-романсы, например, «Песенка об открытой двери». В дальнейшем его песенном творчестве появятся и такие, довольно развитые по построению мелодии, как, например, в песнях «Каких присяг я не давал», «Как наш двор ни обижали», но наиболее характерной стороной его мелодического дарования будет именно изысканная простота. На приемах, близких русской народной песенности, в частности, на лексических и мелодических повторах строит Окуджава такие песни, как «Ты в чем виновата», «Море Черное», «Горит пламя, не чадит», пытается свести городской романс до размера четырехстрочной частушки («В саду Нескучном тишина»). В 1960 году пишет «Песенку про Черного Кота», озорную, с очень четким ритмом, и грустно-философско-ироническую балладу в стиле Беранже «Старый пиджак». Ирония, часто и самоирония, будут присутствовать и в ряде других «песенок», гармонично уравновешивая несколько непривычное для песни, столь откровенное выражение авторского чувства.

В начале шестидесятых годов репертуар поэта-певца пополнялся довольно стремительно и к концу шестидесят второго года содержал уже около пятидесяти песен. Среди них были уже и такие интересные и по образной системе и по мелодии, как «Лесной вальс».

...В 1962 году Окуджава уходит из «Литературной газеты», в редакции которой он проработал несколько лет, и целиком отдается стихотворному и песенному творчеству. Много выступает. К этому времени относится одна из известнейших песен Окуджавы — «Песенка старого шарманщика», которая, как мне кажется, лучше других помогает понять первостепенную важность авторской интонации его песенно-исполнительского творчества.

Дело в том, что мелодико-ритмическую основу этой песни составляет знаменитая шарманочная «Разлука, ты разлука». Авторство же Булата Окуджавы и его замечательное исполнительское умение проявляются в той виртуозности, с которой он чуть-чуть (но очень определенно и отчетливо) видоизменяет и ярко стилизует общеизвестную мелодию. Подчеркивая визгливый, вскрикивающий звук шарманки, он создает смешной, нелепый и, как оказывается в его трактовке, — трагичный образ «вечного шарманщика». Почти не переступая явно обозначенных границ «чужой» мелодии, Булат Окуджава предлагает совершенно «свою» песню со столь характерным именно для его творчества

сочетанием шутливой маскарадности с серьезным разговором о судьбе художника, исповедальными интонациями дружеской беседы. На подобных контрастах строятся и такие его остросоциальные песни, как «Песенка веселого солдата» и уже упоминавшаяся «Песенка про Черного Кота».

Усложняются и делаются всё более интересными и выразительными песни Окуджавы шестьдесят третьего — шестьдесят четвертого годов «Молитва» («Пока Земля еще вертится...»), «Мартовский снег» («На арбатском дворе и веселье и смех...»).

Потом наступает длительная пауза. За всю вторую половину шестидесятых годов родилось только пять-шесть песен. Все они были весьма оригинальны и очень красивы своими мелодиями, иногда достаточно сложными («Синяя корона», «Моцарт»), но чаще — изысканно-простыми («Грузинская песня», «Старинная студенческая»). И, наконец, в 1970 году появилась одна из самых знаменитых — «Мы за ценой не постоим», написанная (что для творческой практики Булата Окуджавы большая редкость) по заказу киностудии.

Песню к кинофильму «Белорусский вокзал» заказал ему не только как поэту, но и как бывшему фронтовику, солдату-минометчику, режиссер Андрей Смирнов. Он просил написать песню, которую бы пели в фильме тоже бывшие фронтовики, и притом такую, «чтобы это была песня, как бы ими самими сочиненная». И вот эта песня, которая по первоначальному замыслу режиссера должна была украсить, сделать более достоверной сцену встречи фронтовых друзей, сама стала одним из главных действующих лиц фильма.

Большой творческой удачей представляется мне и еще одна «военная» песня Окуджавы, написанная для другого кинофильма в 1975 году. Она тоже стилизована, и тоже так мастерски, что ни у кого не возникает сомнений в ее подлинности. И хотя сам автор назвал ее «Песня о московских ополченцах», она уже не раз и не два появлялась на пластинках под примечательно измененным названием «Песня московских ополченцев». Простая, мужественная, она, мне думается, так и уйдет к нашим потомкам не только художественным, но и документальным памятником погибшим под Москвой.

Примечательно, что создатели фильма, и прежде всего, автор сценария Константин Симонов, просили Окуджаву озвучить эту песню своим голосом. Здесь мы подходим к чрезвычайно существенному вопросу песенного творчества Булата Окуджавы и его слушательского восприятия: единству текста, мелодии, ритма, голоса, аккомпанемента.

Теперь уже ясно, что многие резко критические, подчас уничижительные характеристики, даваемые песням Окуджавы, проистекали именно из попыток расчленить нерасчленимое, оценивать одно без учета другого. Только поняв, что большинство песен Булата Окуджавы, так же, как и песни Владимира Высоцкого, во всей полноте их замысла, тонкости оттенков и глубине трактовки могут быть восприняты наиболее полно именно и только в авторском исполнении, мы, наконец, приблизимся к отгадке их феноменальной популярности.

Не менее важно понять отличие песен Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого от моря «самодетальной песни», отличия, на котором оба автора-исполнителя в разное время и в разных формах, но одинаково категорично настаивали. По-видимому, дело тут прежде всего в том, что и Окуджавы, и Высоцкий, и, например, Новелла Матвеева — авторы таких стихотворно-музыкальных произведений, которые выражают характер-судьбу, создают свой самобытный художественный мир, законченную систему образов, несут определенную нравственную концепцию, а не только рисуют отдельные, более или менее интересные, трогательные или забавные людские черты и житейские ситуации.

Участники движения самодетальной песни (которое само по себе, несомненно, значительное социальное и художественное явление), совершенно правомерно ориенти-

руются в своем творчестве на «бардов-основоположников». И все же никакие частные художественные удачи того или иного представителя этого движения не могут стереть незримой, но определенной грани, отделяющей песни Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого от произведений большинства участников этого движения. И, пожалуй, пока еще никому из современных его участников не удалось начать так ярко, произвести столь ошеломляющее впечатление, так заморозить слушателей, как это сделал первыми же своими «песенками» Булат Окуджава в конце пятидесятых годов.

...Для песенного творчества Окуджавы семидесятых годов характерны такие исторические фантазии, как «Сумерки. Природа...» (1973), стилизации старинных «солдатских» и «офицерских» песен. А в его замечательном романсе «В моей душе запечатлен портрет одной прекрасной дамы» запечатлен и душевный опыт работы над исторической прозой,— романами «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом» (1983 г.). По-своему примечательна (как возвращение к образной символике ранних песен) вальсообразная, напоминающая о духовых оркестрах давних лет «Я вновь повстречался с Надеждой».

В начале восьмидесятых годов появляются такие шедевры, как «О Володе Высоцком», пронзительно исповедальные «Всё глуше музыка души», «Пускай моя любовь, как мир, стара», щемящие сердце песни о друзьях, погибших на войне («Всему времечко свое» и «Первое послевоенное танго»). Очень своеобразна вносящая нечто новое и в образную систему поэтики и в мелодику Окуджавы песня «Парижские фантазии». Выразительны и красивы «В день рождения подарок» и «Песенка, короткая как жизнь сама», одновременно напоминающие нам «прежнего» Окуджава и раскрывающие новые его композиторские возможности.

Наконец, очень значительными представляются такие песни последних лет, как остросоциальная «Я выселен с Арбата» и особенно антивоенная «Если ворон в вышине». Используя простонародные обороты и словечки в русле старинной фольклорной песни, автор, вместе с тем говорит в ней об одной из самых жгучих проблем современности.

Песни Булата Окуджавы получили ныне бесспорное и широкое признание. Их влияние можно проследить не только в творчестве многих «самодеятельных» авторов, но и в произведениях некоторых профессионалов — от откровенного и несколько комичного подражания до более отдаленных и сложных аналогий.

У Булата Окуджавы давно уже сложилась определенная, довольно обширная и, как мне кажется, относительно стабильная аудитория. (Общий тираж его авторских пластинок только в нашей стране подходит ко второму миллиону). Разумеется, его песни нравятся далеко не всем. Но уж тот, кто их полюбит, тот навсегда встанет под их знамена. И дело здесь не только в поэтических и музыкальных достоинствах. Дело, как мне представляется, в том, что эти песни создают целый художественный мир,— очень определенный, в каком-то отношении даже несколько замкнутый, но необычайно привлекательный. Некий полусказочный город, в котором дома не имеют замков, по главной улице которого «прогуливаются» и Александр Сергеевич, и Ленка Королев, и «ситцевые женщины», «в Барабанном переулке барабанщицы живут», а во дворах, «пыля», кружатся пары, и «заезжий музыкант целуется с трубою», и Моцарт играет «на маленькой скрипке». По бульварам этого царства-государства кружит синий троллейбус, а медсестра Мария стала министром здравоохранения, и это ее портреты висят в «кабинетах друзей»...

Подобная лента сюжетов и действующих лиц песен Окуджавы раскручивается весело и бесконечно. Этот мир, по своей отчетливости подобный «Гринландии» Александра Грина, легко доступен каждому, он радостно принимает тебя и лечит, и радуется, и успокаивает, и бодрит.

Нарядный, на первый взгляд пестрый внешний ряд образной системы этих песен давал основания некоторым поверхностным критикам считать Окуджава только «неис-

правимым романтиком». Но, внимательно вслушиваясь в его песни, в их грусть и тревогу, слыша подчас и боль и издевку, нельзя ограничиться этим приблизительным определением. Булат Окуджава постоянен не только в своих привязанностях, но и в своей неприязни. Рядом с трогательным «бумажным солдатиком» существуют в его песнях и образы опасных для нашего общества «дураков», которые, как известно, «любят собираться в стаю», и «оккупантов», у которых «хозяйская походка, надменные уста», и целая «Римская империя времени упадка», в которой узнаются до боли знакомые всем нам черты «видимости полного порядка».

Ирония, то открыто, то уходя в подтекст, в интонацию, в какое-нибудь словечко или междометие, — непрменный, почти постоянный, существеннейший компонент песен нашего поэта.

Настойчиво и последовательно, но никогда не впадая в дидактичность, Окуджава внушает нам простые истины о любви, вере, дружбе, братстве, верности, милосердии... Он делает это чаще всего очень деликатно, мягко: «Я потом, что непонятно, объясню», а иногда категорично: «Мы за ценой не постоим!», «Перед вами пусть встанут прошлого примеры!», — но почти всегда с улыбкой, когда с дружеской, а иногда с привкусом грусти и горечи: «Тем более, что жизнь короткая такая...», «Заледенела роза и облетела вся».

Большинство песен Окуджавы, даже те, что внешне бесхитростны, такие, например, как «Солнышко сияет, музыка играет», имеют весьма глубокий смысл, отдельные строки дают возможность нескольких толкований. Однако глубокий подтекст, инсказательность, метафоричность, иногда не очень простая символика, расплывчатость картины, мерцание образа и другие достаточно сложные приемы, характерные для поэтики Окуджавы, определяющие своеобразие его песенных стихов, казалось бы, обращенных к сравнительно узкому кругу ценителей поэтического слова, отнюдь не препятствует быстрому распространению песен, их устойчивой популярности, их долгожительству.

Это обстоятельство, а также такие примечательные особенности песен Окуджавы, как афористичность многих его строк, опора на фольклорные ритмы позволяют приблизить некоторые из них к народным. Приблизить, но отнюдь не отождествить. Ибо не менее характерной чертой песенного творчества Булата Окуджавы является его ярко выраженная личность, качество, закономерно отсутствующее в народной песне.

Такое совершенно необычное сочетание качеств народной песни и свойств сугубо индивидуальной лирической поэзии, включающей очень субъективные и сложные приемы современной поэтики, во многом и определяет своеобразие песенного дарования Булата Окуджавы.

Теперь, когда улеглись страсти, бушевавшие четверть века назад вокруг этого имени, и когда уже десятки песен Окуджавы прозвучали с экранов кино и телевидения, записаны на грампластинки, вошли в спектакли и радиопередачи, стали совершенно несомненными и их музыкальные достоинства, высокий уровень мелодического и исполнительского дара Булата Окуджавы. Еще для многих необычного, но уже почти для всех очевидного.

Совсем не случайным представляется то обстоятельство, что песни Булата Окуджавы имеют большой успех и за рубежами нашей страны — в Польше, Югославии, Болгарии, ГДР, Японии, ФРГ, во Франции, то есть, у иноязычного слушателя, который воспринимает прежде всего их мелодии.

В 1985 году Булату Окуджаве был присужден приз «Золотая гитара» на фестивале в Сан-Ремо (Италия).

Одним из свидетельств всё ширящегося признания, теперь уже не только слушателей-любителей, но и профессионалов, является и выход этой книги, в которой

представлено более ста песен теперь уже всемирно известного поэта-певца-композитора. Вероятно, этот сборник будет интересен не только профессионалам (многие из этих песен уже давно вошли в репертуар таких певцов и актеров, как И. Кобзон, Т. Доронина, Г. Великанова, Ж. Бичевская; особенно интересно, как мне кажется, поют их Елена Камбурова, Татьяна и Сергей Никитины).

Давно уже замечена и такая примечательная особенность «песенок» Булата Окуджавы: они не столько «концертные», «общие», сколько «бытовые», «личные»: мы их не только любим слушать, но и сами напеваем, совершенно не стесняясь своих скромных голосовых данных или даже полного их отсутствия. Эти песни, как удачно сказал однажды кинорежиссер Эльдар Рязанов, «уже входят в состав нашей души».

...Какой-то особой магией обладают иные словосочетания стихов и песен Булата Окуджавы. Не так-то просто подчас определить, в чем же состоит их привлекательность, почему все чаще возникают они, особенно в последние годы, на газетных и журнальных страницах в качестве заголовков статей и заметок самых разных авторов. В Литературном музее собрана уже целая коллекция вырезок с названиями типа «Возьмемся за руки, друзья!», «Мы за ценой не постоим!», «До свидания, мальчики», «Пусть будет дверь открыта», «Давайте понимать друг друга с полуслова...» **ДАВАЙТЕ!** Эти добрые слова, конечно же, близки и дороги всем, кто ценит подлинное человеческое общение, которому так верно служит хорошая песня.

Лев ШИЛОВ

ГЛАВНАЯ ПЕСЕНКА

Музыка и слова Б. Окуджавы

Неторопливо

Пение *mp* Hm F#7

На - вер - но - е, са - му - ю луч - шу - ю на

Hm F#7 H7

э - той, зем.ной сто - ро - не, хо - жу я и пе - сен - ку

Em F#7

слу - ша - ю - о - на ше - вель - ну - лась во мне. О -

Hm F#7

- на е - ще о - чень не - спе - та - я, о -

Hm F#7 H7

- на зе - ле.на, как тра - ва, но чу - дит - ся му - зы - ка

Em F#7 Hm

свет.ла.я, и стро - го ло - жат - ся сло - ва. Сквозь//

2. Hm F#7 Hm H7

- то - ру - ю спеть я не смог. Та са - ма.я глав - на.я

Em Hm
F# F#7 Hm

пе-сен-ка, ко-то-ру-ю спеть я не смог.

Наверное, самую лучшую
на этой, земной стороне,
хожу я и песенку слушаю —
она шевельнулась во мне.

Она еще очень неспетая,
она зелена, как трава,
но чудится музыка светлая,
и строго ложатся слова.

Сквозь время, что мною не пройдено,
сквозь смех наш короткий и плач
я слышу: выводит мелодию
какой-то грядущий трубач.

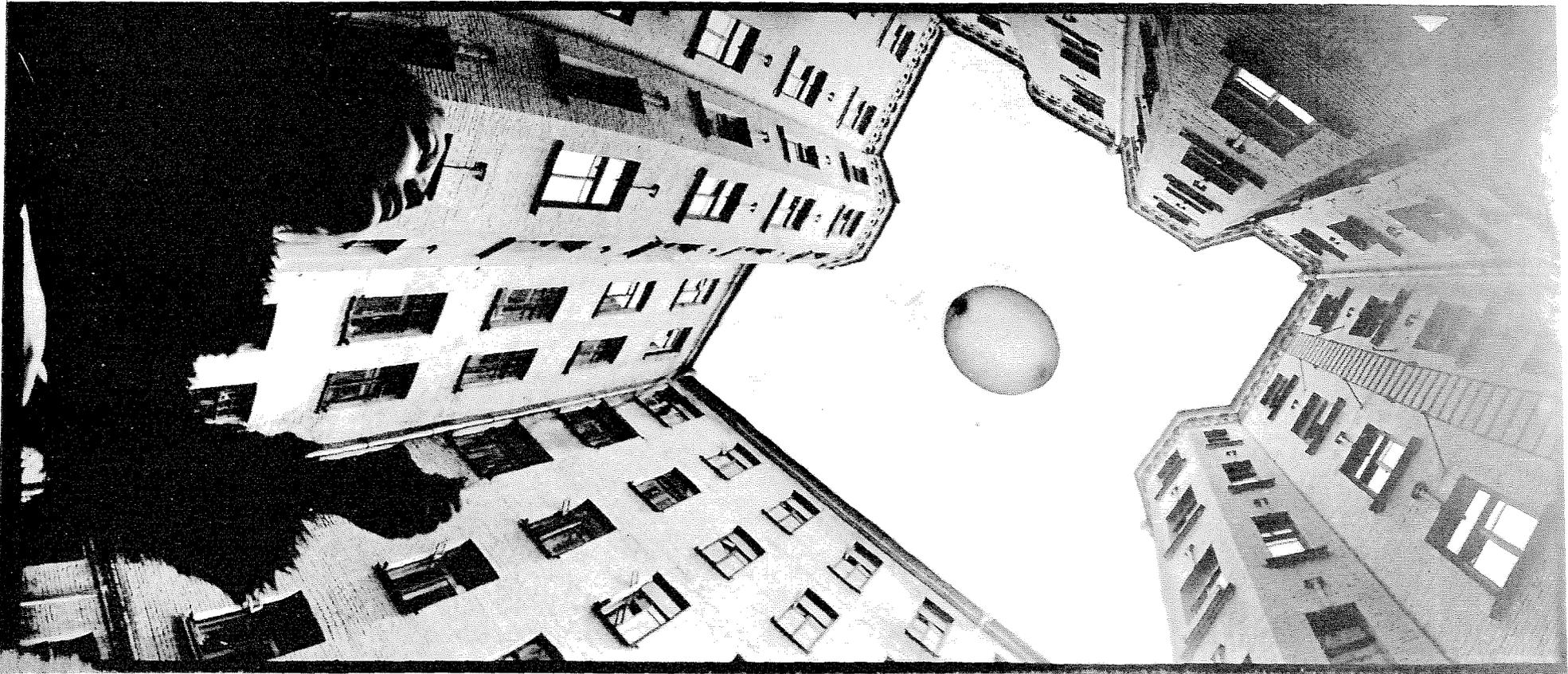
Легко, необычно и весело
кружит над скрещеньем дорог
та, самая главная песенка,
которую спеть я не смог.

А гай прохорит, как песты,
иные на мир я бьюту.
Во глариве титом мне жеено,
и я из него чхашу.

Ни карегли и ни бабайсуба
для гайбных зороб не цошу,
но малевкий гларив арбайский
с собой цошу, цошу...

Улица Арбат. 1956 г.

Выступление в московском
Дворце спорта. 1962 г.

Фото В. Охотина

В кафе «Артистическое», 1961 г.
Фото А. Капустянского

ГОРИ, ОГОНЬ, ГОРИ

Ю. Нагибину

В ритме вальса

The musical score is written in G major (one sharp) and 3/4 time. It consists of four staves of music. The first staff begins with a dynamic marking of *mf* and a chord of Hm. The second staff has a chord of F#7. The third staff has chords of H7 and Em. The fourth staff has chords of F#7, Hm, and Hm. The lyrics are: Не-ис-тов и у-пря-м, го-ри, о-гонь, го-ри. На сме-ну де-каб-ря-м при-хо-дят ян-ва-ри. Нам всё да-но спол-на — и ра-дос-ти, и сме-х, од-на на всех лу-на, вес-на од-на на всех. Про-хо-дят ян-ва-ри.

Неистов и упря-м,
гори, огонь, гори.
На смену декаб-рям
приходят январ-и.

Пусть оправданья нет,
и даже век спустя
семь бед — один ответ,
один ответ — пустяк.

Нам всё дано сполна —
и радости, и смех,
одна на всех луна,
весна одна на всех.

Неистов и упря-м,
гори, огонь, гори.
На смену декаб-рям
приходят январ-и.

Прожить лета б дотла,
а там пускай ведут
за все твои дела
на самый страшный суд.

Первая песня появилась у меня почти случайно в 1946 году. Тогда я был студентом первого курса университета. Я очень гордился этим своим новым званием и решил — так как я писал стихи — написать студенческую песню. По моим представлениям, студенческая песня должна была быть очень грустной, типа «Быстры, как волны, дни нашей жизни» или что-нибудь в этом роде. И вот как-то однажды я подсел к пианино и двумя пальцами стал подбирать музыку к стихам «Неистов и упря-м, гори, огонь, гори...» Получилась песенка. Друзья ее подхватили. А еще раньше, на фронте, я написал стихи, придумал мелодию — и потом наш полк пел: «Нам в холодных теплушках не спалось». Но к этому занятию я тогда относился несерьезно...

ПЕСЕНКА ОБ АРБАТЕ

Не спеша

Ты те- чешь, как ре- ка. Стран-но-е наз-ва-ни-е! И про-зра-чен ас-фальт, как в ре-ке во-да. Ах, Ар-бат, мой Ар-бат, ты — мо-е при-зва-ни-е, ты — и ра-дость мо-я, и мо-я бе-да. Ах, Ар-бат, мой Ар-бат, ты мо-е при-зва-ни-е, ты — и ра-дость мо-я, и мо-я бе-да. Пеш-е-//_б-я!

© Издательство «Советский композитор», 1988 г.

Ты течешь, как река. Странное название!
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат, ты — мое призвание,
Ты — и радость моя, и моя беда.

Пешеходы твои — люди невеликие,
каблуками стучат — по делам спешат.
Ах, Арбат, мой Арбат, ты — моя религия,
мостовые твои подо мной лежат.

От любви твоей вовсе не излечишься,
сорок тысяч других мостовых любя,
Ах, Арбат, мой Арбат, ты — мое отечество,
никогда до конца не пройти тебя!

Арбат для меня не просто улица, а место, которое для меня как бы олицетворяет Москву и мою родину.

ПОЛНОЧНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Подвижно
tr

Ког- да мне не- вмочь пе- ре- си- лить бе-
ду, ког- да под-сту- па- ет от-ча- я- нье, я в си- ний трол-
лей- бус са- жусь на хо- ду, в по- след- ний, в слу- чай- ный.
Я в си- ний трол- лей- бус са- жусь на хо- ду, в по-
след- ний, в слу- чай- ный. Послед- ний тролл//
(Конец)

© Издательство «Советский композитор», 1988 г.

Когда мне невмочь пересилить
беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь
на ходу,
в последний,
в случайный.

Последний троллейбус, по улицам
мчи,
верши по бульварам круженье,
чтоб всех подобрать, потерпевших
в ночи
крушенье,
крушенье.

Последний троллейбус, мне дверь
отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь
твои пассажиры, матросы твои
приходят на помощь.

Я с ними не раз уходил
от беды,
я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе,
доброты
в молчанье,
в молчанье.

Последний троллейбус плывет
по Москве,
Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчком стучала
в виске,
стихает,
стихает.

ЧАСОВЫЕ ЛЮБВИ

Подвижно

Musical score for the song "Часовые любви". The score is written on a single treble clef staff with a key signature of one sharp (F#) and a 3/4 time signature. The tempo is marked "Подвижно" (Allegretto). The score consists of eight lines of music, each with a guitar chord indicated above the staff and lyrics below. The chords are: G7, C, E7, Am, G7, C, H7, E7, A7, Dm, E7, Am, E, E7, Am, Dm, Am, G7, C, Dm, I. Am, E, E7, Am. The lyrics are: Часо-вы-е люб-ви на Смо-ленской сто-
 -ят, часо-вы-е люб-ви у Ни-хитских не
 спят, часо-вы-е люб-ви по Пет-ровке и.
 -дут не-из-мен-но. Ча-со-
 вым по-ла-га-ет-ся сме-на. (Конец) О ве-
 -ли- ка-я, веч-на-я ар-ми-я, где не
 власт-ны сло-ва и руб-ли, где все ря-до-вы-е— ведь
 мар-ша-лов нет у люб-ви! Пусть по-//

2. Am E E7 Am G7 %

- ве под-сту-па- ет вес- на. Ча- со- вы- е люб-//

Часовые любви на Смоленской стоят,
 Часовые любви у Никитских не спят,
 Часовые любви по Петровке идут
 неизменно.
 Часовым полагается смена.

О великая вечная армия,
 где не властны слова и рубли,
 где все рядовые — ведь маршалов нет у любви!
 Пусть поход никогда ваш не кончится,
 признаю только эти войска!..
 Сквозь зимы и вьюги к Москве подступает весна.

Часовые любви на Волхонке стоят.
 Часовые любви на Неглинной не спят.
 Часовые любви по Арбату идут
 неизменно.
 Часовым полагается смена.

ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИК

Ю. Левитанскому

Маршеобразно

Встань по - рань-встань по - рань-ше, встань по - рань - ше,
 ког- да двор-ни-ки ма- я - чат у во - рот. Ты у -
 - ви - дишь, ты у - ви - дишь, как ве - се - лый ба - ра -
 - бан - щик в ру - ки па - лоч-ки кле - но - вы - е бе -
 - рет. Ты у - // -рет. Будет // -бан.

Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше,
 когда дворники маячат у ворот.
 Ты увидишь, ты увидишь, как веселый барабанщик
 в руки палочки кленовые берет.

Будет полдень, суматохою пропахший,
 звон трамваев и людской водоворот,
 но прислушайся — услышишь, как веселый барабанщик
 с барабаном вдоль по улице идет.

Будет вечер, заговорщик и обманщик,
 темнота на мостовые упадет,
 но взглядишь — и ты увидишь, как веселый барабанщик
 с барабаном вдоль по улице идет.

Грохот палочек... то ближе он, то дальше.
 Сквозь сумятицу, и полночь, и туман...
 Неужели ты не слышишь, как веселый барабанщик
 вдоль по улице проносит барабан?!
 Как мне жаль, что ты не слышишь, как веселый барабанщик
 вдоль по улице проносит барабан.

«НЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ, А ТРИСТА ЛЕТ...»

Подвижно

Не тридцать лет, а триста лет иду, представьте вы,
по этим древним площадям, по голубым торцам.
Мой город носит высший чин и звание Москвы,
но он навстречу всем гостям всегда выходит сам.

Не тридцать лет, а триста лет иду, представьте вы,
по этим древним площадям, по голубым торцам.
Мой город носит высший чин и звание Москвы,
но он навстречу всем гостям всегда выходит сам.

Иду по улицам его в рассветной тишине,
бегу по улицам кривым (простите, города).
Но я — московский муравей, и нет покоя мне,
так было триста лет назад, и будет так всегда.

Ах, этот город, он такой, похожий на меня:
то грустен он, то весел он, но он всегда высок.
Что там за девочка в руке несет кусочек дня,
как будто завтрак в узелке мне, муравью, несет?

Мне давно хотелось написать песню о Москве, городе, который я так люблю. Но не похожую на гимн, а какую-то интимную, выразить мою любовь. Вот так я думал, мечтал, мечтал... И вот у меня стали появляться «Ленька Королев», «Полночный троллейбус», потом «Московский муравей», «Арбат, мой Арбат» — и получился такой вот цикл московских песен.

ДЕЖУРНЫЙ ПО АПРЕЛЮ

Ж. Болотовой

Подвижно

The musical score is written in 4/4 time with a key signature of one sharp (F#). It consists of four staves of music. The first staff begins with a forte (f) dynamic and a repeat sign. The lyrics are: "Ах, ка- ки - е у - ди - ви - тель - ны - е но - чи!". The second staff continues the melody with lyrics: "Толь- ко ма- ма мо- я в гру- сти и в тре- во - ге:". The third staff has lyrics: "«Что же ты гу- ля- ешь, мой сы- но- чек, о - ди - но - кий,". The fourth staff is divided into two parts: the first part (marked '1.') has lyrics "о - ди - но - кий?»" and the second part (marked '2.') has lyrics "о - ди - но - кий?» Из кон.// (Конец)". Chord symbols (C, G7, E7, Am, Dm, E) are placed above the notes to indicate the harmonic accompaniment.

Ах, какие удивительные ночи!
Только мама моя в грусти и в тревоге:
«Что же ты гуляешь, мой сыночек,
одинокий, одинокий?»

Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали звезды и крупнее и добрее.
«Мама, мама, это я дежурю,
я дежурный по апрелю!»

«Мой сыночек, вспоминаю всё, что было,
стали грустными глаза твои, сыночек.
Может быть, она тебя забыла,
знать не хочет, знать не хочет?»

Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали звезды и крупнее и добрее.
«Что ты, мама, просто я дежурю,
я дежурный по апрелю.
Мама, мама, это я дежурю,
я дежурный по апрелю.»

МОРЕ ЧЕРНОЕ

Умеренно

mf Dm A_7 Dm

Не-по-кор-на-я го-лу-ба-я вол-на всё бе-

E_7 A_7 Dm

-жит, всё бе-жит, не кон-ча-ет-ся. Мо-ре

Gm C_7 Dm E_7

Чер-но-е, слов-но ча-ша ви-на, на ла-до-ни мо-

A_7 Dm 1. 2. Dm

-ей всё ка-ча-ет-ся. Мо-ре // Я всё //

Gm C_7 Dm

Мо-ре Чер-но-е на ла-до-ни мо-ей,

E_7 A_7 Dm

как бар-кас у-хо-дя-щий, ка-ча-ет-ся.

Непокорная голубая волна
всё бежит, всё бежит, не кончается.
Море Черное, словно чаша вина,
на ладони моей всё качается.

Я всё думаю об одном, об одном,
словно берег надежды покинувши.
Море Черное, словно чашу с вином,
пью во имя твое, запрокинувши.

Неизменное среди многих морей,
как расстаться с тобой, не отчаяться?
Море Черное на ладони моей,
как баркас уходящий, качается.

ПЕСЕНКА О БУМАЖНОМ СОЛДАТИКЕ

Свободно

Один солдат на свете жил, кра-

Подвижно

-сильный и отважный, но он игрушкой

детской был, ведь был солдат бумажный.

Он переделать мир хотел, чтоб бумажный.

Один солдат на свете жил,
красивый и отважный,
но он игрушкой детской был,
ведь был солдат бумажный.

Не доверяли вы ему
своих секретов важных,
а почему? А потому,
что был солдат бумажный.

Он переделать мир хотел,
чтоб был счастливым каждый,
а сам на ниточке висел:
ведь был солдат бумажный.

А он, судьбу свою кляня,
не тихой жизни жаждал,
и всё просил: «Огня! Огня!»
Забыв, что он бумажный.

Он был бы рад в огонь и в дым,
за вас погибнуть дважды,
но потешались вы над ним,
ведь был солдат бумажный.

В огонь? Ну что ж, иди! Идешь?
И он шагнул однажды,
и там сгорел он ни за грош:
ведь был солдат бумажный.

ПЕСЕНКА О ГОЛУБОМ ШАРИКЕ

Неторопливо

The musical score is written in G major (one sharp) and 2/4 time. It consists of two staves. The first staff has a tempo marking 'Неторопливо' and a dynamic marking 'tr'. The melody is simple and consists of eighth and quarter notes. The lyrics are: 'Де-воч-ка пла-чет: ша-рик у-ле-тел. Е-е у-те-'. The second staff is divided into two sections: 'Для повторения' and 'Для окончания'. The lyrics for the first section are '-ша-ют, а ша-рик ле-тит.' and for the second section are 'а он го-лу-бой.' The score includes chord markings: Hm, Em, F#7, and Hm.

Девочка плачет: шарик улетел.
Ее утешают, а шарик летит.

Девушка плачет: жениха всё нет.
Ее утешают, а шарик летит.

Женщина плачет: муж ушел к другой.
Ее утешают, а шарик летит.

Плачет старушка: мало пожила...
А шарик вернулся, а он голубой.

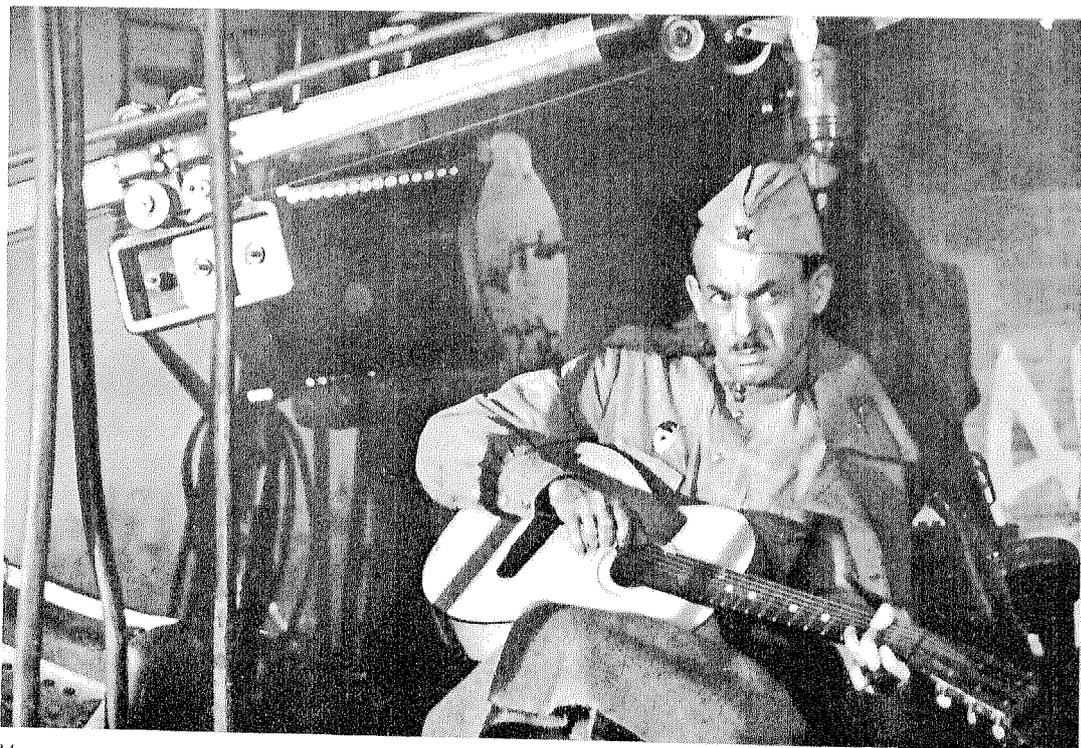
История Москвы по необъяснимой своей прихоти избрала именно этот район для наиболее полного самовыражения. У Арбата нет задворков, а есть вообще Арбат — район, страна, живая, трепещущая история, наша культура... Я даже подозреваю, что у него есть душа и она вот уже несколько столетий источает невидимые волны, благотворно действующие на наше нравственное здоровье.

Памятник ученикам
110-й московской школы.
Скульптор Д. Митлянский

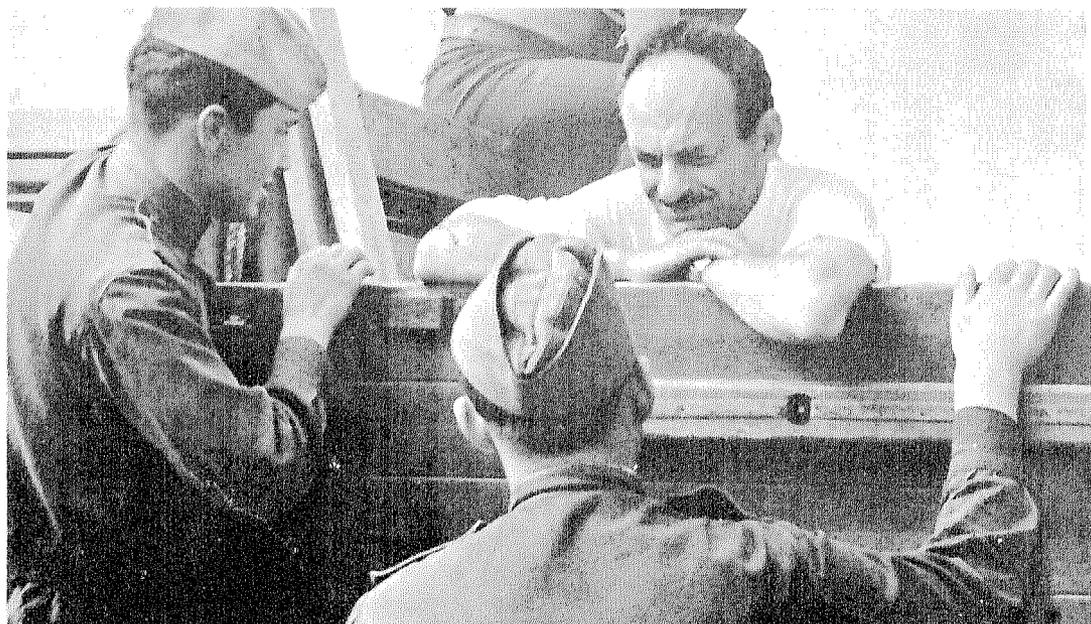
Б. Окуджава в фильме
«Женя, Женечка и «катушка». 1965 г.

Выступление
в г. Ростове, 70-е годы.

В перерыве
между съёмками фильма, 1965 г.

Булат Окуджава. 1944 г.

«НЕ ВЕРЬ ВОЙНЕ, МАЛЬЧИШКА...»

Протяжно

Не верь войне, мальчишка, не верь, она грустна. О-

на грустна, мальчишка, как сапоги, тесна.

Не верь войне, мальчишка,
не верь, она грустна.
Она грустна, мальчишка,
как сапоги, тесна.

Твои лихие кони
не смогут ничего.
Ты весь — как на ладони,
все пули — в одного.

Я закончил девятый класс, когда началась война. Как и многие сверстники, отчаянно рвался на фронт. Вместе с другом мы каждый день наведывались в военкомат. Нам вручали повестки и говорили: «Разнесите их по домам, а завтра мы вас отправим». Длилось так полгода... Наконец, сломленный нашим упорством, капитан не выдержал и сказал: «Пишите свои повестки сами. У меня рука не поднимается это сделать». Мы заполнили бланки и отнесли их домой: он — ко мне, а я — к нему...

ПЕСЕНКА О СОЛДАТСКИХ САПОГАХ

Маршеобразно

Am E7

Вы слы-ши-те, гро-хо-чут са-по-

Am A7

-ги, и пти-цы о-ша-ле-лы-е ле-

Dm

-тят, и жен-щи-ны гля-дят из-под ру-

Am E

-ки, вы по-ня-ли, ку-да о-ни гля-

1. E7

2.

E7

дят. Вы //прош-ло-е яс-ней, яс-ней, яс-

Для окончания

Am E7 Am

-ней. А //тыл-ки на-ши круг-лы-е гля-дят.

Dm Am E

И жен-щи-ны гля-дят из-под ру-ки,

Вы слышите, грохочут сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки,
вы поняли, куда они глядят.

Вы слышите, грохочет барабан,
солдат, прощайся с ней, прощайся с ней.
Уходит взвод в туман — в туман — в туман,
а прошлое ясней, ясней, ясней.

А где же наше мужество, солдат,
когда мы возвращаемся назад?
Его, наверно, женщины крадут,
и, как птенца, за пазуху кладут.

А где ж наши женщины, дружок,
когда ступаем мы на свой порог?
Они встречают нас и вводят в дом,
а в нашем доме пахнет воровством.

А мы рукой на прошлое — вранье!
А мы с надеждой в будущее — свет!
А по полям жиреет воронье,
а по пятам война грохочет вслед.

И снова переулком — сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки,
в затылки наши круглые глядят.

ПЕСЕНКА О ЛЕНЬКЕ КОРОЛЁВЕ

Б. Федорову

Маршеобразно

Во дво-ре, где каж-дый ве-чер всё иг-

-ра-ла ра-ди-о-ла, где па-ры тан-це-ва-ли, пы-

-ля, ре-бя-та у-ва-жа-ли о-чень

Лень-ку Ко-ро-лё-ва и при-сво-и-ли е-му

звань-е Ко-ро-ля. Был Ко-роль, как ко-

-роль, все-мо-гущ. И ес-ли дру-гу ста-нет // по-то-

-му что (ви-но-ват), но я Моск-вы не пред-став-

ПЕСЕНКА О МЕДСЕСТРЕ МАРИИ

Умеренно *mp* Hm F#

А что я ска- зал мед-сест-ре Ма-

-ри- и, ког- да об-ни- мал е-

- е? « Зна- ешь, а вот о-фи-цер-ски-е

Для повторения

доч- ки на нас, на сол- дат, не гля.

Для окончания

дят.» А по- ле // - деть не хо- тят!»

А что я сказал медсестре Марии, когда обнимал ее?
«Знаешь, а вот офицерские дочки на нас, на солдат, не глядят.»

А поле клевера было под нами, тихое, как река,
и волны клевера набегали, и мы качались на них.

И Мария, раскинув руки, плыла по этой реке.
И были черными и бездонными голубые ее глаза.

И я сказал медсестре Марии, когда наступил рассвет:
«Нет, ты представь, офицерские дочки на нас и глядеть не хотят!»

ПРОСТИТЕ ПЕХОТЕ

Сдержанно

Hm

mf

Про-сти-те пе-хо-те,

что так не-ра-

-зум-на бы-ва-ет о-на;

всег-да мы у-

-хо-дим,

ког-да над зем-ле-ю бу-шу-ет вес-

-на.

И ша-гом не-вер-ным

по лест-нич-ке

шат-кой спа-се-ни-я нет... Лишь бе-лы-е вер-бы,

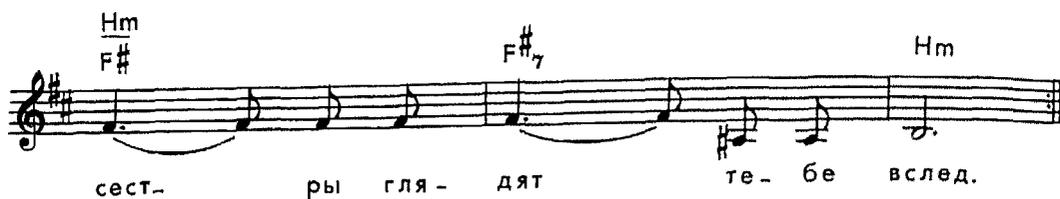
как бе-лы-е сест-ры, гля-дят те-бе

вслед.

Лишь бе-лы-е вер-бы,

как бе-лы-е

Простите пехоте,
 что так неразумна бывает она:
 всегда мы уходим,
 когда над землею бушует весна.
 И шагом неверным
 по лестничке шаткой спасения нет...
 Лишь белые вербы,
 как белые сестры, глядят тебе вслед.

Не верьте погоде,
 когда проливные дожди она льет.
 Не верьте пехоте,
 когда она бравые песни поет.
 Не верьте, не верьте,
 когда по садам закричат соловьи:
 у жизни со смертью
 еще не окончены счеты свои.

Нас время учило:
 живи по-привальному, дверь отворяя...
 Товарищ мужчина,
 а все же заманчива должность твоя:
 всегда ты в походе,
 и только одно отрывает от сна:
 чего ж мы уходим,
 когда над землею бушует весна?
 Куда ж мы уходим,
 когда над землею бушует весна?

Шарманка - шарманка,
как сладко ты поешь!
Шарманка - шарманка,
куда меня зовешь!

1962 г.

С феодосийскими моряками. 1966 .

С Д. Самойловым. 1962 г.

«ИЗ ОКОН КОРОЧКОЙ НЕСЕТ ПОДЖАРИСТОЙ...»

Е. Рейну

Подвижно

mf Hm

Из о-кон ко-роч-кой не-сет под-

A7 D

-жа-ри-стой, за за-на-вес-ка-ми-мель-ка-нье рук. Здесь о-ста-

Em Hm
D

-нов-ки нет, а мне-по-жа-луй-ста: шо-фер в ав-

F#7
C# Hm

-то-бу-се-мой луч-ший друг. Здесь о-ста-

Em Hm
F#

-нов-ки нет, а мне-по-жа-луй-ста: шо-фер в ав-

F#7 Hm

-то-бу-се-мой луч-ший друг. Я зна-ю, //

(Конец)

Из окон корочкой несет поджаристой,
за занавесками — мельканье рук.
Здесь остановки нет, а мне — пожалуйста:
шофер в автобусе — мой лучший друг.

Я знаю, вечером ты в платье шелковом
пойдешь по улицам гулять с другим...
Ах, Надя, брось коней кнутом нащелкивать,
попридержи коней, поговорим.

А кони в сумерках колышут гривами.
Автобус новенький, спеши, спеши!
Ах, Надя, Наденька, мне б за двугривенный
в любую сторону твоей души.

Она в спецовочке такой промасленной,
берет немислимый такой на ней...
Ах, Надя, Наденька, мы были б счастливы...
Куда же гонишь ты своих коней!

Но кони в сумерках колышат гривами.
Автобус новенький спешит — спешит.
Ах, Надя, Наденька, мне б за двугривенный
в любую сторону твоей души!

Вспоминаю, что тогда, в конце пятидесятых, я мечтал найти двух-трех гитаристов и каждый вечер выходить с ними на Тверской бульвар и петь, приучать публику к песням. Друзья меня отговорили. А потом так получилось, что особенно «приучать» не пришлось: публика привыкла к песням, а я — к публике.

ПЕСЕНКА О ВАНЬКЕ МОРОЗОВЕ

А. Межирову

Подвижно

mf Em H7

За что ж вы Ваньку-то Морозова? Ведь

Em

он ни в чем не виноват. Она сама его морочила

H7 Em

-рочи-ла, а он ни в чем не виноват.

За что ж вы Ваньку-то Морозова?
Ведь он ни в чем не виноват.
Она сама его морочила,
а он ни в чем не виноват.

Он в старый цирк ходил на площади
и там циркачку полюбил.
Ему чего-нибудь попроще бы,
а он циркачку полюбил.

Она по проволке ходила,
махала белою рукой.
И страсть Морозова схватила
своей мозолистой рукой.

А он швырял в «Пекине» сотни,
ему-то было всё равно.
А по нему Маруся сохнет,
и это ей не все равно.

А он медузами питался,
циркачке чтобы угодить.
И соблазнить ее пытался,
чтоб ей, конечно, угодить.

Не думал, что она обманет,
ведь от любви беды не ждешь...
Ах, Ваня, Ваня, что ж ты, Ваня,
ведь сам по проволке идешь...

ПЕСЕНКА О ДУРАКАХ

В ритме вальса

Вот так и ве-дет-ся на на-шем ве-ку: на

каж-дый прилив по от-ли-ву, на каж-до-го ум-но-го-

по ду-ра-ку, всё по-ров-ну, всё спра-вед-ли-во.

Вот так и ведётся на нашем веку:
на каждый прилив — по отливу,
на каждого умного — по дураку,
всё поровну, всё справедливо.

Но принцип такой дуракам не с руки,
с любых расстояний их видно.
Кричат дуракам: «Дураки, дураки!»
А это им очень обидно.

И чтоб не краснеть за себя дураку,
чтоб каждый был выделен, каждый,
на каждого умного — по ярлыку
повешено было однажды.

Давно в обиходе у нас ярлыки —
по фунту на грошик на медный.
И умным кричат: «Дураки, дураки!»
А вот дураки — незаметны.

«ЖЕНЩИНЫ-СОСЕДКИ, БРОСЬТЕ СТИРКУ И ШИТЬЕ...»

Скоро

$\%$ Hm

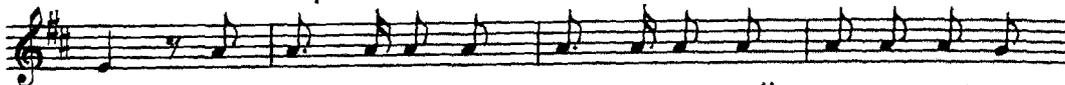
mf

Em

Жен - щи - ны - со - сед - ки, брось - те стир - ку и шить -

A7

- е, жи - ви - те, буд - то за - но - во, всё на - чи - най - те

D

Em

сно - ва! У по - ро - га, как тре - во - га,

Hm
F#

F#7

ждет нас но - во - е жить - е и то - ва - рищ на -

Hm

Приве

- деж - да по фа - ми - ли - и Чер - но - ва. Ни

Em

при - бы - ли, ни у - бы - ли не бу - дем мы счи - тать - не

A7

D

на - до, не на - до, чтоб ста - но - ви - лось тош - но!

Em

Hm
F#

Мы ус - пе - ли со - рок ты - сяч всяких книжек прочи - тать

1.

и уз- на- ли, что к че- му и что по- чем, и о- чень точ- но.

2.

Мы ус- пе- ли со- рок // чем, и о- чень точ- но. Про-//
(Конец)

Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье,
живите, будто заново, всё начинайте снова!
У порога, как тревога, ждет нас новое житье
и товарищ Надежда по фамилии Чернова.

Припев: Ни прибыли, ни убыли не будем мы считать —
не надо, не надо, чтоб становилось тошно!
Мы успели сорок тысяч всяких книжек прочитать
и узнали, что к чему и что почем, и очень точно.

Прощайте, прощайте, наш путь предельно чист,
нас ждет веселый поезд, и два венка терновых,
и два звонка медовых, и грустный машинист,
и товарищ Надежда по фамилии Чернова.

Припев

Глаза ее суровы, их приговор таков:
чтоб на заре без паники, чтоб вещи были собраны,
чтоб каждому мужчине — по паре пиджаков,
и чтобы ноги — в сапогах, а сапоги — под седлами.

Припев: Ни прибыли, ни убыли не будем мы считать —
не надо, не надо, чтоб становилось тошно!
Мы успели сорок тысяч всяких книжек прочитать
и узнали, что к чему и что почем, и очень точно.

ПЕСЕНКА ПРО ЧЕРНОГО КОТА

Умеренно

mf

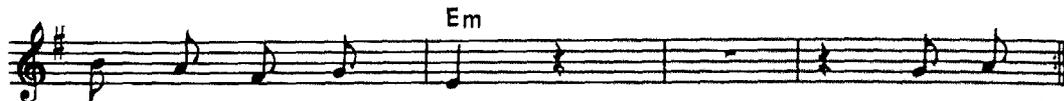
Em

Со дво- ра- поь- езд из- вест- ный под на-

звань ем, «чер- ный ход». В том подь- ез- де, как в по- месье, про- жи-

- ва - ет Чер- ный Кот. Он в у- //

- ве- сить... Де- нег всё не со- бе- рем.

Со двора — подъезд известный
под названьем «черный ход».
В том подъезде, как в поместье,
проживает Черный Кот.

Он в усы усмешку прячет,
темнота ему — как щит.
Все коты поют и плачут —
этот Черный Кот молчит.

Он давно мышей не ловит,
усмехается в усы,
ловит нас на честном слове,
на кусочке колбасы.

Он не требует, не просит,
желтый глаз его горит.
Каждый сам ему выносит
и «спасибо» говорит.

Он и звука не проронит —
только ест и только пьет.
Грязный пол когтями тронет —
как по горлу поскребет.

Оттого-то, знать, невесел,
дом, в котором мы живем.
Надо б лампочку повесить...
Денег всё не соберем.

МАСТЕР ГРИША

Адаму, Яцеку, Карлою

Неторопливо

В на- шем до- ме, в на- шем до- ме, в на- шем
до- ме — бла- го- дать, бла- го- дать.
Все о- би- ды до вре- ме- ни пря- чем. Ни- че-
- го, что у- да- чи по- ка не ви- дать — зря не пла- чем.
Зря не // Гри- ша, мас- тер Гри- ша,
мас- тер Гри- ша, мас- тер Гри- ша...

В нашем доме, в нашем доме,
в нашем доме —
благодать, благодать.
Все обиды до времени прячем.
Ничего, что удачи пока
не видать —
зря не плачем.
Зря не плачем, зря не плачем,
зря не плачем —
для чего, для чего?
Мастер Гриша придет, рядом сядет.
Две больших, две надежных руки
у него —
всё наладит.

Всё наладит, всё наладит,
всё наладит —
переждем, переждем,
На кого же надеяться, кроме?
Разговоры идут день за днем
всё о нем
в нашем доме.

В нашем доме, в нашем доме,
в нашем доме —
сквозняки, сквозняки.
Да под ветром корезится крыша...
Ну-ка, вынь из карманов свои
кулаки,
мастер Гриша.

«ЛЕЖАТЬ БЫ ГУСАКУ...»

Быстро

Ле- жать бы гу- са- ку в жа-ров- не на бо-

- ку, да, ви- ди- мо, не - мно- го под-фар-ти- ло ста-ри-

- ку: не то, что-бы хо- зя- ин по-жа- лел е-го всерь-

- ез, а прос-то он гу- ся- ти-ну на завт-ра пе-ре-

нес. Но гу- сак пе- ред стро- ем гу- си- ным

хо- дит мед- лен- ным ша- гом гу- си- ным,

го- во- рит им: «Вы ви- ди- те са- ми-

мы схо- зя- и- ном ста- ли друзья- ми!» Ста-||

«ВСЮ НОЧЬ КРИЧАЛИ ПЕТУХИ...»

О. Баграковой

Сдержанно

Всю ночь кри-ча-ли пе-ту-хи

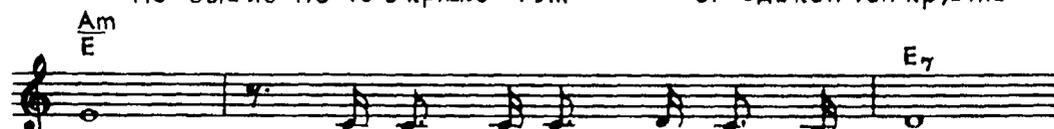
и ше-я-ми мо-та-ли, как буд-то но-вы-е сти-

-хи, за-крыв гла-за, чи-та-ли.

Но бы-ло что-то в кри-ке том от ед-кой той кру-чи-

-ны, ког-да, со-гнув-шись, вхо-дят в дом,

сты-дять се-бя, муж-чи-ны. // -ро.

Всю ночь кричали петухи
и шеями мотали,
как будто новые стихи,
закрыв глаза, читали.

Но было что-то в крике том
от едкой той кручины,
когда, согнувшись, входят в дом,
стыдясь себя, мужчины.

И был тот крик далек-далек
и падал так же мимо,
как гладят, глядя в потолок,
чужих и нелюбимых.

Когда ласкать уже невмочь
и отказать трудно...
И потому всю ночь, всю ночь
не наступало утро.

ПЕСЕНКА ВЕСЕЛОГО СОЛДАТА

Маршеобразно

The musical score is written on four staves in G major (one sharp) and 2/4 time. The tempo is marked 'Маршеобразно' (March-like). The first staff begins with a treble clef, a key signature of one sharp (F#), and a 2/4 time signature. The melody is marked with a dynamic of *mf*. Chords are indicated above the staff: Hm, F#7, and Hm. The lyrics are: 'Возь - му ши - нель, и вещ - мешок, и кас - ку,'. The second staff continues the melody with chords F#7 and Hm. The lyrics are: 'в за - щит - ну - ю о - кра - шен - ны - е крас - ку,'. The third staff has chords A7 and D. The lyrics are: 'у - да - рю шаг по у - лоч - кам гор - ба - тым...'. The fourth staff has chords Em, F#7, and Hm. The lyrics are: 'Как прос - то стать сол - да - том, сол - да - том.'

Возьму шинель, и вещмешок, и каску,
в защитную окрашенные краску,
ударю шаг по улочкам горбатым...
Как просто стать солдатом, солдатом.

Забыты все домашние заботы,
не надо ни зарплаты, ни работы —
иду себе, играю автоматом,
как просто быть солдатом, солдатом!

А если что не так — не наше дело:
как говорится, родина велела!
Как славно быть ни в чем не виноватым,
совсем простым солдатом, солдатом.

— Иду себе, играю автоматом.
Как просто быть солдатом, солдатом...

На самом-то деле я так, конечно, не думаю. Ведь сам был и минометчиком, и пулеметчиком ручного пулемета и — после ранения — радистом тяжелой артиллерии. А песенка эта ироническая, грустная — своего рода протест против бодрячества, шапкозакидательских настроений некоторых произведений о войне. Ведь в любом случае кровь остается кровью, смерть — смертью. Война же, согласитесь, — вещь противоестественная, отнимающая у человека природой данное право на жизнь. Я ранен ею на всю жизнь, и до сих пор еще часто вижу во сне погибших товарищей, пепелища домов, развороченную воронками землю... Я ненавижу войну.

ПЕСЕНКА О СТАРОМ, БОЛЬНОМ, УСТАЛОМ КОРОЛЕ
(КОТОРЫЙ ОТПРАВИЛСЯ ЗАВОЕВЫВАТЬ ЧУЖУЮ
СТРАНУ, И О ТОМ, ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ)

Подвижно

В по - ход на чу - жу - ю стра - ну со - би -

-рал- ся ко- роль. Е- му ко- ро-

-ле- ва ме- шок су- ха- рей на- су- ши- ла

и ста- ру- ю ман- ти- ю так ак- ку-

-рат- но за- ши- ла, да- ла е- му

пач- ку ма- хор- ки и втря- поч- ке соль.

и // - вать - ся, и пря- ни - ков,

В поход на чужую страну собирался король.
 Ему королева мешок сухарей засушила
 и старую мантию так аккуратно зашила,
 дала ему пачку махорки и в тряпочке соль.

И руки свои королю положила на грудь,
 сказала ему, обласкав его взором лучистым:
 «Получше их бей, а не то прослывешь пацифистом,
 и пряников сладких отнять у врага не забудь».

И видит король — его войско стоит среди двора.
 Пять грустных солдат, пять веселых солдат и ефрейтор.
 Сказал им король: «Не страшны нам ни пресса, ни ветер,
 врага мы побьем и с победой придем, и ура!»

Но вот отгремело прощальных речей торжество.
 В походе король свою армию переиначил:
 веселых солдат интендантами сразу назначил,
 а грустных оставил в солдатах — «Авось, ничего».

Представьте себе, наступили победные дни.
 Пять грустных солдат не вернулись из схватки военной.
 Ефрейтор, морально нестойкий, женился на пленной,
 но пряников целый мешок захватили они.

Играйте, оркестры, звучите, и песни и смех.
 Минутной печали не стоит, друзья, предаваться.
 Ведь грустным солдатам нет смысла в живых оставаться,
 и пряников, кстати, всегда не хватает на всех.

ПЕСЕНКА СТАРОГО ШАРМАНЩИКА

Е. Евтушенко

Умеренно

Шар- ман- ка- шар- ла- тан- ка, как слад- ко ты по-

- ёшь! Шар- ман- ка- шар- ла- тан- ка, ку-

- да ме- ня зо- вешь? Ша- га- ю е- ле-

е- ле - вер- шок за пять ми- нут. Ну

как дой- ти до це- ли, ког- да бо- тин- ки

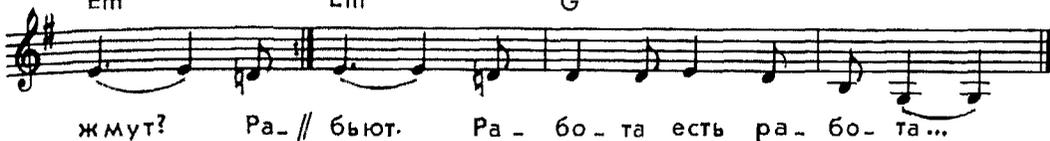
Для повторения

Для окончания

Em

Em

G

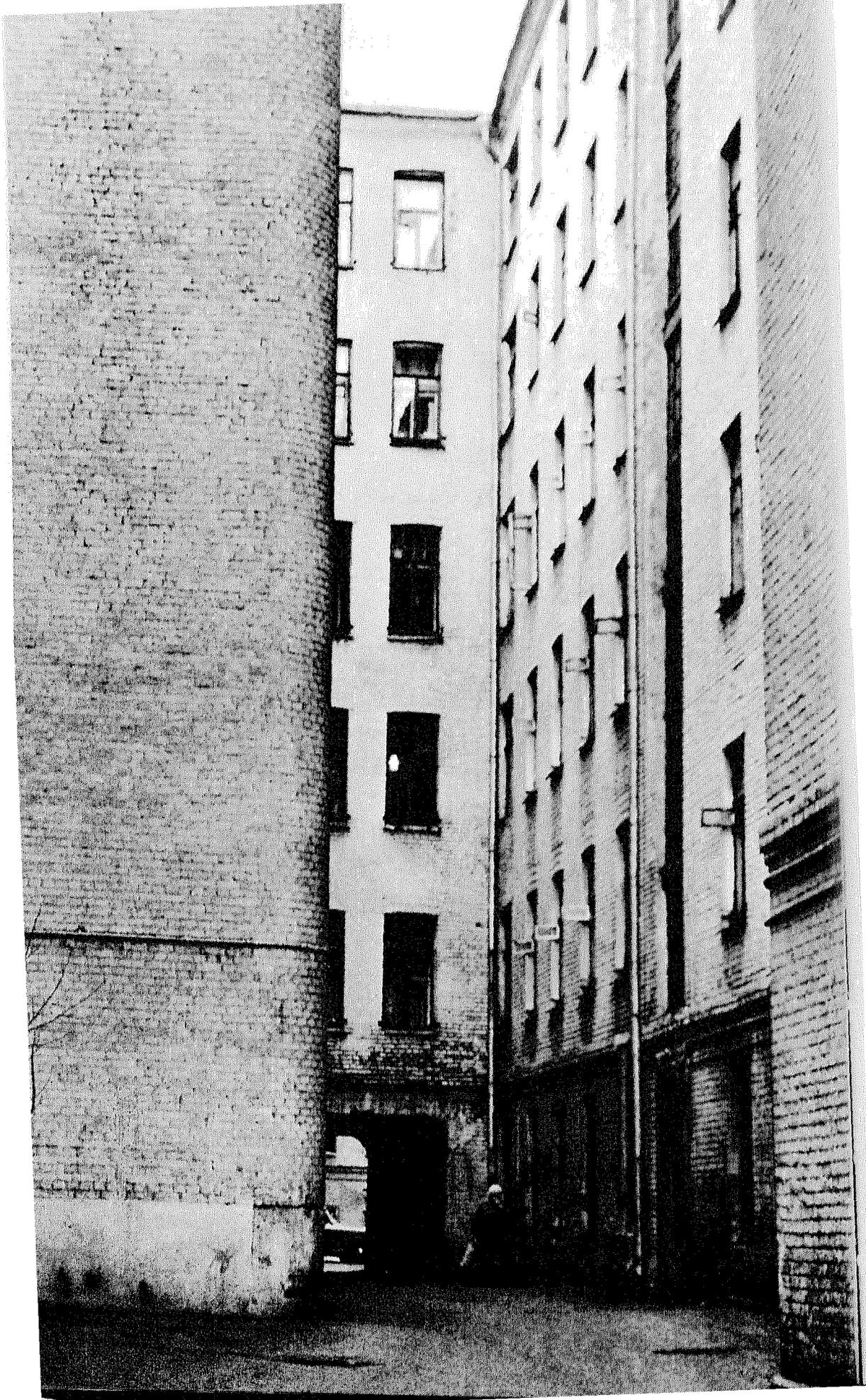
Шарманка-шарлатанка,
как сладко ты поёшь!
Шарманка-шарлатанка,
куда меня зовешь?

Шагаю еле-еле —
вершок за пять минут.
Ну как дойти до цели,
когда ботинки жмут?

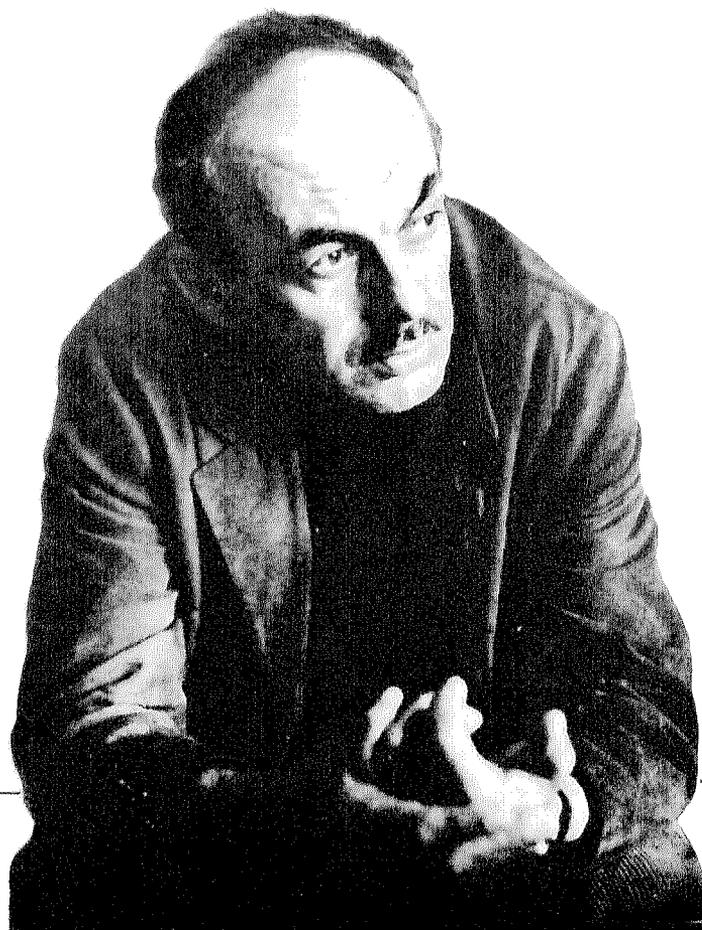
Работа есть работа,
работа есть всегда.
Хватило б только пота
на все мои года.

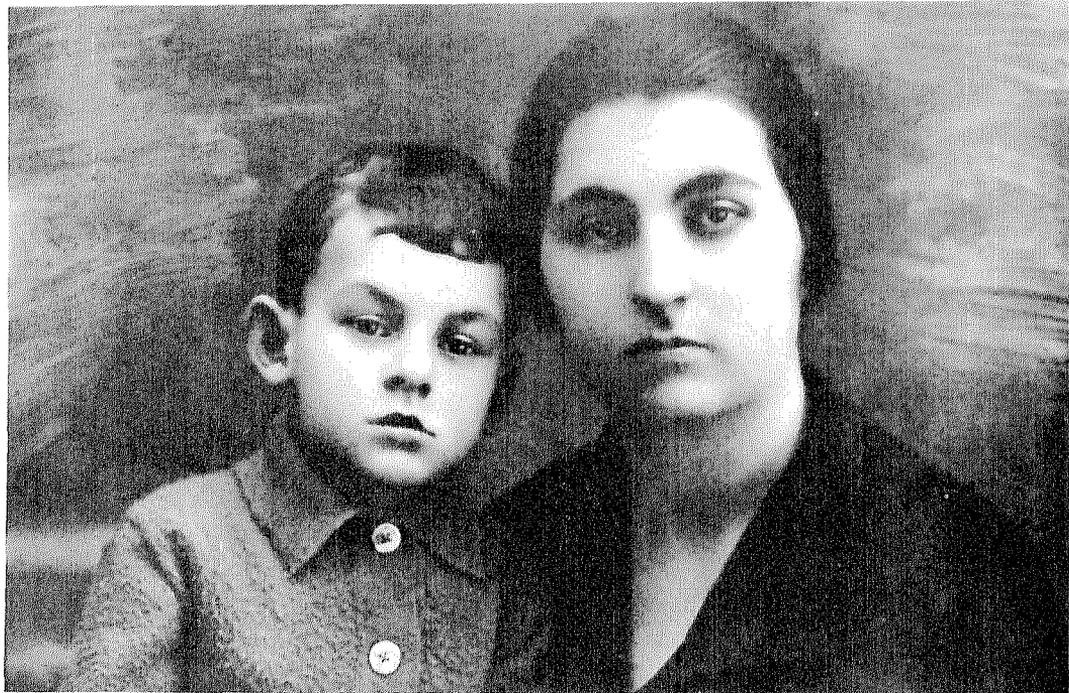
Расплата за ошибки —
она ведь тоже труд.
Хватило бы улыбки,
когда под ребра бьют.

Работа есть работа...

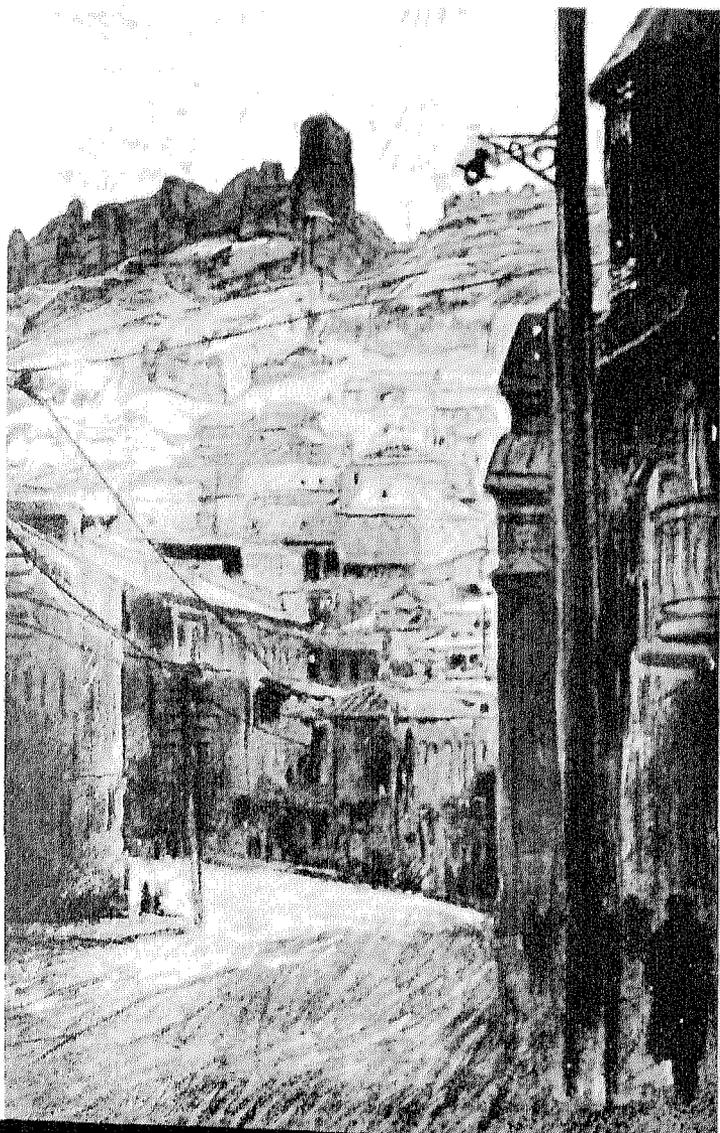

У дурмо я шверну с равништних шур;
леня восмигива арбайскій глар,
всё в кель оу марлово до золотова...

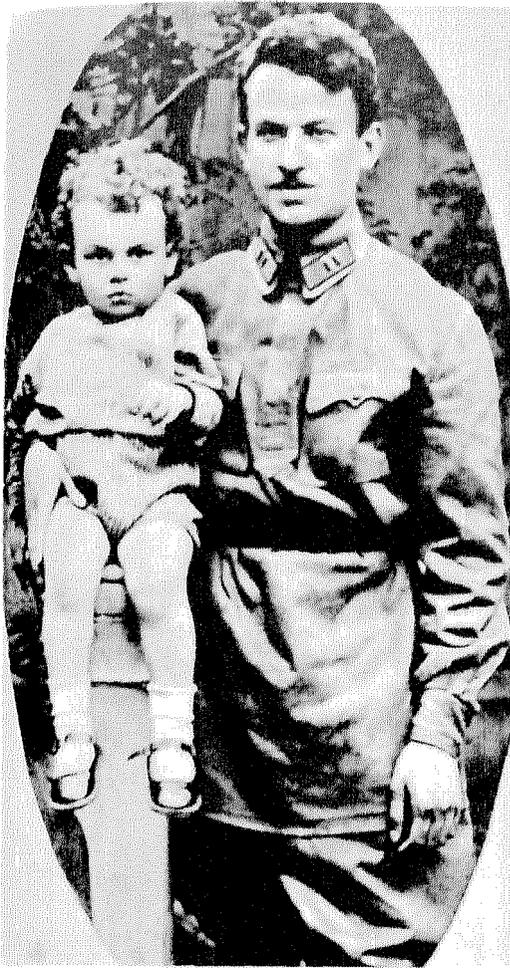

С мамой,
Ашхен Степановной
Налбандян. 1929 г.

Тифлис 20-х годов.
Рис. Е. Лансере

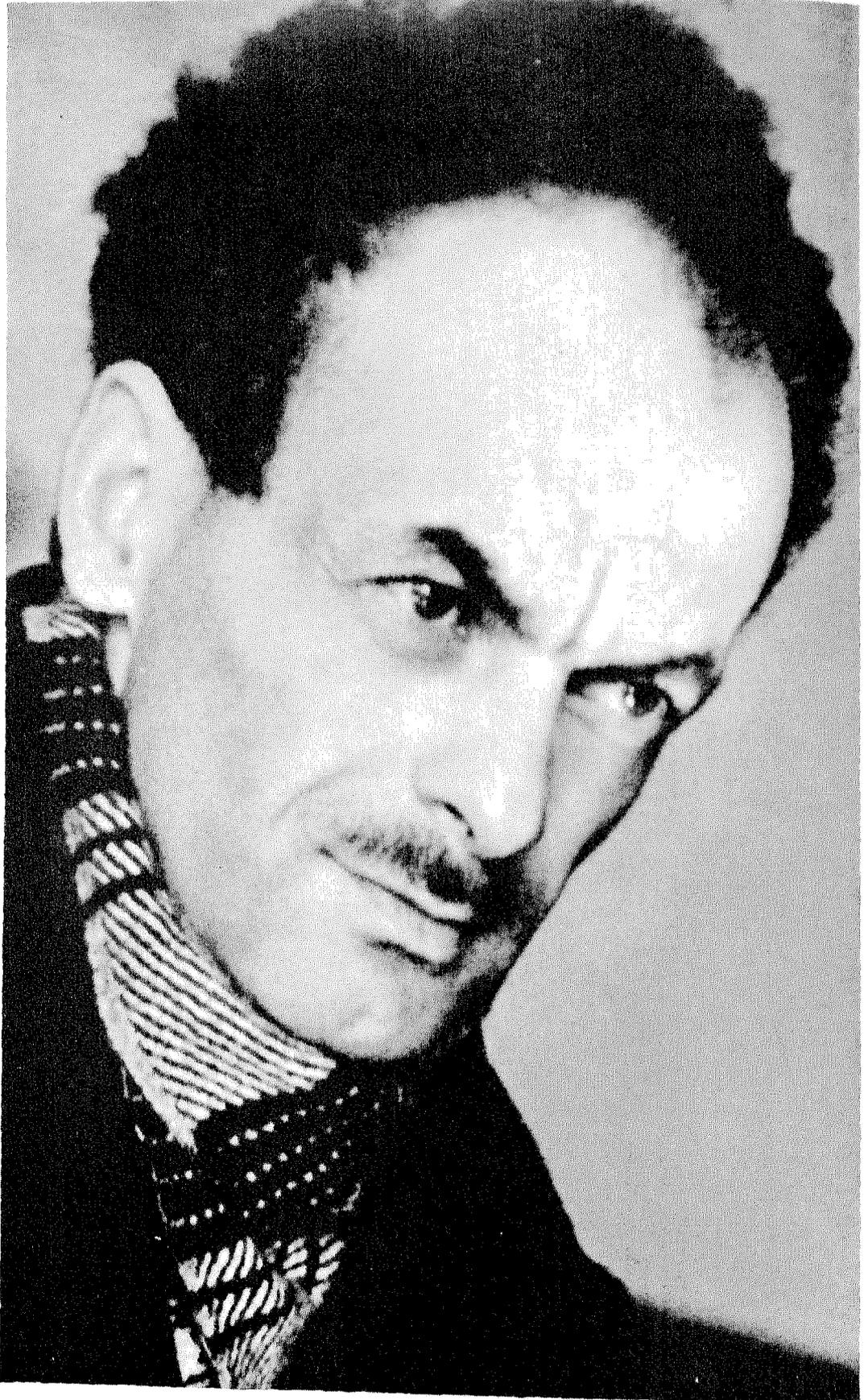
С отцом, Шалвой Степановичем Окуджавай.
1926 г.

Дом № 43 на Арбате,
где жил Вудат Окуджава с 1924 г. по 1940 г.

Обелиск парторгу Уралвагонзавода
Ш. С. Окуджава /фрагмент мемориала/

Я помню себя с трех лет. Но, конечно, многое уже забыто и, наверное, навсегда. А кое-что лучше не вспоминать, да позабыть невозможно... Детство и юность я вспоминаю по-разному — иногда кажется, что всё это было не со мной, а с неким мальчиком, доверчивым и наивным. А иногда я как бы возвращаюсь во двор моего детства и вдруг начинаю понимать, что всё это было, было со мной и, кажется, совсем недавно. Моя родина — это Арбат. Я родился на Большой Молчановке, воспитывался в арбатском дворе. Потом меня стали возить в Грузию, на родину отца и матери. Так параллельно с арбатской появилась грузинская линия, возник какой-то второй поток во мне. И все же оставался москвичом, и в поэзии меня воспитывал русский фольклор. После войны я учился в Тбилисском университете, но чувствовал себя арбатцем. Так эти два потока во мне сосуществуют.

ПЕСЕНКА ОБ АРБАТСКИХ РЕБЯТАХ

Решительно

О чем ты успел передумать, о-
 -тец рас-стре-лян-ный мой, ког-
 -да я шагнул с ги-та-рой, рас-
 -те- рян-ный, но жи- вой? Как//
 -плат- но судь-бу раз-да- ют. // По-
 (Конец)

О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой,
 когда я шагнул с гитарой, растерянный, но живой?
 Как будто шагнул я со сцены в полночный московский уют,
 где старым арбатским ребятам бесплатно судьбу раздают.

По-моему, все распрекрасно, и нет для печали причин,
 и грустные те комиссары идут по Москве, как один,
 и нету, и нету погибших среди старых арбатских ребят,
 лишь те, кому нужно, уснули, но те, кому нужно, не спят.

Пусть память — нелегкая служба, но всё повидала Москва,
 и старым арбатским ребятам смешны утешений слова.

ПЕСЕНКА О КОМСОМОЛЬСКОЙ БОГИНЕ

Подвижно

я гля- жу на фо- то- кар- точ- ку:
две ко- сич- ки, стро- гий взгляд, и мальни- шес- ка- я
кур- точ- ка, и друзь- я кру- гом сто- ят.
За ок- ном всё дождик тень- ка- ет; там не- настье водво-
- ре. Но при- выч- но паль- цы тон- ки - е
при- косну- лись к кабу- ре. Вот ско- ро дом о- на по-
- ки- нет, вот ско- ро вспых- нет бой кру- гом,
но ком- со- мольская бо- ги- ня... Ах, э- то, брат- цы, о дру-

mf E₇ A E₇ A E₇ A E₇ Am E₇

Am
-гом. Вот ско-ро дом о-на по-ки-нет,

A7 Dm
вот ско-ро вспыхнет бой кругом, но ком-со-моль-ская бо-

Am E E7
-ги-ня... Ах, э-то, брат-цы, о дру-

A Am A
-гом! На уг-лу у ста-рой //гом!

Я гляжу на фотокарточку:
две косички, строгий взгляд,
и мальчишеская курточка,
и друзья кругом стоят.

За окном всё дождик тенькает:
там ненастье во дворе.
Но привычно пальцы тонкие
прикоснулись к кобуре.

Вот скоро дом она покинет,
вот скоро вспыхнет бой кругом,
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом!

На углу у старой булочной,
там, где лето пыль метет,
в синей маечке-футболочке
комсомолочка идет.

А ее коса острижена,
в парикмахерской лежит.
Лишь одно колечко рыжее,
на виске ее дрожит.

И никаких богов в помине,
лишь только дела гром кругом,
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом!

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ МАРШ

Е. Евтушенко

Маршеобразно

f A

На-деж- да, я вер-нусь тог-да, ког-да тру-

E7 A

-бач от-бой сыг-ра-ет, ког-да тру-

E7 A

-бу к гу-бам при-бли-зит и ост-рый

E7 A % D

по-коль от-ве-дет. На-дежда, я о-ста-нусь

F#7 Hm

цел: не для ме-ня зем-ля сы-ра-я, а для ме-

A E

Для повторения E7

-ня тво-и тре-во-ги и доб-рый мир тво-их за-

«НЕ КЛОНИСЬ-КА ТЫ, ГОЛОВУШКА...»

Неторопливо *mp* Hm F#7 Hm

Не кло- нись-ка ты, го- ло- вуш- ка,
 от не- взгод и от о- бид. Ма- ма,
 бе- ла- я го- лу- буш- ка, ут- ро но- во- е го-
 рит. Ма- ма, бе- ла- я го- лу- буш- ка, ут- ро
 но- во- е го- рит. Всё о- // ру- ки, тво-и
 замедляя Hm F#7 Hm
 пе- сен- ки, тво-и веч- ны- е гла- за.

Не клонись-ка ты, головушка,
 от невзгод и от обид.
 Мама, белая голубушка,
 утро новое горит.

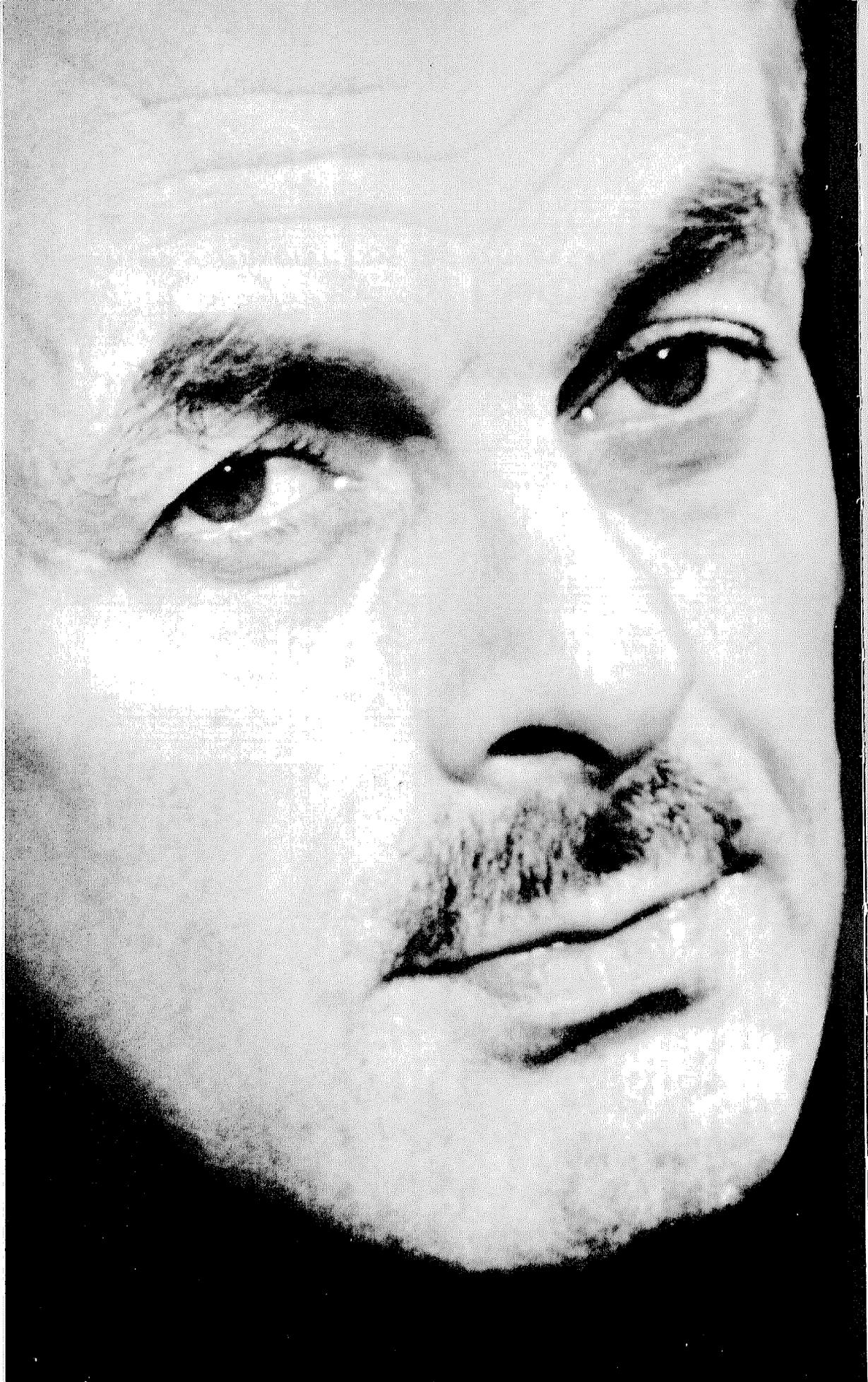
Всё оно смывает начисто,
 всё разглаживает вновь...
 Отступает одиночество,
 возвращается любовь.

И сладки, как в полдень пасеки,
 как из детства голоса,
 твои руки, твои песенки,
 твои вечные глаза.

Я бы хотел, чтобы любовь заняла в
человеческом обществе наместащее ей мес-
то, чтобы человеческое общество не прев-
ратилось в казарму, чтобы каждая челове-
ческая личность обрела возможности неог-
раниченного человеческого развития; чтобы
с поверхности нашей земли исчезли все
остатки "культуры личности" и повсюду
были бы в изобилии демократические
крайности.

Выступление в Политехническом музее. 1962 г. Фото Л. Шилова
1961 г.

Ты - мой лучик мой, мой божий свет,
дружескою мой примерной.
В круговороты дней и лет
какие ведут нас перемены?
Какие примут нас века?
Какие стезями нас проведут?...
Живем как будто в половецкой...
как кажется навеки!

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ЖЕНЩИНА

Г. Венгеровой

Умеренно

Тьмою здесь все за-на-ве-ше-но и ти-ши-на, как на дне... Ваше Ве-ли-чест-во, Жен-щи-на, да не у-же-ли-ко мне? Туск-ло-е здесь э-лек-тричест-во, с кры-ши со-чи-лся во-да, Жен-щи-на, Ва-ше Ве-ли-чест-во, как Вы ре-ши-лись сю-да?

Тьмою здесь всё занавешено
и тишина, как на дне...
Ваше Величество, Женщина,
да неужели — ко мне?

Тусклое здесь электричество,
с крыши сочится вода,
Женщина, Ваше Величество,
как Вы решились сюда?

О, Ваш приход — как пожарище,
дымно и трудно дышать.
Ну, заходите, пожалуйста,
что ж на пороге стоять.

Кто Вы такая? Откуда Вы?
Ах, я смешной человек.
Просто Вы дверь перепутали,
улицу, город и век.

Тема многих моих песен-стихов — любовь. Долгое время у нас почти не пели о любви, и в самом слове «женщина» для некоторых было что-то сомнительное. Из протеста против пуританского ханжества я и решил воспеть женщину, как святыню, пасть пред ней на колени. Должен признаться, что здесь мне ирония отказала. Если я и шутил, то только над собой, как над героем этих песен, которые изображали беспомощность и неудачи мужчин.

ТРИ СЕСТРЫ

С. Смирнову

Подвижно *mf*

Gm D7

О- пус- ти- те, по- жа- луйс- та, си- ни- е

Gm B F#m

што- ры. Мед- се- стра, вся- ких сна- до- бий мне не го-

Gm D D7

.. товь. Вот сто- ят у пос- те- ли мо- ей кре- ди-

Gm D D7

- то- ры: мол- ча- ли- вы- е Ве- ра, На- деж- да, Лю-

Gm D7 Gm %

- бовь. Рас- ко- // ва- ют по- след- ний кре- дит для ме- ня. Три се- //

(Конец)

Для повторения D7

Для окончания D7

Опустите, пожалуйста, синие шторы.
Медсестра, всяких снадобий мне не готовь.
Вот стоят у постели моей кредиторы:
молчаливые Вера, Надежда, Любовь.

Раскошелиться б сыну недолгого века,
да пусты кошельки упадают с руки...
Не грусти, не печалуйся, о моя Вера,—
остаются еще у тебя должники!

И еще я скажу и бессильно и нежно,
две руки виновато губами лова:
— Не грусти, не печалуйся, мать Надежда,
есть еще на земле у тебя сыновья!

Протяну я Любви ладони пустые,
покаянный услышу я голос ее:
— Не грусти, не печалуйся, память не стынет,
я себя раздарила во имя твое.

Но какие бы руки тебя ни ласкали,
как бы пламень тебя ни сжигал неземной,
в троекратном размере болтливость людская
за тебя расплатилась... Ты чист предо мной!

Чистый-чистый лежу я в наплывах рассветных,
белым флагом струится на пол простыня...
Три сестры, три жены, три судьи милосердных
открывают последний кредит для меня.

ПЕСЕНКА О МОСКОВСКОМ МУРАВЬЕ

Умеренно

tr Am E7

Мне нуж-но на ко-го ни-будь мо-

Am C

- лить- ся. По- ду- май- те, прос-

G7 C Dm

то- му му-равь-ю вдруг за-хо-те-лось

Am E

в но- жень-ки ва- лить- ся, по-

E7 Am

Для повторения

- ве- рить во- ча- ро- ван-ность сво- ю! И //

Для окончания

Am Dm

жи- те- ли Зем- ли. Кра- си- вы-е и

Am E

муд- ры-е, как бо- ги, и

The musical score is written on a single treble clef staff in 2/4 time. It consists of seven lines of music. The first line starts with a repeat sign and a first ending bracket. The second line has a second ending bracket. The third line has a first ending bracket. The fourth line has a first ending bracket. The fifth line has a first ending bracket. The sixth line has a first ending bracket. The seventh line has a first ending bracket. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables across notes. Chord symbols (Am, E7, G7, C, Dm) are placed above the staff. Performance instructions like 'Умеренно', 'Для повторения', and 'Для окончания' are also present.

Мне нужно на кого-нибудь молиться.
Подумайте, простому муравью
вдруг захотелось в ноженьки валиться,
поверить в очарованность свою!

И муравья тогда покой покинул,
всё показалось будничным ему,
и муравей создал себе богиню
по образу и духу своему.

И в день седьмой, в какое-то мгновенье
она возникла из ночных огней
без всякого небесного знаменья...
Пальтишко было легкое на ней.

Всё позабыв — и радости и муки,
он двёри распахнул в свое жильё
и целовал обветренные руки
и старенькие туфельки ее.

И тени их качались на пороге,
безмолвный разговор они вели,
красивые и мудрые, как боги,
и грустные, как жители Земли.

«ОН НАКОНЕЦ ЯВИЛСЯ В ДОМ...»

Оле

Свободно

mf

Он на- ко- нец я- вил- ся
в дом, где о- на сто лет меч- та- ла о
нем, ку- да он сам сто лет спе-
шил, ведь о- на так ре- ши- ла, и он ре-
шил. Кля- нусь, что э- то лю- бовь бы-
ла, по- смот- ри, - ведь э- то е- е де- ла. Но
зна- ешь, хоть Бо- га к се- бе призо- ви, раз- ве мож- но по-

Am
E

Для повторения

Для окончания

Am E7 Am

з з з з

- нять что ни-будь в люб- ви? И позд- ний // -ви?

Он, наконец, явился в дом,
где она сто лет мечтала о нем,
куда он сам сто лет спешил,
ведь она так решила, и он решил.

Клянусь, что это любовь была,
посмотри,— ведь это ее дела.
Но знаешь, хоть Бога к себе призови,
разве можно понять что-нибудь в любви?

И поздний дождь в окно стучал,
и она молчала, и он молчал.
И он повернулся, чтобы уйти,
и она не припала к его груди.

Я клянусь, что это любовь была,
посмотри: ведь это ее дела.
Но знаешь, хоть Бога к себе призови,
разве можно понять что-нибудь в любви?

Да, у меня есть и грустные песни, и не всем они нравятся. Но я вспоминаю, что Горький называл вечно смеющихся людей «жизнерадостными эмбрионами». Таким людям я не верю, они мне неинтересны. Грустить — не значит впадать в пессимизм и тоску. Грустить — это ведь и думать о своем предназначении в жизни, стараться устранить несовершенства, мешающие жить.

ВОТ ТАК ОНА ЛЮБИТ МЕНЯ

О. Баграковой

Умеренно

tr Hm

Гла- за, слов- но не- ба о- сен- не- го

F#7 Hm

свод, и нет вэ- том не- бе ог- ня, и

H7 Em Hm F#

да- вит ме- ня э- то не- бо и гнет— вот так о- на

F#7 1. Hm 2. Hm

лю- бит ме- ня. И // ня. Про-

* F#7

- щай. Рас- ста- ем- ся. По- ща- ды не жди! Всё

Hm H7

яв- ст- вен- ней день о- то дня, что пус- то в гру-

Em A7 D

- ди, что тем- но впе- ре- ди— вот

так она любит меня. Что пусто в гру-//ня. Ах, //

Глаза, словно неба осеннего свод,
и нет в этом небе огня,
и давит меня это небо и гнет —
вот так она любит меня.

Прощай. Расстаемся. Пощады не жди!
Всё явственней день ото дня,
что пусто в груди, что темно впереди —
вот так она любит меня.

Ах, мне бы уйти на дорогу свою,
достоинство молча храня.
Но, старый солдат, я стою, как в строю...
Вот так она любит меня.

О СИНИХ МАЯКАХ

В ритме вальса

The musical score is written on five staves in G major, 3/4 time. It begins with a treble clef, a key signature of one sharp (F#), and a tempo marking of 'mf'. The first staff contains the melody and lyrics: 'Не бродяги, не пропойцы за столом се-'. The second staff continues: '- ми морей вы пропойте, вы про-'. The third staff: 'пойте славу женщине моей! Вы про-'. The fourth staff: '- пойте, вы пропойте славу жен-щи-'. The fifth staff: '- не моей! (Конец) Вы в глаза ее взгляните, //'. Chord symbols are placed above the notes: Am, G7, C, Dm, Am/E, E7, Am, Dm, Am/E, E7, Am.

Не бродяги, не пропойцы
за столом семи морей
вы пропойте, вы пропойте
славу женщине моей!

Вы в глаза ее взгляните,
как в спасение свое,
вы сравните, вы сравните
с близким берегом ее.

Мы земных земней. И вовсе
к черту сказки о богах!
Просто мы на крыльях носим
то, что носят на руках.

Просто нужно очень верить
этим синим маякам,
и тогда нежданный берег
из тумана выйдет к вам.

Не бродяги, не пропойцы
за столом семи морей
вы пропойте, вы пропойте
славу женщине моей!

СИТЦЕВЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Умеренно

The musical score is written on three staves in G major, 4/4 time. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one sharp (F#), and a tempo marking of 'Умеренно'. The first measure has a dynamic marking of 'f' and a chord of C. The melody consists of eighth and quarter notes. The second staff continues the melody with chords Am and G7. The third staff concludes the piece with chords C, Dm, E7, and Am. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables across measures.

... И ког-да под ве-чер над то-бо-ю жу-рав-ли о-
хрип-ши-е ле-тят, сит-це-вы-е жен-щи-ны тол-
-по-ю схо-дят-ся-за-тмить те-бя хо-тят.

...И когда под вечер над тобою
журавли охрипшие летят,
ситцевые женщины толпою
сходятся — затмить тебя хотят.

Молчаливы. Ко всему готовы.
Ходят, ходят, красотой соря...
Ситцевые, ситцевые, что вы!
Вы с ума сошли — она ж своя!

Там, за поворотом Малой Бронной,
где распахнуто окно на юг,
за ее испуганные брови
десять пар непуганных дают.

Тех, которые ее любили,
навсегда связала с ней судьба.
И за голубями голубыми
не уходят больше ястреба.

Вот и мне не вырваться из плена.
Так кружиться мне и так и жить...
Я — алхимик. Ты — моя проблема
вечная... Тебя не разрешить.

«И КОГДА УДИВИТЕЛЬНО БЛИЗКО ...»

Медленно *pp*

Am Dm

... И ког- да у - ди - ви - тель - но близ - ко о - ста -

G7 C Dm

- ет - ся ид - ти до те - бя, от - правля - ет - ся неж - ность на

Am E

при - ступ, Для повторения H7 E7

в сво - и ти - хи - е тру - бы тру -

Am H7 E7 Am

- бя. Для окончания // - же не хва - та - ет гру - ди.

...И когда удивительно близко
остается идти до тебя,
отправляется нежность на приступ,
в свои тихие трубы труба.

И по-ротню, и по-батальнно
лется в душу она сгоряча,
и ее голубые знамена
на твои упадают плеча.

Знаешь, Оля, на улице этой,
где старинные стынют дома,
в поединках сходились поэты,
гимназисты сходили с ума.

Продолжается жизни движенье
вдоль по улочке. Век непочат.
Продолжается листьев круженье,
каблуки по асфальту стучат.

И за щедрой твоею рукою,
что-то брезжится мне впереди.
И в груди назревает такое,
что уже не хватает груди.

ЭТА ЖЕНЩИНА!..

Не спеша *mf* C#m F#m G#7

Э - та жен-щи-на! У - ви-жу и не - ме -

C#m E H7 % E

-ю. По-то- му-то, по-ни- ма-ешь не гля- жу. Ах, ни ку-

F#m C#m G#

- куш- кам, ни ро- маш-кам я не ве- рю, и к цы-

G#7 1. C#m 2.

- ган- кам, по-ни- ма-ешь, не хо- жу. Ах, ни ку- // ма-ешь, не хо-

C#m F#m

- жу. (Конец) На-бор-мо- чут: « Не лю- би е - е та -

G#7 C#m E H7 %

- ку- ю! » На-про-ро- чат: « До рас-све-та за- жи- //

Эта женщина! Увижу и немею.
 Потому-то, понимаешь, не гляжу.
 Ах, ни кукушкам, ни ромашкам я не верю,
 и к цыганкам, понимаешь, не хожу.

Набормочут: «Не люби ее такую!»
 Напророчат: «До рассвета заживет!»
 Ах, наколдуют, нагадают, накукуют...
 А она на нашей улице живет!

ПО СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ

Ж. Болотовой

Свободно *tr* % Hm Em F#7

По Смо- лен-ской до- ро- ге - ле- са, ле- са, ле-
 - са. По Смо- лен-ской до- ро- ге - стол- бы, стол-
 - бы, стол- бы. Над до- ро- гой Смо- лен-ско-ю, как тво-
 - и гла- за, - две ве- чер-них звез-ды - го- лу- бых мо-
 - их судь- бы. Над до- // - бы. (Конец) По Смо-

Hm D D C#7 F#7 G Em F#7 1. Hm 2. Hm %

По Смоленской дороге — леса, леса, леса.
 По Смоленской дороге — столбы, столбы, столбы.
 Над дорогой Смоленскую, как твои глаза,—
 две вечерних звезды — голубых моих судьбы.

По Смоленской дороге метель в лицо, в лицо.
 Всё нас из дому гонят дела, дела, дела.
 Может, будь понадежнее рук твоих кольцо —
 покороче б, наверно, дорога мне легла.

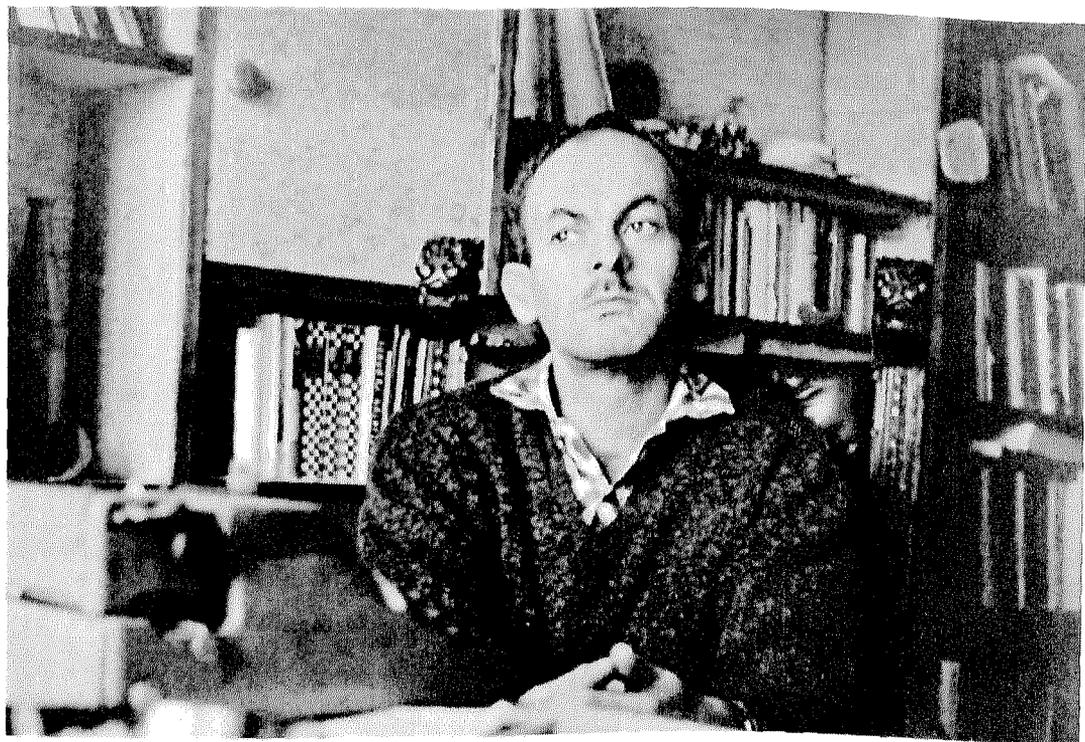
По Смоленской дороге — леса, леса, леса.
 По Смоленской дороге — столбы гудят, гудят.
 На дорогу Смоленскую, как твои глаза,
 две холодных звезды голубых глядят, глядят.

У меня почти все песни сложились на готовые стихи, то есть, сначала писались стихи, а потом появлялась музыка. Только одна родилась наоборот, на музыку — это песня «По Смоленской дороге». Ехал я в самом деле по Смоленской дороге, зимой в машине вместе с поэтом Юрием Левитанским. Ехали мы в командировку от «Литературной газеты», была с нами гитара, и вот там у меня сначала появилась музыка, а потом стихи.

„Ты что потерял, моя радость?“ —
Курю я ему.

А он отвечает:

„Ах, если б я знал это сам...“

О. Арцимович, Б. Окуджава, В. Высоцкий. Начало 60-х годов.

1963 г.

Впервые Высоцкого я услышал с магнитофонной ленты. Это было в доме кинорежиссера Швейцера. Такой крутой голос пел с хрипотцой под гитару. Кажется, это была песня М. Львовского «На Тихорецкую». Мне очень понравилось, я стал спрашивать: — кто это, кто это? — Это Высоцкий, артист. — Не знаю такого. Что он поет? — Песню из спектакля. — Как замечательно!

И так она на меня подействовала, эта манера исполнения, что я под ее впечатлением написал «Мастер Грища»...

А потом мы в скором времени познакомились. У меня есть фото, снятое за кулисами, в антракте, на моем вечере: Володя тогда пришел ко мне.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Оле

В ритме вальса

- Мой конь при-то- мил-ся, стоп- та- лись мо- и баш- ма- ки. Ку- да же мне е- хать? Ска- жи- те мне, будьте доб- ры. -- Вдоль Красной реки, мо- я ра- дость, вдоль Красной ре- ки, до Си- ней го- ры, мо- я радость, до Си- ней го- ры. (Конец) - А // - Ты

— Мой конь притомился, стоптались мои башмаки.

Куда же мне ехать? Скажите мне, будьте добры.

— Вдоль Красной реки, моя радость, вдоль Красной реки, до Синей горы, моя радость, до Синей горы.

— А где ж та река, та гора? Притомился мой конь.

Скажите, пожалуйста, как мне проехать туда?

— На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь, езжай на огонь, моя радость, найдешь без труда.

— А где же тот ясный огонь, почему не горит?

Сто лет подпираю я небо ночное плечом...

— Фонарщик был должен зажечь, да фонарщик тот спит, фонарщик-то спит, моя радость, а я ни при чем.

И снова он едет один без дороги во тьму.

Куда же он едет, ведь ночь подступила к глазам!..

— Ты что потерял, моя радость? — кричу я ему.

А он отвечает: — Ах, если б я знал это сам!

ПЕСЕНКА О ПРИСЯГЕ

Неторопливо

The musical score is written on a single treble clef staff in 8/8 time. It consists of three lines of music. The first line starts with a piano (*tr*) dynamic marking and includes chords Dm and F. The second line includes chords Gm and A7. The third line includes chords B, A7, and Dm. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables that span across notes.

Ка - ких при - сяг я ни да - вал, ка -
- ки - е ни твердил сло - ва, но есть од - на при -
- ся - га - кру - жит - ся го - ло - ва.

Каких присяг я ни давал, какие ни твердил слова,
но есть одна присяга — кружится голова.

Приду я к женщине своей — всю жизнь к ногам ее сложу,
но о присяге этой ни слова не скажу.

Подстережет меня беда — не обойду свою беду,
а вот присяги этой не выдам и в бреду.

И только где-нибудь потом, случайно кто-нибудь в пути
слова присяги этой найдет в своей груди.

Стихи и песни нельзя объяснять. Не ищите в них фактов из личной жизни: я рассказываю о своей душе, и только.

ПЕСЕНКА О МОЕЙ ДУШЕ

Свободно

Что та- ко- е ду- ша? Че- ло- ве- чек за-

- дум- чи- вый, всем на- у- кам пе- чаль- ным и горь- ким о-

- бу- чен- ный (вид- но, что- то не так в е- го дол- гой судь-

- бе). Но — он сам по се- бе, а я-сам по се- бе.

Что такое душа? Человек задумчивый,
 всем наукам печальным и горьким обученный
 (видно, что-то не так в его долгой судьбе).
 Но — он сам по себе, а я — сам по себе.

Он томится, он хочет со мной поделиться,
 очень важное слово готово пролиться —
 как пушинка дрожит на печальной губе...
 Но — он сам по себе; а я сам по себе.

Я своей доброты никогда не разбрасываю,
 я его никогда ни о чем не спрашиваю.
 Каждый волен играть, что горазд, на трубе...
 Каждый сам по себе: я — себе, он — себе.

ЖИВОПИСЦЫ

Ю. Васильеву

Подвижно

Жи - во - пис - цы, о - ку - ни - те ва - ши кис - ти
в су - е - ту дво - ров ар - батских и в за - рю, что - бы
бы - ли ва - ши кис - ти, слов - но ли - стья, слов - но ли - стья, слов - но
ли - стья к но - я - брю. Что - бы // - брю. (Конец) О - ку -

Живописцы, окуните ваши кисти
в суету дворов арбатских и в зарю,
чтобы были ваши кисти, словно листья,
словно листья, словно листья к ноябрю.

Окуните ваши кисти в голубое,
по традиции забытой городской,
нарисуйте и прилежно и с любовью,
как с любовью мы проходим по Тверской.

Мостовая пусть качнется, как очнется!
Пусть начнется, что еще не началось.
Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтется...
Что гадать нам: удалось — не удалось?

Вы, как судьи, нарисуйте наши судьбы,
наше лето, нашу зиму и весну...
Ничего, что мы чужие. Вы рисуйте!
Я потом, что непонятно, объясню.

Совсем не умею рисовать, но очень люблю краски. Когда-то мне нравилось накладывать на холст разные краски.

МОЛИТВА

Оле

Скоро

mf Am E7

По- ка Зем- ля е- ще вер-тит-ся, по-

Am C

- ка е- ще я- рок свет, Гос- по- ди,

G7

дай же ты каж-до-му, че- го у не- го

C A7 Dm

нет: муд- ро-му дай го- ло-

H7 E7

- ву, трус-ли- во-му дай ко- ня,

Am Dm E7

дай счат-ли- во-му де- нег... И не за-

Для повторения Am Для окончания

будь про ме- ня. По-// -будь про ме-

Am Менее подвижно Dm

- ня. Дай же ты всем по-не-мно-гу...

E7 Am

И не за-будь про ме-ня.

Пока Земля еще вертится, пока еще ярок свет,
 Господи, дай же ты каждому, чего у него нет:
 мудрому дай голову, трусливому дай коня,
 дай счастливому денег... И не забудь про меня.

Пока Земля еще вертится, Господи,— твоя власть! —
 дай рвущемуся к власти навластвоватья всласть,
 дай передышку щедрому хоть до исхода дня.
 Каину дай раскаянье... И не забудь про меня.

Я знаю: ты всё умеешь, я верую в мудрость твою,
 как верит солдат убитый, что он проживает в раю,
 как верит каждое ухо тихим речам твоим,
 как веруем и мы сами, не ведая, что творим!

Господи, мой Боже, зеленоглазый мой!
 Пока Земля еще вертится, и это ей странно самой,
 пока ей еще хватает времени и огня,
 дай же ты всем понемногу... И не забудь про меня.

СТАВЛЯЮЩИЙ НА ПЕЧАТЬ
И НАКОНЕЦ ВЕРИТЬ
И ПЕРВАЯ ВЕРИТЬ
ТОНКО В А...

САХЕРСКИЙ № 7

ТЕКА №

то Сурасимой милой и милой, сураси,
играющей фаворки, чех и смех...
Да не счтается вв!
Не в том месте.
Александр Сергеевич помнит про всех.

...Прогуливаясь вдоль по набережной,
предвидеть ничего нельзя.
Как просто тросточкой помахать,
раскланиваясь и скользя!
Но род людской в прогулке той
не уберётся от урона
меж домом графа Аракчеева
и домом Дельвига барона.

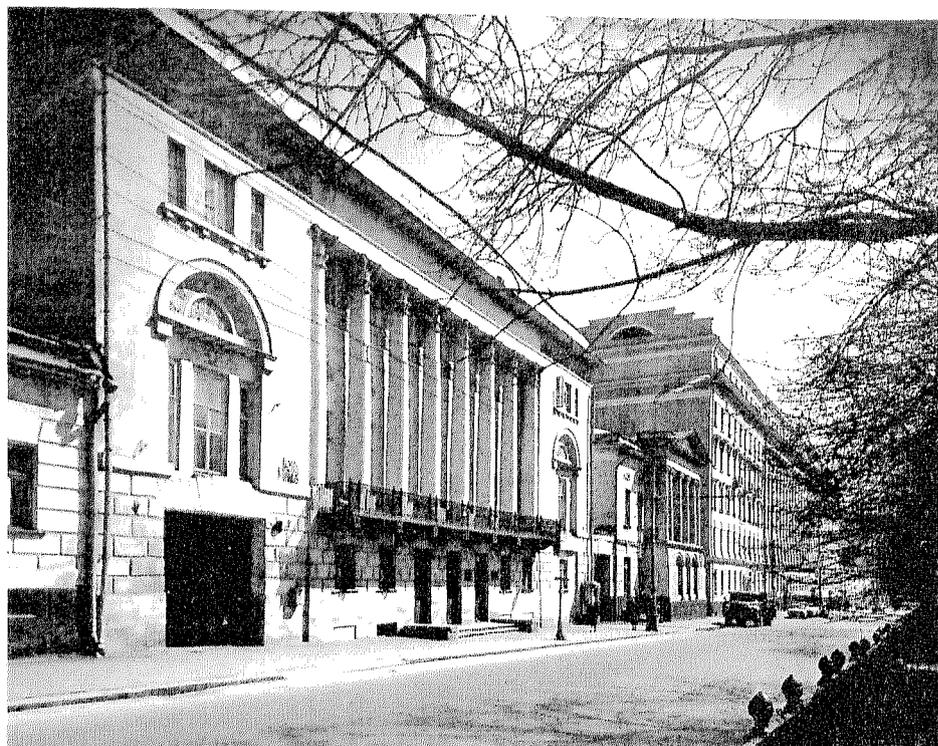
/Из стихотворения «Дом на Мойке»/

Ленинград. На набережной Мойки.
1970 г. Фото Ю. Белинского

А. С. Пушкин.
Скульптор И. Витали. 1843 г.

Москва, Суворовский бульвар.
Дом Луниных. 1965 г. Фото А. Александрова

С Павлом Антокольским.
1973 г. Фото М. Пазия.

«На арбатском дворе...» 1962 г.
Фото Л. Шилова

МАРТОВСКИЙ СНЕГ

Умеренно
 $\frac{3}{8}$ Am *mf*

Музыкальный текст с нотами и гармонизацией. Темп умеренно, метр 3/8. Гармонизация: Am, H7, E7, Am, Dm, Am, C, Dm, E, E7, 1. Am, 2. Am.

На ар- бат-ском дво- ре — и ве- сель-е и
 смех. Вот у- же мос- то- вы- е ста -
 - но - вят- ся мок- ры- ми. Плач- те, де- ти! У- ми -
 - ра- ет мар- тов- ский снег. Мы у- стро- им е- му
 ве- се- лы- е по- хо- ро- ны. Плач- те, // по- хо- ро- ны.

На арбатском дворе — и веселье и смех.
 Вот уже мостовые становятся мокрыми.
 Плачьте, дети! Умирает мартовский снег.
 Мы устроим ему веселые похороны.

По кладовкам по темным проржавеют коньки,
 позабытые лыжи по углам покоробятся...
 Плачьте, дети! Из-за белой реки
 скоро-скоро кузнечики к вам заторопятся.

Будет много кузнечиков. Хватит на всех.
 Вы не будете, дети, гулять в одиночестве...
 Плачьте, дети! Умирает мартовский снег.
 Мы ему воздадим генеральские почести.

Заиграют грачи над его головой,
 грохнет лед на реке в лиловые трещины.
 Но останется снежная баба вдовой.
 Будьте, дети, добры и внимательны к женщине.

Синяя крона, малиновый ствол, звяканье шишек зеленых.
 Где-то по комнатам ветер прошел: там поздравляли влюбленных.
 Где-то он старые струны задел — тянется их перекличка...
 Вот и январь накатил-налетел, бешеный, как электричка.

Мы в пух и прах наряжали тебя, мы тебе верно служили.
 Громко в картонные трубы трубя, словно на подвиг спешили.
 Даже поверилось где-то на миг (знать, в простодушие сердечном):
 Женщины той очарованный лик слит с твоим празднеством вечным.

В миг расставания, в час платежа, в день увяданья недели
 чем это стала ты нехороша? Что они все, одурели?!
 И утонченные, как соловьи, гордые, как гренадеры,
 что же надежные руки свои прячут твои кавалеры.

Нет бы собраться им — время унять, нет бы им всем расстараться.
 Но начинают колеса стучать: как тяжело расставаться!
 Но начинается вновь суета. Время по-своему судит.
 И в суете тебя сняли с креста, и воскресенья не будет.

Ель моя, Ель — уходящий олень, зря ты, наверно, старалась:
 Женщины той осторожная тень в хвое твоей затерялась!
 Ель моя, Ель, словно Спас-на-крови, твой силуэт отдаленный,
 будто бы след удивленной любви, вспыхнувшей, неуголенной.

Я отношусь к категории людей, для которых в понятии Новый год заключен некий мистический смысл. Уже в декабре меня начинает лихорадить при одном упоминании о приближении Нового года. Я жду полного обновления, резких качественных перемен, я жду обновления моей жизни, жизни близких мне людей и всего человечества.

ЛЕСНОЙ ВАЛЬС

Ю. Левитанскому

Подвижно
tr

Му-зы- кант в ле-су под де-ре-вом на- иг-ры-ва-ет
вальс. Он на- иг-ры-ва-ет вальс то лас-ко-во, то страст-но.
Что ка-са-ет-ся ме-ня, то я о-пять гля-жу на
Вас, а Вы гля-ди-те на не-го, а он гля-дит в про-
-стран-ство. Цел-ый // -го... А му-зы-кант иг-ра-ет...

Am E7
Am H7 E7
G7 C E7
Am Dm E7
Am E7 Am

Для повторения
Am E7 E7

Для окончания
Am E7 Am

Музыкант в лесу под деревом наигрывает вальс.
Он наигрывает вальс то ласково, то страстно.
Что касается меня, то я опять гляжу на Вас,
а Вы смотрите на него, а он глядит в пространство.

Целый век играет музыка. Затянулся наш пикник.
Тот пикник, где пьют и плачут, любят и бросают.
Музыкант приник губами к флейте. Я бы к Вам приник!
Но Вы, наверно, тот родник, который не спасает.

А музыкант играет вальс. И он не видит ничего.
Он стоит, к стволу березовому прислонясь плечами.
И березовые ветки вместо пальцев у него,
а глаза его березовые строги и печальны.

А перед ним стоит сосна, вся в ожидании весны.
А музыкант врастает в землю. Звуки вальса льются...
И его худые ноги как будто корни той сосны —
они в земле переплетаются, никак не расплетутся.

Целый век играет музыка. Затянулся наш роман.
Он затянулся в узелок, горит он — не сгорает...
Ну давайте успокоимся! Разойдемся по домам!..
Но Вы смотрите на него... А музыкант играет...

ПЕСЕНКА О МОЕЙ ЖИЗНИ

Свободно

А как пер-ва-я лю-бовь-о на серд-це жжет. А вто-

-ра- я лю- бовь- о- на к пер-вой льнет. А как

Подвижно

треть- я лю- бовь- ключ дро-жит в зам- ке, ключ дро-

-жит в зам- ке, че- мо- дан в ру- ке. А как

треть- я лю- бовь- ключ дро- жит в зам- ке, ключ дро-

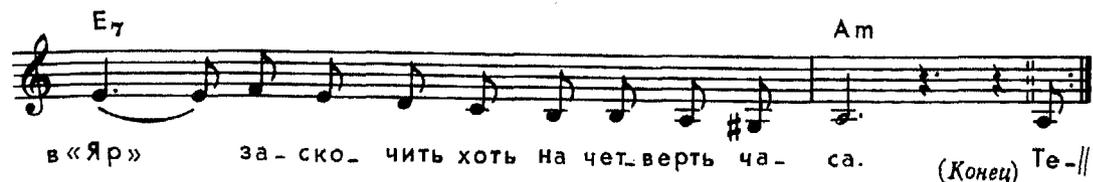
-жит в зам- ке, че- мо- дан в ру- ке. А как ||

(Конец)

А как первая любовь — она сердце жжет.
А вторая любовь — она к первой льнет.
А как третья любовь — ключ дрожит в замке,
ключ дрожит в замке, чемодан в руке.

А как первая война — да ничья вина.
А вторая война — чья-нибудь вина.
А как третья война — лишь моя вина,
а моя вина — она всем видна.

А как первый обман — да на заре туман.
А второй обман — закачался пьян.
А как третий обман — он ночи черней,
он ночи черней, он войны страшней.

Былое нельзя воротить — и печалиться не о чем:
у каждой эпохи свои подрастают леса.
А всё-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеем
поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа.

Теперь нам не надо по улицам мыкаться ошупью:
машины нас ждут и ракеты уносят нас вдаль.
А всё-таки жаль, что в Москве больше нету извозчиков,
хотя б одного, и не будет отныне, — а жаль.

Я кланяюсь низко познания морю безбрежному,
разумный свой век, многоопытный век свой любя.
А всё-таки жаль, что кумиры нам снятся по-прежнему,
и мы до сих пор всё холопами числим себя.

Победы свои мы ковали не зря и вынашивали,
мы всё обрели — и надежную пристань, и свет...
А всё-таки жаль: иногда над победами нашими
встают пьедесталы, которые выше побед.

Москва, ты не веришь слезам — это время проверило,
железное мужество, твердость и сила во всем.
Но если бы ты в наши слезы однажды поверила,
ни нам, ни тебе не пришлось бы грустить о былом.

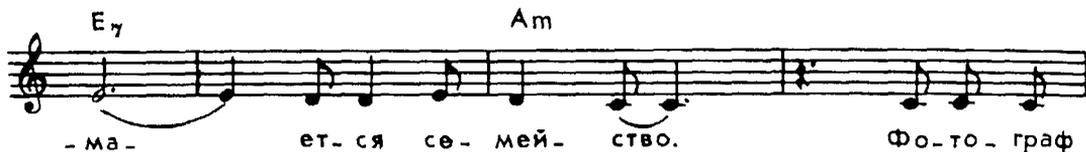
Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу
и вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот
извозчик стоит, Александр Сергеич прогуливается...
Ах, завтра, наверно, что-нибудь произойдет!

ПРИЕЗЖАЯ СЕМЬЯ ФОТОГРАФИРУЕТСЯ У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Быстро

На фо-не Пуш-ки-на сни-

-ма- ет-ся се-мей-ство. Фо-то-граф

щел-ка-ет, и птич-ка вы-ле-та-ет.

Фо-то-граф щел-ка-ет. Но вот что ин-те-

-рес- но: на фо-не Пуш-ки-на! И

птич-ка вы-ле-та-ет. На фо-не Пуш-ки-на! И

птич-ка вы-ле-та-ет. Все сче-ты // -та-ет.

На фоне Пушкина снимается семейство.
Фотограф щелкает, и птичка вылетает.
Фотограф щелкает. Но вот что интересно:
на фоне Пушкина! И птичка вылетает.

Все счета кончены, и кончены все споры.
Тверская улица течет, куда не знает.
Какие женщины на нас кидают взоры
и улыбаются... И птичка вылетает.

На фоне Пушкина снимается семейство.
Как обаятельны (для тех, кто понимает)
все наши глупости и мелкие злодеяния
на фоне Пушкина! И птичка вылетает.

Мы будем счастливы (благодаренье снимку!).
Пусть жизнь короткая пронесется и тает.
На веки вечные мы все теперь в обнимку
на фоне Пушкина! И птичка вылетает...

Пушкина я по-настоящему открыл для себя поздно, лет в 40. Хотя читал его с детства и думал, что люблю. Но позже понял, что на самом-то деле я его не знал, не понимал, а просто участвовал в общем хоре. А в сорок лет я почувствовал Пушкина и стал перечитывать его другими глазами. Как стихи моего близкого, хорошего знакомого, как стихи дорогого мне человека, чья трагедия аукнулась во мне очень сильно. Я вижу в Пушкине для себя идеал. Он недостижим, но важно стремление приблизиться к нему. Среди прочих, у него есть еще одно достоинство, очень мне дорогое, которое заключается в умении смотреть на себя иронически.

ПОЖЕЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

Ю. Трифонову

Да - вай - те вос - кли - цать, друг дру - гом вос - хи -

- щать - ся. Вы - со - ко - пар - ных слов не сто - ит о - па -

- сать - ся. Да - вай - те го - во - рить друг

дру - гу ком - пли - мен - ты - ведь э - то всё люб -

- ви счаст - ли - вы - е мо - мен - ты, Да - // - ка - я.

Давайте восклицать, друг другом восхищаться.
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты —
ведь это всё любви счастливые моменты.

Давайте горевать и плакать откровенно,
то вместе, то поврозь, а то попеременно.
Не нужно придавать значения злословью —
поскольку грусть всегда соседствует с любовью.

Давайте понимать друг друга с полуслова,
чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова.
Давайте жить, во всем друг другу потакая, —
тем более, что жизнь короткая такая.

СТАРЫЙ ФЛЕЙТИСТ

Д. Межевичу

Не спеша

Am p Dm E7

И-дут дож-ди, и ле-то та-ет, как буд-то

Am

не бы-ло е-го. В пус-том са-ду флей-тист иг-

Dm E7 Am

-ра-ет, а боль-ше не-ту ни-ко-го.

1ый куплет C G7

Он о-ди-нок, как вет-ка в по-ле, ко-сым о-

2ой куплет C C

мы-та-я дож-дем. // Знать, на-до вы-мок-нуть до

Dm G7 C E7

-нит-ки, знать, на-до го-рюш-ка хлеб-нуть, //

Am Dm E7

Дав-но ли, дол-го ли, лег-ко ли — ни-кто не

Am G7 C *Припев*

спро-сит ни о чем. Ах, флей-тист, флей-тист

Идут дожди, и лето тает,
как будто не было его.
В пустом саду флейтист играет,
а больше нету никого.
Он одинок, как ветка в поле,
косым омытая дождем.
Давно ли, долго ли, легко ли —
никто не спросит ни о чем.

Припев: Ах, флейтист, флейтист в старом сюртуке,
с флейтою послушною в руке.
Вот уж день прошел, так и жизнь пройдет,
словно сад осенний, опадет.

Всё ниже, глуше свод небесный,
звук флейты слышится едва.
«Прости-прощай» — мотив той песни,
«Я всё прошу» — ее слова.
Знать, надо вымокнуть до нитки,
знать, надо горюшка хлебнуть,
чтоб к заколоченной калитке
с надеждой руки протянуть.

Припев: Ах, флейтист, флейтист в старом сюртуке,
с флейтою послушною в руке.
Вот уж день прошел, скоро жизнь пройдет,
словно лист осенний, опадет.

Ах, флейтист, флейтист в старом сюртуке,
с флейтою послушною в руке.
Вот уж день прошел, так и жизнь пройдет,
словно сад осенний, опадет...

ЗАЕЗЖИЙ МУЗЫКАНТ

Ю. Левитанскому

В ритме вальса

tr Am

За-ез-жий му-зы-кант це-лу-ет-

Dm

-ся с тру-бо-ю. Пас-са-жи по-ут-

G7 C

-рам, так про-сто, ни о чем... Он

Am

лю-бит не те-бя. О-пом-нись, бог сто-

Dm Am E

-бо-ю. При-жмись ко мне пле-чом,

E7 Am

при-жмись ко мне пле-чом. Жи-вет он

Am Dm

тре-тий // о судь-бе... Судь-ба, судь-бы, судь-

«Я ВНОВЬ ПОВСТРЕЧАЛСЯ С НАДЕЖДОЙ...»

О. Чухонцеву

В ритме вальса

tr % Gm

D7 Gm B

F7

B Cm

Gm

D7

Gm

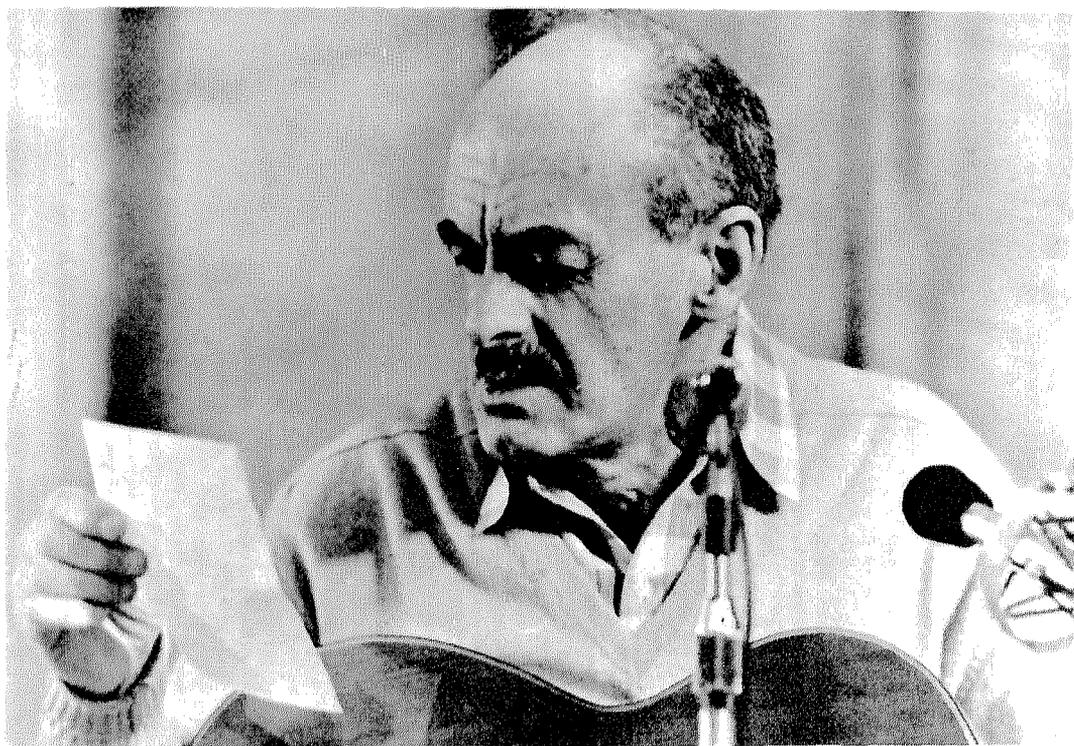
Cm Gm
D
 братья, и труд- но по- ве- рить, что
 D7 1. Gm 2. Gm
 жизнь ко- рот- ка. Ты // ко- рот- ка. (Конец) A //

Я вновь повстречался с Надеждой — приятная встреча.
 Она проживает всё там же, — то я был далече.
 Всё то же на ней из поплина счастливое платье,
 всё так же горящ ее взор, устремленный в века...
 Ты наша сестра, мы твои молчаливые братья,
 и трудно поверить, что жизнь коротка.

А разве ты нам обещала чертоги златые?
 Мы сами себе их рисуем, пока молодые,
 мы сами себе выбираем и песни и судьбы,
 и горе тому, кто одернет не вовремя нас...
 Ты наша сестра, мы твои торопливые судьи,
 нам выпало счастье, да скрылось из глаз.

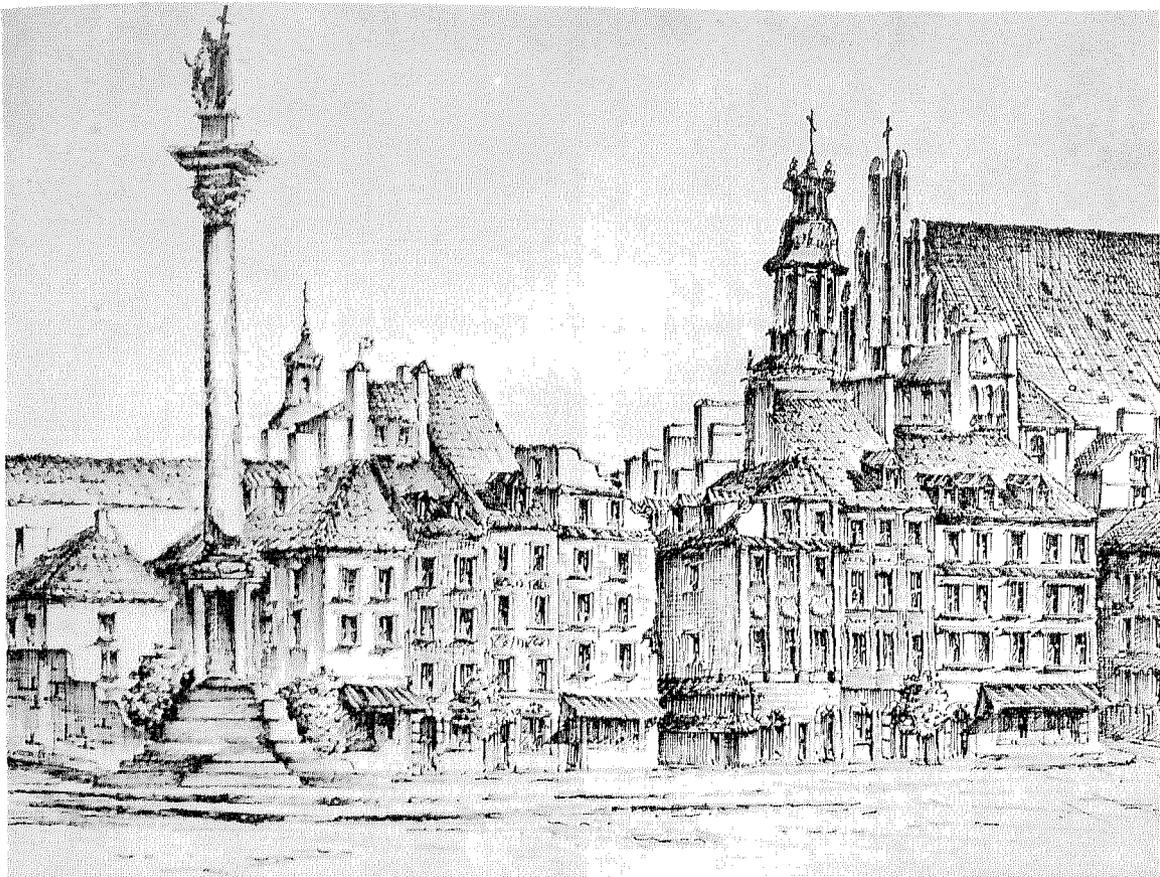
Когда бы любовь и надежду связать воедино,
 какая бы, трудно представить, возникла картина!
 Какие бы нас миновали напрасные муки,
 и только прекрасные муки глядели б с чела...
 Ты наша сестра. Что ж так долго мы были в разлуке?
 Нас юность сводила, да старость свела.

нас, толкотовых, и нас, глиношечих,
нелеших, охастых,
шерстяй еще и возмост еще при
свиденьях нехастых.
Не погону ли, што нам удалось
зарабагать гербом
Точные знания о расстойянке
мене зноше и Добром?

1980 г.

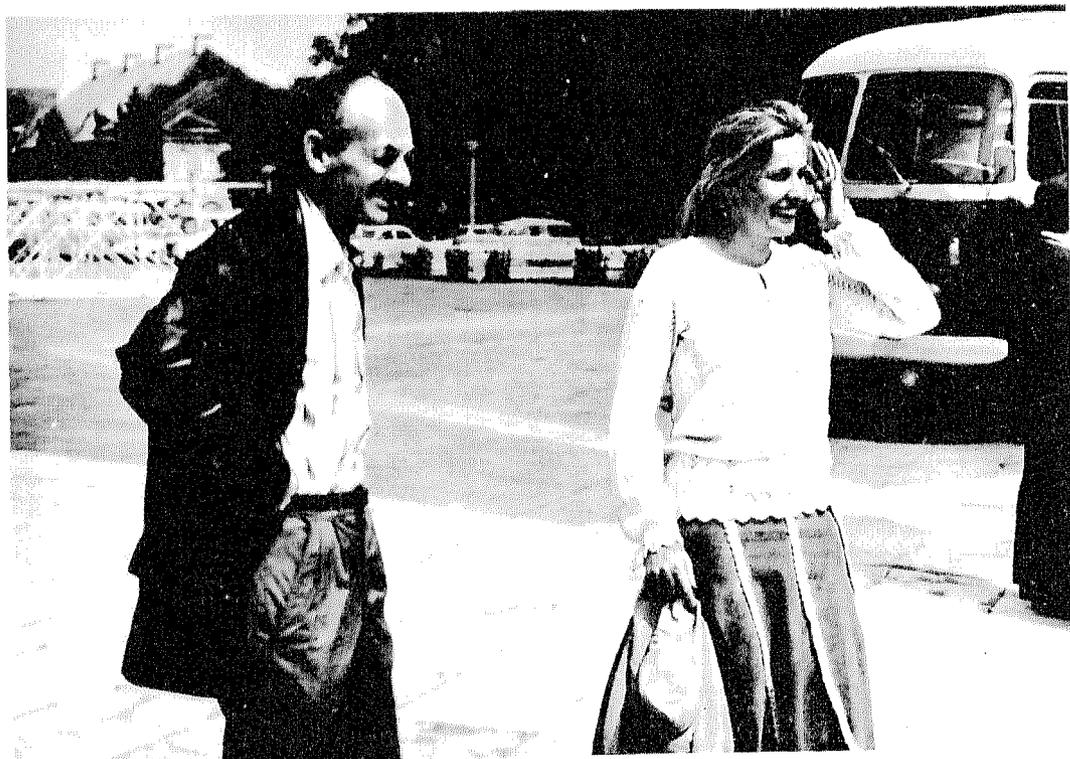

Б. Окуджава среди друзей
в мастерской художника Б. Мессерера.
1977 г. Фото В. Плотникова

Варшава. Замковая площадь.

Б. Окуджава и А. Осецка. Варшава, 1976 г.

СТАРЫЙ ПИДЖАК

Ж. Бологовой

Неторопливо

Am *mp* E7 Am G
 я мно-го лет пид-жак но-шу. Дав-но по-
 C E7 Am F A7
 -тер-ся и не нов он. И я зо-ву к се-бе порт-
 Dm Am E7 Am
 -но-го и пе-ре-шить пид-жак про-шу.
 E7 Am F
 Я го-во-//ко-ой чу-дак. О-пять в тво-ю лю-
 A7 Dm Am E7 rit. Am
 -бовь по-ве-рю... Как бы не так. Та-кой чу-дак.

Я много лет пиджак ношу.
 Давно потерялся и не нов он.
 И я зову к себе портного
 и перешить пиджак прошу.

Одна забота наяву
 в его усердье молчаливом,
 чтобы я выглядел счастливым
 в том пиджаке. Пока живу.

Я говорю ему шутя:
 «Перекройте всё иначе.
 Сулит мне новые удачи
 искусство кройки и шитья.»

Он представляет это так:
 лишь только я пиджак примерю —
 опять в твою любовь поверю...
 Как бы не так. Такой чудак.

Я пошутил. А он пиджак
 серьезно так переживает,
 а сам-то всё переживает:
 вдруг что не так. Такой чудак.

ПЕСЕНКА ОБ ОТКРЫТОЙ ДВЕРИ

Подвижно

f % Am E7 Am

Ког- да ме- тель кри- чит, как зверь, —

A7 Dm

про-тяж-но и сер-ди- то, не за-пи-

Dm Am E7

-рай - те ва- шу дверь, пусть бу-дет дверь от-

1. Am 2. Am %

-кры- та. Не за-пи-//кры- та. (Конец) И ес-ли ||

Когда метель кричит, как зверь, —
протяжно и сердито,
не запирайте вашу дверь,
пусть будет дверь открыта.

И если ляжет долгий путь,
нелегкий путь, представьте,
дверь не забудьте распахнуть,
открытой дверь оставьте.

И уходя в ночной тиши,
без лишних слов решайте:
огонь сосны с огнем души
в печи перемешайте.

Пусть будет теплою стена
и мягкой — скамейка...
Дверям закрытым — грош цена,
замку цена — копейка!

В БАРАБАННОМ ПЕРЕУЛКЕ

Маршеобразно

mf

Hm

В Ба - ра - бан - ном пе - ре - ул - ке ба - ра - бан - щи - ки жи -

- вут. По - ут - ру о - ни как вста - нут, ба - ра - ба - ны как возь -

- мут, как у - да - рят в ба - ра - ба - ны, две - ри

на - стечь от - во - ря... Но где же, где же, ба - ра -

- бан - щик, ба - ра - бан - щи - ца тво - я? Но где же,

где же, ба - ра - бан - щик, ба - ра - бан - щи - ца тво - я?

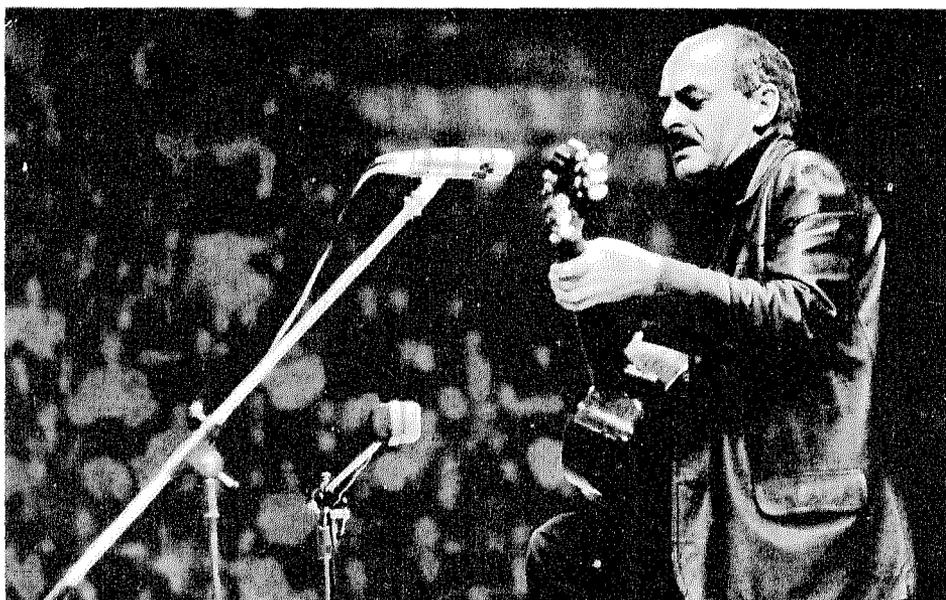
В Барабанном переулке барабанщики живут.
Поутру они как встанут, барабаны как возьмут,
как ударят в барабаны, двери настечь отворя...
Но где же, где же, барабанщик, барабанщица твоя?

В Барабанном переулке барабанщиц нет, хоть плачь.
Лишь грохочут барабаны ненасытные, хоть прячь.
То ли утренние зори, то ль вечерняя заря...
Но где же, где же барабанщик, барабанщица твоя?

Барабанщик пестрый бантик к барабану привязал,
барабану бить побудку, как по буквам, приказал,
и пошел по переулку, что-то в сердце затая...
Ах, где же, где же, барабанщик, барабанщица твоя?

А в соседнем переулке барабанщицы живут,
и, конечно, в переулке очень добрыми слынут,
и за ними ведь не надо отправляться за моря...
Так где же, где же, барабанщик, барабанщица твоя?!

У песни, у песенного текста есть
своя судьба — это судьба ее автора.
Только стихи, написанные для автора
литературы, авторской песенности,
должны существовать вместе, толь-
ко тогда она становится музыкой.

В московском Дворце спорта. 1977 г. Фото С. Фурмана

Ю. Ким.
70-е годы.

Стопроцентная серьезность всегда была мне несколько подозрительной, а стопроцентная весёлость повергает меня в панический страх.

Вечер Булата Окуджавы
в клубе МПС. 1981 г.

Я считаю свои произведения частью русской культуры, однако это вовсе не означает, что я отношу себя к числу тех, кто считает, что русская культура превосходит другие. Такие взгляды я никогда не принимал. Может быть, именно из-за своего грузинского происхождения я всегда был сторонником интернационализма, сторонником уважительного отношения к другим культурам.

ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

М. Квливидзе

Подвижно

Dm

-ще-ни-е за пре-гре-шень-я. А и-

E7 Для повторения

-на-че за-чем на зем-ле э-той веч-ной жи-ву.

Для окончания Am

В тем-но-ле э-той веч-ной жи-ву.

Виноградную косточку в теплую землю зарю,
и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
и друзей созову, на любовь свое сердце настрою.
А иначе зачем на земле этой вечной живу.

Собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощение,
говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слышу.
Царь небесный пошлет мне прощение за прегрешенья.
А иначе зачем на земле этой вечной живу.

В темно-красном своем будет петь предо мной моя дали,
в черно-белом своем преклоню перед нею главу,
и заслушаюсь я, и умру от любви и печали.
А иначе зачем на земле этой вечной живу.

И когда заклубится закат, по углам залетая,
пусть опять и опять предо мной проплывут наяву
белый буйвол, и синий орел, и форель золотая.
А иначе зачем на земле этой вечной живу.

Это, в общем, на самом деле не совсем грузинская песня, но она смыкается по символике с грузинским фольклором, и я ее так назвал...

ПЕСЕНКА О ДАЛЬНОЙ ДОРОГЕ

В. Золотухину

С движением

1. За-бу-дешь позд-ний празд-ник и пер-ву-ю ут-
 -ра-ту, ког-да лу-ны ко-ле-са за-trenь-ка-ют по
 трак-ту, и си-лу-эт со-ви-ный скло-нит-ся соблуч-
 -ка, и пря-мо вду-шу гря-нет прос-той ро-манс сверч-
 -ка. Пус-кай глядит с по-ро-га... А даль-ня-я до-
 -ро-га... А даль-ня-я до-ро-га...

2. Пускай глядит с порога красotka, увядая,
 та гордая, та злая, та злая, та святая...
 Что прелесть ее ручек? Что жар ее перин?
 Давай, брат, отрешимся. Давай, брат, воспарим.

3. Жена, как говорится, найдет себе другого,
 какого-никакого, как ты, не дорогого.
 А дальняя дорога дана тебе судьбой,
 как матушкины слезы, она всегда с тобой.

4. Покуда ночка длится, покуда бричка катит,
 дороги этой дальней на нас с тобою хватит.
 Зачем ладонь с повинной ты на сердце кладешь?
 Чего не потеряешь — того, брат, не найдешь.

5. От сосен запах хлебный, от неба свет целебный,
 а от любви бедной сыночек будет бледный.
 А дальняя дорога...
 А дальняя дорога...
 А дальняя дорога...

ПРОЩАНИЕ С ПОЛЬШЕЙ

Агнешке Осецкой

В ритме вальса

Мы свя-за-ны, по-ля-ки, дав-но од-ной судь-бо-ю в про-

-ща-нье и в про-ще-нье, и в сме-хе и в сле-зах: ког-

-да тру-бач над Кра-ко-вом воз-но-сит-ся стру-бо-ю — хва-

-та-юсь я за саб-лю с на-деждо-ю в гла-зах. Ког-//_зах. По-//
(Конец)

Мы связаны, поляки, давно одной судьбою
в прощанье и в прощенье, и в смехе, и в слезах:
когда трубач над Краковом возносится с трубой —
хватаясь я за саблю с надеждою в глазах.

Потертые костюмы сидят на нас прилично,
и плачут наши сестры, как Ярославны, вслед,
когда под крик гармоник уходим мы привычно
сражаться за свободу в свои семнадцать лет.

Прошу у вас прощенья за раннее прощанье,
за долгое молчанье, за поздние слова...
Нам время подарило пустые обещанья,
От них у нас, Агнешка, кружится голова.

Над Краковом убитый трубач трубит бесценно,
любовь его безмерна, сигнал тревоги чист.
Мы — школьники, Агнешка, и скоро перемена,
и чья-то радиолы наигрывает твист.

Я давно очарован Польшей. Почему так случилось — не знаю. Черты национального характера, история и великая польская культура мне близки. Хорошо знаю ее историю — прекрасную, трагичную и героическую. Близки мне поляки — мудрые, остроумные, тонкие, музыкальные.

ПЕСЕНКА О НОЧНОЙ МОСКВЕ

Белле Ахмадулиной

Подвижно

Ког_ да вне_ зап_ но воз_ ни_ ка_ ет

е_ ще не_ яс_ ный го_ лос труб,

сло_ ва, как яс_ тре_ бы ноч_ ны_ е, сры_ ва_ ют_ ся с го_ ря_ чих

губ: ме_ ло_ ди_ я, как дождь слу_ чай_ ный,

гре_ мит; и бро_ дит меж людь_ ми на_ деж_ ды

ма_ лень_ кий ор_ кест_ рик под у_ правле_ ни_ ем люб.

_ ви. На_ деж_ ды ма_ лень_ кий ор_

Когда внезапно возникает еще неясный голос труб,
 слова, как ястребы ночные, срываются с горячих губ;
 мелодия, как дождь случайный, гремит; и бродит меж людьми
 надежды маленький оркестрик под управлением любви.

В года разлук, в года сражений, когда свинцовые дожди
 лупили так по нашим спинам, что снисхождения не жди,
 и командиры все охрипли... тогда командовал людьми
 надежды маленький оркестрик под управлением любви.

Кларнет пробит, труба помята, фагот, как старый посох, стерт,
 на барабанах швы разлезлись... Но кларнетист красив, как черт!
 Флейтист, как юный князь, изящен. И вечно в сговоре с людьми
 надежды маленький оркестрик под управлением любви.

Стихотворение, а потом эта песня появилась как бы в подражание манере чтения Беллы Ахмадулиной. У нее в одном стихотворении были такие строчки: «маленькие самолеты, как маленькие соломоны»... И мне это так понравилось в ее чтении, что и у меня появился «надежды ма-а-аленький оркестрик под управлением любви». Ахмадулиной я и посвятил это стихотворение.

СОЮЗ ДРУЗЕЙ

Ф. Светову

Маршеобразно

f Am H_7

Под- няв - ший меч на наш со - юз дос -

G_7 C Am

- то - ин бу-дет худ-шей ка- ры. И я за

Dm E_7

жизнь е - го тог- да не дам и са - мой ло - ма -

Am C

- ной ги - та - ры. Как вож-де -

F G_7

- лен-но жаждет век на - щу - пать брешью нас в це -

C Am

- поч - ке. Возь-мем ся за ру-ки, друзь-я возь-мем - ся

Dm G_7 Для повторения

за ру-ки, друзь-я, чтоб не про-пасть по - о - ди -

C G_7 Для продолжения

- ноч-ке. Возь-мём ся // пась по - о - ди -

Поднявший меч на наш союз
 достоин будет худшей кары.
 И я за жизнь его тогда
 не дам и самой ломаной гитары.
 Как вождельно жаждет век
 нащупать брешь у нас в цепочке.
 Возьмемся за руки, друзья,
 возьмемся за руки, друзья,
 чтоб не пропасть поодиночке.

Среди совсем чужих пиров
 и слишком ненадежных истин,
 не дожидаясь похвалы,
 мы перья белые свои почистим.
 Пока безумный наш султан
 сулит дорогу нам к острогу,
 возьмемся за руки, друзья,
 возьмемся за руки, друзья,
 возьмемся за руки, ей-богу.

Когда ж придет дележки час,
 не нас калач ржаной поманит,
 и рай настанет не для нас,
 зато Офелия всех нас помянет.
 Пока не грянула пора
 нам отправляться понемногу,
 возьмемся за руки, друзья,
 возьмемся за руки, друзья,
 возьмемся за руки, ей-богу.

Песню, в припеве которой говорится о том, что надо взяться за руки, пока не поздно, я написал после XX съезда. В то время союз друзей представлял собой нечто реальное. Мы, люди одного образа мыслей, представляли, что, если мы сплотимся, можно будет изменить ход событий. Теперь мы знаем, что историей движут не только узы дружбы. Постепенно мы отпускали руки друг друга.

ПЕСЕНКА О МОЦАРТЕ

И. Балаевой

Подвижно

mf Am Dm7 G7

Мо-царт на ста-рень-кой скрип-ке иг-ра-

C G7

-ет, Мо-царт иг-ра-ет, а скрип-ка по-

C Dm7 G7

-ет, Мо-царт о-те-чест-ва не вы-би-

C Dm Am/E E7

-ра-ет— прос-то иг-ра-ет всю жизнь на-про-

Am G7

-лет. Ах, ни-че-го, что всег-да, как из-

C H7

-вест-но, на-ша судь-ба-то гуль-ба, то паль-

E7 Am

-ба... Не ос-тав-ляй-те ста-ра-ний, ма-

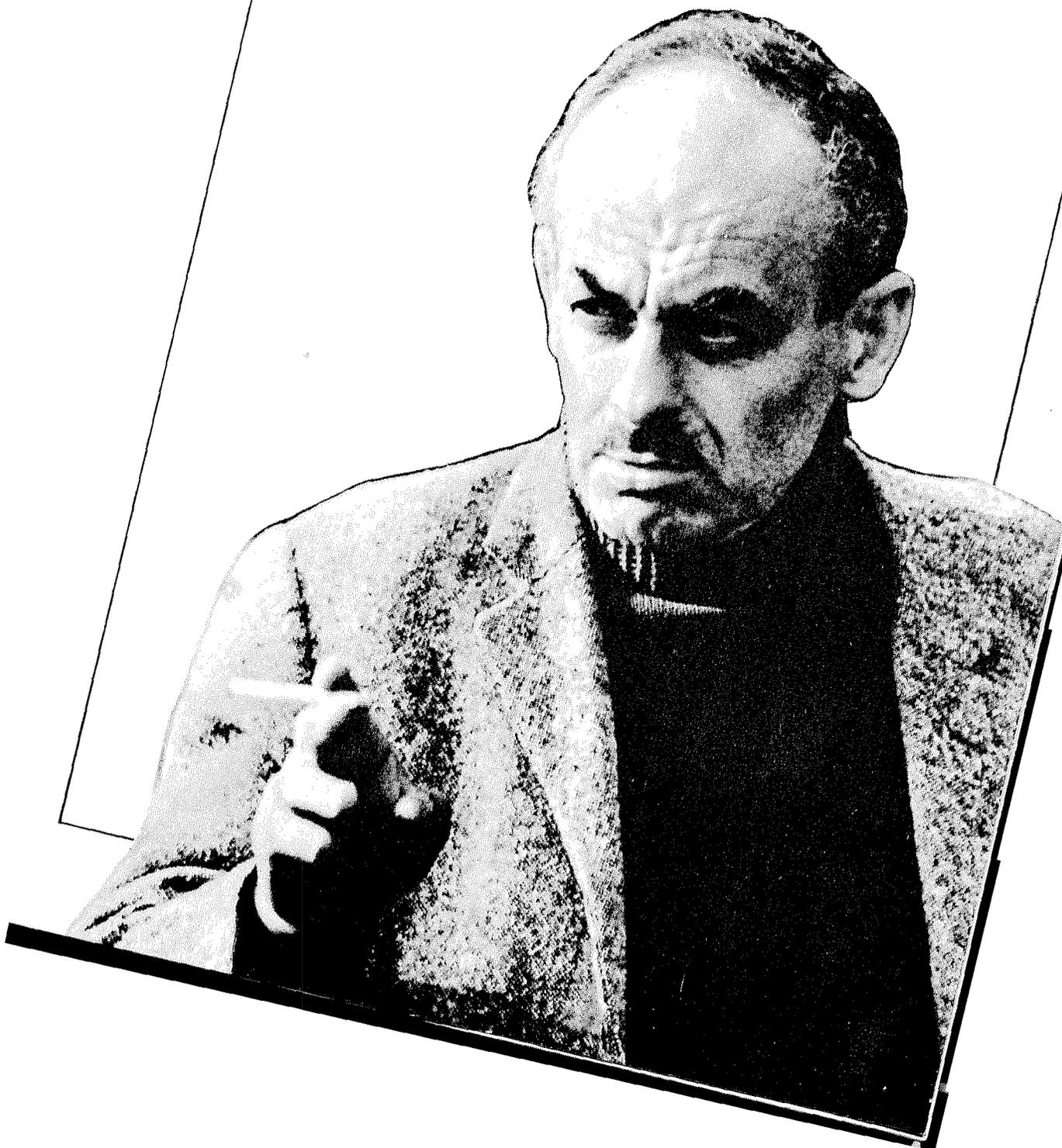
Моцарт на старенькой скрипке играет,
Моцарт играет, а скрипка поет,
Моцарт отечества не выбирает —
просто играет всю жизнь напролет.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба — то гульба, то пальба...
Не оставляйте стараний, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Где-нибудь на остановке конечной
скажем спасибо и этой судьбе.
Но из грехов своей родины вечной
не сотворить бы кумира себе.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба — то гульба, то пальба...
Не расставайтесь с надеждой, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Коротки наши лета молодые,
Миг — и развеются, как на кострах,
красный камзол, башмаки золотые,
белый парик, рукава в кружевах.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба — то гульба, то пальба...
Не обращайтесь вниманья, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Льве интересно ставить себя на место
этих героев. Здесь так и хотелось
выражать себя, выкрикнуть то, что на-
кашилось в душе.

Сенатская площадь. 1806 г.
Художник Б. Патерсон.

Исторический натюрморт.
Фото В. Охотина

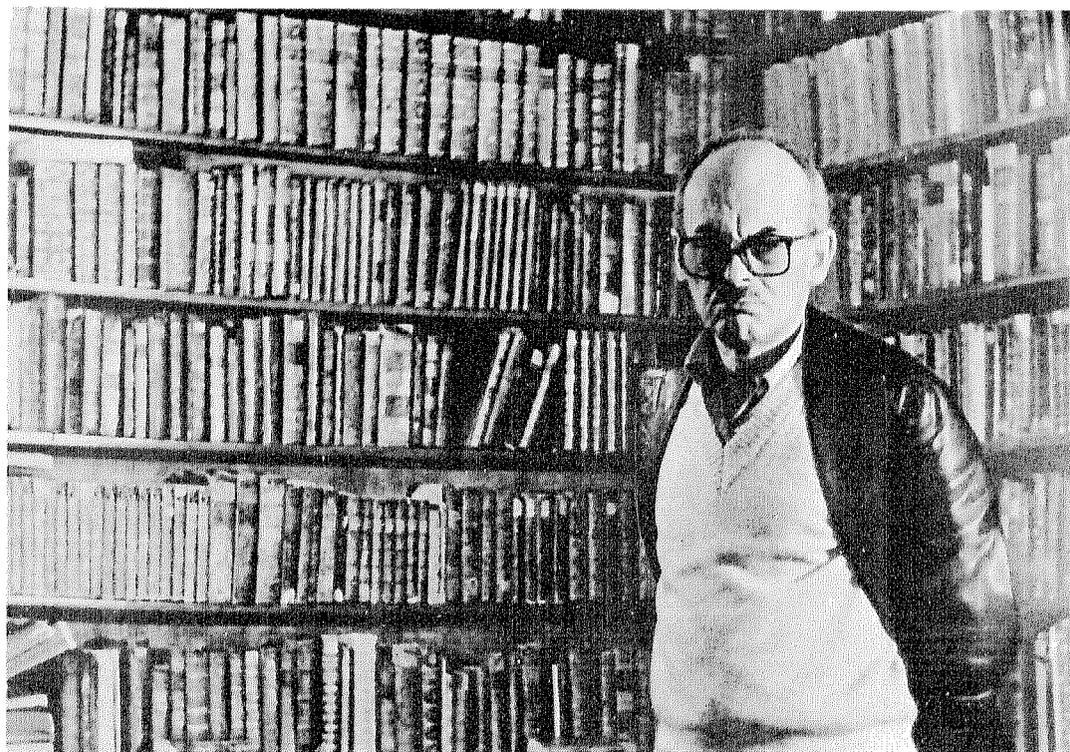
Мы недостаточно хорошо знаем нашу историю. Сейчас появилась возможность знать ее лучше, полнее. Оказалось, что многое мы представляли поверхностно, часто тенденциозно, многого не знали вовсе.

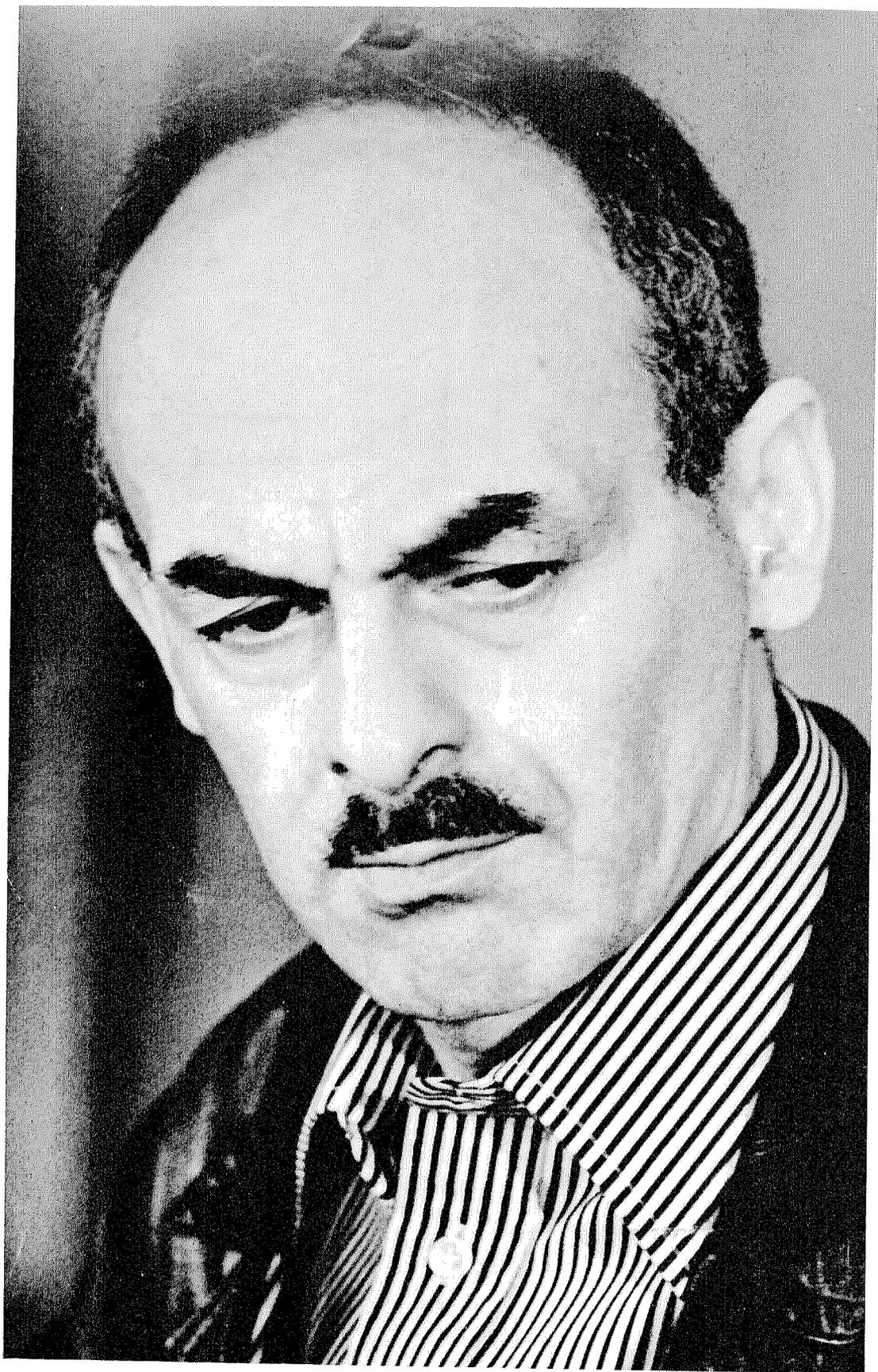
Лично меня многое привлекает в людях первой половины девятнадцатого века. И это без всякой попытки идеализировать. Я не могу отрицать большой нравственной устойчивости тех времен, высокой духовности, болезненных и активных поисков смысла жизни, утверждения общественного самосознания. Для меня как профессионального литератора это время не столь удалено, чтобы казаться недостоверным, но и не столь близко, чтобы утратить загадочность.

Батальное полотно.
Художник Ф. Крюгер.

1975 г.

ПРОВОДЫ ЮНКЕРОВ

Из кинофильма «На ясный огонь»

К. Померанцеву

В ритме вальса

The musical score is written in 3/4 time with a key signature of one sharp (F#). It consists of five staves of music. The first staff begins with a forte dynamic (f) and a common time signature (C). The lyrics are: "На-ша жизнь - не иг- ра, со-би-рать-ся по-". The second staff continues the melody with lyrics: "-ра! Кант ма-ли-нов и ло-ша-ди се-ры." The third staff has lyrics: "Гос-по-да юн-ке-ра, кем вы бы-ли вче-". The fourth staff has lyrics: "-ра, а се-го-дня вы все о-фи-це-ры." The fifth staff has lyrics: "Гос-по- // -це - ры." and "(Конец) Гос-по- //". Chord markings include G7, C, Am, Dm, E7, and Am. There are first and second endings marked with "1." and "2." respectively.

Наша жизнь — не игра, собираться пора!
Кант малинов и лошади серы.
Господа юнкера, кем вы были вчера,
а сегодня вы все офицеры.

Господа юнкера, кем вы были вчера
без лихой офицерской осанки?
Можно вспомнить опять (ах, зачем вспоминать?)
как ходили гулять по Фонтанке.

Над гранитной Невой гром стоит полковой,
да прощанье недорого стоит.
На германской войне только пушки в цене,
а невесту другой успокоит.

Наша жизнь — не игра, в штыковую, ура!
Замерзают окопы пустые...
Господа юнкера, кем вы были вчера?
Да и нынче вы все холостые.

Я ПИШУ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Умеренно
Cm *tr* G7 Cm

В склян_ке тем_ного стек_ла из_под им_порт_ного

пи_ва ро_за крас_на_я цве_ла

G7 Cm

гор_до и не_то_роп_ли_во. И_сто_ри_чес_кий ро_

Fm6 13.

ман со_чи_нял я по_не_мно_гу, про_би_ва_юсь,

Cm G7 Cm 12.

как в ту_ман, от про_ло_га к э_пи_ло_гу. // и по_ру_чи_

Cm G7 Cm *Припев*

_ком в от_став_ке сам се_бя во_об_ра_жал. Каж_дый пи_шет,

как он слы_шит. Каж_дый слы_шит, как он ды_шит,

Fm6

(Конец) как он ды_шит, так и пи_шет, не ста_ра_ясь у_го_

G7 Cm

дить... Так при_ро_да за_хо_те_ла,

Am⁶ Cm G7

Fm⁶ G

по-че-му — не на-ше де-ло, для че-го — не нам су-

Cm

- дить. Бы-ли да-ли го-лу-бы, бы-ло вы-мыс-ла в из-//

В склянке темного стекла
из-под импортного пива
роза красная цвела
гордо и неторопливо.
Исторический роман,
сочинял я понемногу,
пробиваясь, как в туман,
от пролога к эпилогу.

Припев: Каждый пишет, как он слышит,
каждый слышит, как он дышит,
как он дышит, так и пишет,
не стараясь угодить...
Так природа захотела,
почему — не наше дело,
для чего — не нам судить.

Были дали голубы,
Было вымысла в избытке.
И из собственной судьбы
я выдергивал по нитке.
В путь героя снаряжал,
наводил о прошлом справки
и поручиком в отставке
сам себя воображал.

Припев.

Вымысел не есть обман.
Замысел — еще не точка.
Дайте дописать роман
До последнего листочка.
И пока еще жива
роза красная в бутылке,
дайте выкрикнуть слова,
что давно лежат в копилке.

Припев

Однажды один московский критический журнал попросил нескольких литераторов написать о том, для чего мы пишем и почему мы пишем. Так как я не умею писать статьи и не очень люблю анализировать себя самого, я отказался. Остальные написали очень серьезные исследования собственного творчества.

А я написал стихотворение и послал в журнал. Его тогда не напечатали, но зато потом получилась песня.

СТАРИННАЯ СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Подвижно

mf Gm D7 Gm

От шу-ме-ли пе-сни на-ше-го пол-ка,

B F7 B

от зве-не-ли звон-ки-е ко-пы-та.

Cm Gm D

Пу-ля-ми про-би-то дни-ще ко-тел-ка,

D7

Для повторения
Gm

мар-ки-тант-ка ю-на-я у-би-та.

Для окончания
Gm Cm Gm D

//-ритель-ся. И сло-ва, и пу-ли, и лю-бовь,и

D7 Gm

кровь... Вре-ме-ни не бу-дет по-ми-ритель-ся.

Отшумели песни нашего полка,
отзвенели звонкие копыта.
Пулями пробито днище котелка,
маркитантка юная убита.

Нас осталось мало: мы да наша боль.
Нас немного и врагов немного.
Живы мы покуда, фронтовая голь,
а погибнем — райская дорога.

Руки на затворе, голова в тоске,
а душа уже взлетела вроде.
Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе.

Спите себе, братцы, всё придет опять:
новые родятся командиры,
новые солдаты будут получать
вечные казенные квартиры.

Спите себе, братцы, всё начнется вновь,
всё должно в природе повториться:
и слова, и пули, и любовь, и кровь...
Времени не будет помириться.

Мне нравились русские офицерские песни. Одна из них, довольно известная, когда-то я знал ее, а сейчас припоминаю только припев:

*И шли мы дружно к схваткам новым,
Не ожидая череды.
Хвала погибшим, а здоровым
Алаверды, алаверды!*

Такая бравая песня какого-то императорского полка, сочиненная в XIX веке. И эти песни, и стихи Д. Давыдова, И. Мятлева, Л. Трефолева, менее известных авторов, и русский фольклор, конечно, откладывались в памяти... Я люблю XIX век — он не так далек, чтобы прослыть недостоверным, но и не так близок, чтобы утратить загадочность.

БАТАЛЬНОЕ ПОЛОТНО

Подвижно

Су- мер- ки. При- ро- да. Флей- ты го- лос

нерв- ный. Позд- не- е ка- тань- е. На пе- ред- ней

ло- ша- ди е- дет им- пе- ра- тор в го- лу- бом каф- та- не.

Бе- ла- я ко- бы- ла с ка- ри- ми гла- за- ми, с чел- кой во- ро-

- но- ю. Крас- на- я по- по- на. Крыль- я за спи-

- но- ю, как пе- ред вой- но- ю. Вслед за им- пе-

- ва- ми - лишь зем- ля и не- бо, лишь зем- ля и

Сумерки. Природа. Флейты голос нервный. Позднее катанье.
На передней лошади едет император в голубом кафтане.
Белая кобыла с карими глазами, с челкой вороною.
Красная попона. Крылья за спиной, как перед войною.

Вслед за императором едут генералы, генералы свиты,
славою увиты, шрамами покрыты, только не убиты.
Следом — дуэлянты, флигель-адъютанты. Блещут эполеты.
Все они красавцы, все они таланты, все они поэты.

Всё слабее звуки прежних клавесинов, голоса былые.
Только топот мерный, флейты голос нервный да надежды злые.
Всё слабее запах очага и дыма, молока и хлеба.
Где-то под ногами и над головами — лишь земля и небо.

Тяга к историческому жанру появилась у меня давно. Однако в чистом виде исторической прозой я никогда не занимался. Я пишу о себе, но на историческом материале. Мне интересно ставить себя на место своих героев. Через них я пытаюсь выразить себя, выкрикнуть то, что накопилось в душе, поделиться своими мыслями, взглядом на жизнь.

ДЕРЗОСТЬ, ИЛИ РАЗГОВОР ПЕРЕД БОЕМ

Умеренно

Am *tr* E7 Am

— Гос_ по_ дин лей_ те_ нант, что э_ то вы хму_ ры?

C G7 C

Аль не по серд_ цу вам на_ ше ре_ мес_ ло?

F C G7 C

— Гос_ по_ дин ге_ не_ рал, вспо_ ни_ лись а_ му_ ры,

Dm Am E7 Am

не ска_ жу, что_ бы мне с ни_ ми не вез_ ло.

— Господин лейтенант, что это вы хмуры?
 Аль не по сердцу вам наше ремесло?
 — Господин генерал, вспомнились амуры,
 не скажу, чтобы мне с ними не везло.

— Господин лейтенант, нынче не до шашней:
 скоро бой предстоит, а вы всё про баб!
 — Господин генерал, перед рукопашной
 золотые деньки помянуть хотя б.

— Господин лейтенант, не к добру все это!
 Мы ведь здесь для того, чтобы побеждать!
 — Господин генерал, будет нам победа,
 да придется ли мне с вами пировать?

— На полях, лейтенант, кровию политых,
 расцветет, лейтенант, славы торжество!
 — Господин генерал, слава — для убитых,
 а живому нужна женщина его.

— Черт возьми, лейтенант, да что это с вами?
 Где же воинский долг, ненависть к врагу?!
 — Господин генерал, рассудите сами:
 я и рад бы приврать, да вот не могу.

— Ну гляди, лейтенант, каяться придется —
 пускай счеты с тобой трибунал сведет...
 — Видно, так, генерал... Чужой промахнется —
 а уж свой в своего всегда попадет.

«СОЛНЫШКО СИЯЕТ, МУЗЫКА ИГРАЕТ...»

Оживленно

The musical score is written in G major (one sharp) and 2/4 time. It consists of six staves of music with lyrics underneath. Chords are indicated above the notes: D, A7, D, F#7, Hm, and F#7. The lyrics are: Солнышко сияет, музыка играет — отчего ж так сердце замирает? Там за поворотом, недурен собою, полк гусар стоит перед толпою. Барышни краснеют, танцы предвкушают, кто кому достанется, режут. The final line has two endings: 1. Hm, 2. Hm A7 % Hm.

Солнышко сияет, музыка играет —
отчего ж так сердце замирает?
Там за поворотом, недурен собою,
полк гусар стоит перед толпою.
Барышни краснеют, танцы предвкушают, кто кому до-
станется, режут. // — режут. // — режут?..

Солнышко сияет, музыка играет —
отчего ж так сердце замирает?
Там за поворотом, недурен собою,
полк гусар стоит перед толпою.
Барышни краснеют, танцы предвкушают,
кто кому достанется, режут.

Но полковник главный на гнедой кобыле
говорит: «Да что ж вы всё забыли!
Танцы были в среду — нынче воскресенье,
с четверга война — и нет спасенья!
А на поле брани смерть гуляет всюду,
может не вернемся — врать не буду!»

Барышни не верят, в кулачки смеются,
невдомек, что вправду расстанутся.
Вы, мол, повоюйте, если вам охота,
да не опоздайте из похода.
Солнышко сияет, музыка играет —
отчего ж так сердце замирает?..

ДВА СИЛУЭТА

Подвижно

Сре-ди жи-тей-ско-го ту-ма-на ко-го-то
и-щем не-пре-стан-но, но два зна-ко-мых си-лу-
э-та мы раз-ли-ча-ем тем вер-ней.
О дон-на Ан-на, дон-на Ан-на,
мы всё не встре-тим-ся, как стран-но! О Дуль-си-
-не-я, Дуль-си-не-я, кто Дон Ки-хот — те-бе вид-
-ней. // — те-бе вид-ней. Как мно-го
(Конец)

Chords: f, C, G7, C, F, G7, C, Am, Dm, G7, C, Dm, Am, E, E7, Am, C, %

Среди житейского тумана кого-то ищем непрестанно,
но два знакомых силуэта мы различаем тем верней.
О Донна Анна, Донна Анна, мы всё не встретимся, как странно!
О Дульсинья, Дульсинья, кто Дон Кихот — тебе видней.

Как много женщин знаменитых, бессмертной славою увитых.
Но два знакомых силуэта мы различаем среди них:
О Офелия, о нимфа, о помяни меня в молитвах,
О Маргарита, Маргарита, здесь я умру у ног твоих.

ПЕСЕНКА О МОЛОДОМ ГУСАРЕ

Умеренно

Грозной бит_ вы пы_ ла_ ют по_ жа_ ры, и по_

_ ра уж ко_ ней под сед_ ло. Из_ го_ то_ ви_ лись

к схват_ ке гу_ са_ ры: их счаст_ ли_ во_ е

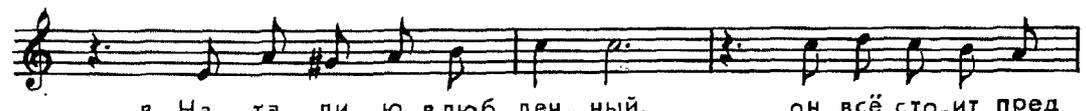
вре_ мя при_ шло. Впе_ ре_ ди_ ко_ ман_ дир, на нём

но_ вый мун_ дир, а за ним_ эс_ кад_ рон пос_ ле

зим_ них квар_ тир... А мо_ ло_ дой гу_ сар,

в На_ та_ ли_ ю влюб_ лен_ ный, он всё сто_ ит пред

ней, ко_ ле_ но_ пре_ кло_ нен_ ный. А // _ нен_ ный.

Am

Все по-//нен- ный. А ю- ный тот гу-

-сар... А ю- ный тот гу- сар...

Грозной битвы пылают пожары,
и пора уж коней под седло.
Изготовились к схватке гусары:
их счастливое время пришло.
Впереди — командир, на нем новый мундир,
а за ним — эскадрон после зимних квартир...
А молодой гусар, в Наталию влюбленный,
он всё стоит пред ней, коленопреклоненный.

Все погибли в бою, флаг приспущен,
и земные дела не для них,
и летят они в райские кущи
на конях на крылатых своих.
Впереди — командир, на нем рваный мундир,
следом юный гусар покидает сей мир...
Но чудится ему, что он опять влюбленный,
опять стоит пред ней коленопреклоненный.

Вот иные столетья настали,
и несчетно воды утекло,
и давно уже нет той Наталии,
и в музее пылится седло.
Позабыт командир — дам уездных кумир,
жаждет новых потех просвещенный наш мир...
А юный тот гусар, в Наталию влюбленный,
он все стоит пред ней, коленопреклоненный.

А юный тот гусар...
А юный тот гусар...

Встреча на Белорусском вокзале
в Москве. 1945 г.

Первая военная осень. 1941 г.

Кадр из кинофильма «Белорусский вокзал»

Песню к кинофильму «Белорусский вокзал» я писал по заказу. Ко мне обратился режиссер Андрей Смирнов и попросил написать песню для его фильма. Мне хотелось выполнить его просьбу, и я стал пробовать. Далеко не сразу, но у меня появилась первая строчка:

Здесь птицы не поют, деревья не растут...

Появилась и мелодия. Ее я не собирался предлагать, я знал, что над музыкой к фильму работает замечательный композитор Альфред Шнитке. Но под эту мелодию мне было легче сочинять. Я приехал на студию. Был Смирнов, был Шнитке и еще несколько человек из съемочной группы. И стоял в комнате рояль. Я говорю: «Вы знаете, у меня вместе со стихами попутно родилась мелодия. Я вам ее не предлагаю, но мне как-то легче под нее вам эти стихи исполнить». Очень робя и конфузясь перед Шнитке, я стал одним пальцем тыкать по клавишам рояля и дрожащим от волнения голосом петь. Пою, а они сидят все такие мрачные,

замкнутые... Еле-еле допел до конца, говорю: «Ну, музыка, конечно, не получилась, но слова, может быть, можно...»

Смирнов говорит: «Да, конечно, не получилась...»

И вдруг Шнитке встает: «А по-моему, даже очень получилась, спойте-ка еще раз». И тогда я, ободренный неожиданной похвалой, ударил по клавишам и запел уже смелее. И все стали подпевать, и когда допели, то оказалось, что песня всем понравилась.

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ

Из кинофильма «Белорусский вокзал»

А. Смирнову

Свободно

Gm *mp*

Здесь пти-цы не по-ют, де-ревья не рас-
-тут, и толь-ко мы пле-чомк плечу врас-та-ем в зем-лю

D7

Маршеобразно

Gm *mf* %

тут. Го-рит и кру-жит-ся пла-не-та над
на-шей ро-ди-но-ю дым, и, зна-чит, нам нуж-

Cm

F7 B

на од-на по-бе-да, од-на на

A7 D7 Gm

всех-мы за це-ной не по-сто-им, од-на на

A7 D7 Gm *Припев* F7 B F7

всех-мы за це-ной не по-сто-им. Нас ждет о-гонь смер-

B D7 Eb

-тель-ный и всё ж бес-си-лен он. Сом-не-нья

Cm F B

прочь, у-хо-дит в ночь от-дель-ный де-

Здесь птицы не поют,
 деревья не растут,
 и только мы плечом к плечу
 вырастаем в землю тут.
 Горит и кружится планета,
 над нашей родиной дым,
 и, значит, нам нужна одна победа,
 одна на всех — мы за ценой не постоим.

Припев: Нас ждет огонь смертельный,
 и всё ж бессилен он.
 Сомнения прочь, уходит в ночь отдельный
 десятый наш десантный батальон.

Едва огонь угас —
 звучит другой приказ,
 и почтальон сойдет с ума,
 разыскивая нас.
 Взлетает красная ракета,
 бьет пулемет, неутомим...
 И, значит, нам нужна одна победа,
 одна на всех — мы за ценой не постоим.

Припев

От Курска и Орла
 война нас довела
 до самых вражеских ворот —
 такие, брат, дела.
 Когда-нибудь мы вспомним это —
 и не поверится самим...
 А нынче нам нужна одна победа,
 одна на всех — мы за ценой не постоим.

Припев

Война так въелась в меня, мне трудно от нее избавиться. Все мы, наверное, рады были бы навсегда забыть о войне, но, к сожалению, она не затихает, она идет по пятам... Сколько же мы, люди, будем побеждать эту войну?

ПЕСНЯ О МОСКОВСКИХ ОПОЛЧЕНЦАХ

Из кинофильма "Великая Отечественная"

К. Симонову

Маршеобразно

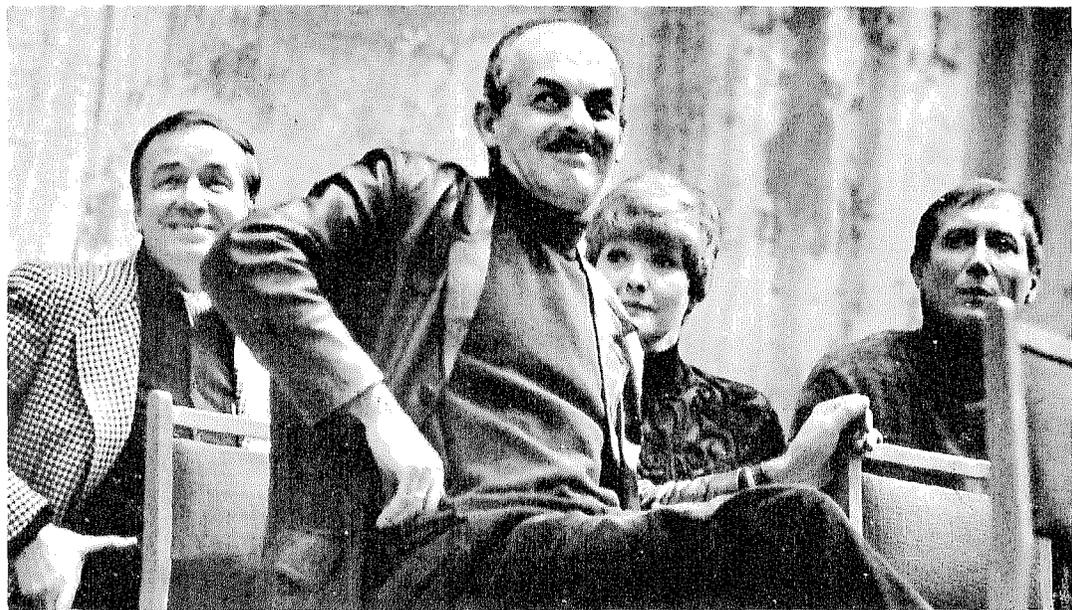
Над на- ши- ми до- ма- ми раз- но- сит- ся на-
- бат, и за- тем- не- нье у- ли- цы о- де- ло.
Ты на- у- чи люб- ви, Ар- бат,
а даль- ше- даль- ше на- ше де- ло.
Ты на- у- // даль- на- ше де- ло. (Конец) Гля-

Над нашими домами разносится набат,
и затемнение улицы одело.
Ты научи любви, Арбат,
а дальше — дальше наше дело.

Гляжу на двор арбатский, надежды не тая,
вся жизнь моя встает перед глазами.
Прощай, Москва, душа твоя
всегда-всегда пребудет с нами!

Расписки за винтовки с нас взяли писаря,
но долю себе выбрали мы сами.
Прощай, Москва, душа твоя
всегда-всегда пребудет с нами!

Хотя критике меня причисляют к поэтам военного поколения, на самом деле это не так. Как поэт я сложился позднее и вышел к читателю, вернее к слушателю, уже вместе с поэтами следующего поколения: Звонимово, Армадулиной, Вознесенским.

На литературном вечере во Дворце спорта, 1977 г. Фото С. Фурмана

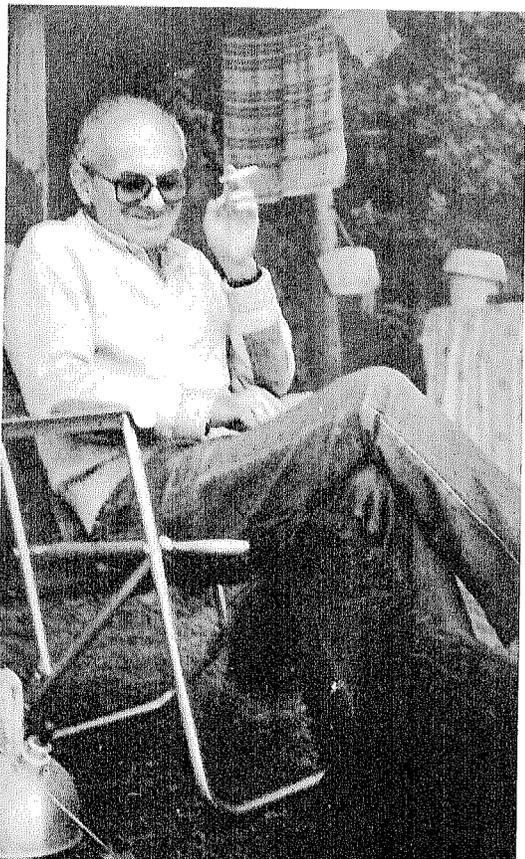
Борис Слуцкий. 1960 г.

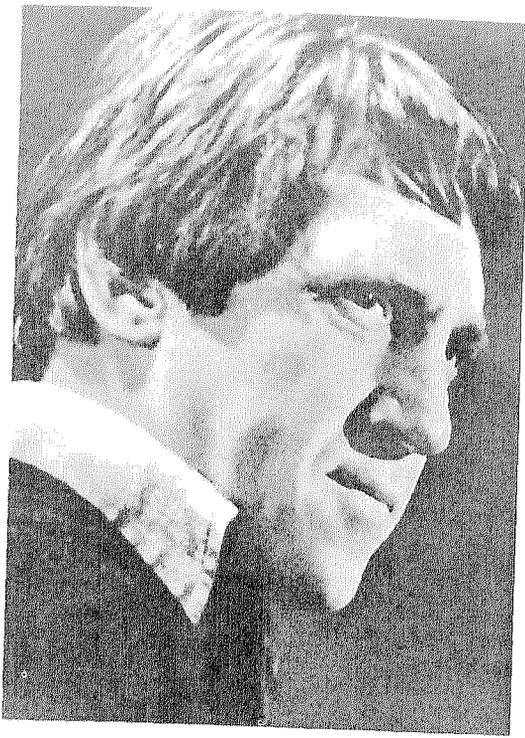
Белла Ахмадулина.
Выступление в Телетеатре. 1962 г.

Булат Окуджава
на турбазе «Гауя». 1980 г.

Юрий Левитанский. 1959 г.

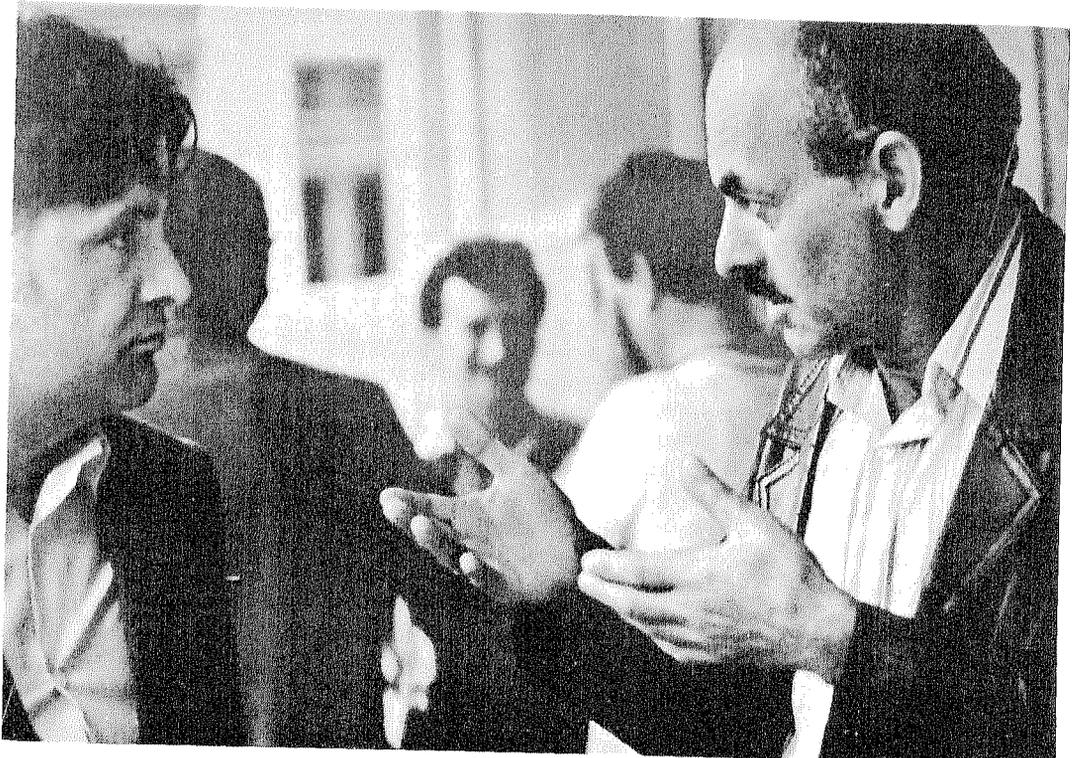

Владимир Высоцкий. 70-е годы

Юрий Трифонов. 1980 г.

С Фазилем Искандером. Фото В. Крохина

КАБИНЕТЫ МОИХ ДРУЗЕЙ

Умеренно

Что - то дож - ди - чек у - дач па - да - ет не час - то.

Впро - чем, жизнь - ю и та - кой сто - ит до - ро - жить.

Ско - ро все мо - и друз - я вы - бьют - ся в на -

- чаль - ства, и тог - да, на - вер - но, мне

ста - нет лег - че жить. (Конец) // ста - нет лег - че жить.

Что-то дождичек удач падает не часто.
Впрочем, жизнью и такой стоит дорожить.
Скоро все мои друзья выбьются в начальство,
и тогда, наверно, мне станет легче жить.

Робость давнюю свою я тогда осилю.
Как пойдут мои дела, можно не гадать:
зайду к Юре в кабинет, загляну к Фазилю,
и на сердце у меня будет благодать.

Зайду к Белле в кабинет, скажу, здравствуй, Белла,
Скажу, дело у меня, помоги решить.
Она скажет: ерунда, разве это дело,
И, конечно, мне тогда станет легче жить.

Часто снятся по ночам кабинеты эти,
не сегодняшние — нет,
завтрашние — да:
самовары на столе, дама на портрете.
Просто стыдно по пути не зайти туда.

Города моей страны все в леса одеты,
звук пилы и топора трудно заглушить.
Может, это для друзей строят кабинеты?
Вот настроят и тогда станет легче жить.

В этой песне упоминаются три моих друга. Юра — это поэт Юрий Левитанский,
Фазиль — это писатель Фазиль Искандер, и Белла — это поэтесса Белла Ахмадулина.

О ВОЛОДЕ ВЫСОЦКОМ

Марине Владимировне Поляковой

Сдержанно

Am

tr

О Во-ло-де Вы-соц-ком я пе-сню при-ду-мать ре-

E7

-шил. Вот е-ще од-но-му не вер-нуть-ся до-мой из по-

Am

-хо-да. Го-ва-рят, что гре-шил, что не

Dm

к сро-ку све-чу за-ту-шил... Как у-мел, так и

E7

Am

жил, а без-греш-ных не зна-ет при-ро-да.

О Володе Высоцком я песню придумать решил:
вот еще одному не вернуться домой из похода.
Говорят, что грешил, что не к сроку свечу затушил...
Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа.

Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом
отправляться и нам по следам по его по горячим.
Пусть кружит над Москвою охрипший его баритон,
ну, а мы вместе с ним посмеемся и вместе поплачем.

О Володе Высоцком я песню придумать хотел,
но дрожала рука, и мотив со стихом не сходилась...
Белый аист московский на белое небо взлетел,
черный аист московский на черную землю спустился.

« КАК НАШ ДВОР НИ ОБИЖАЛИ ... »

Подвижно

mf **G**

Как наш двор ни оби- жа- ли- он в клас- си- чес- кой по-

Em

- ре. С ним те- перь у- же не

A7 D

спра- вить- ся, хоть он и без- о- ру- жен.

G

А там- Во- ло- дя во дво- ре, а е- го

Em

стру- ны в се- реб- ре, а е- го паль- цы зо- ло-

A7 D

- ты- е, го- лос е- го ну- жен. А там Во-

G

- ло- дя во дво- ре, а е- го стру- ны в се- реб-

Em

- ре, е- го паль- цы зо- ло- ты- е,

Как наш двор ни обижали — он в классической поре.
 С ним теперь уже не справиться, хоть он и безоружен.
 А там — Володя во дворе,
 его струны в серебре,
 его пальцы золотые, голос его нужен.

Как с гитарой ни боролись — распался струнный звон.
 Как вино стихов ни портили — всё крепче становилось.
 А кто сначала вышел вон,
 а кто потом украл вагон —
 всё теперь перемешалось, всё объединилось.

Может, кто и нынче снова хрипоте его не рад...
 Может, кто намеревается подлить в стихи еляя.
 А ведь и песни не горят,
 они в воздухе парят,
 чем им делают большее, тем они сильнее.

Что ж печалиться напрасно? Нынче слезы — лей не лей,
 но запомним хорошенечко и повод, и причину...
 Ведь мы воспели королей,
 от Таганки до Филей —
 пусть они теперь поэту воздадут по чину!

К этой песне нужно маленькое предисловие. Когда вышла книга Высоцкого «Нерв», она до прилавков не дошла. Пошли слухи, что украли вагон с книгами. И я тогда подумал: вот парадокс! Сначала, когда он начинал, некоторые, отплеываясь, выходили оттуда, где он пел. А кончилось тем, что украли вагон. Теперь соединились все — и те, кто «против», и те, кто «за», делить теперь нечего, поздно...

КУЗНЕЧИК

Юлию Киму

Оживленно

mf $\frac{3}{4}$ D A7

Ну чем те-бе по-тра-фить, мой куз-не-чик, ед-

-ва твой гимн про-стран-ства о-гла-сит. При-

A7

слу-шать-ся — он от скор-бей из-ле-чит, а

D

вслу-шать-ся — из мерт-вых вос-кре-сит. Ка-

Hm F#7

-кой стру-ны ка-са-ешь-ся пре-крас-ной, что

Hm F#7

тот-час за то-бой всту-па-ет хор та-

G D Em

-ин-ствен-ный, воз-вы-шен-ный и страст-

Hm F# F#7 1. Hm

-ный тво-их зе-ле-ных брать-ев и сес-тер? Та-||

2.
Hm % D G D

-тер? Ка- // -го, и го- ло- су, ког- да, взлетев до

E_m H_m/_F F#₇

хри- па, он не- ба до- сти- га- ет сво- е-

1. 2.
Hm Hm F#₇ Hm

- го. И // -го. Он не- ба до- сти- га- ет сво- е- го.

Ну чем тебе потрафить, мой кузничик,
едва твой гимн пространства огласит?
Прислушаться — он от скорбей излечит,
а вслушаться — из мертвых воскресит.

Какой струны касаешься прекрасной,
что тотчас за тобой вступает хор
таинственный, возвышенный и страстный
твоих зеленых братьев и сестер?

Какое чудо обещает скоро
слететь на нашу землю с высоты,
что так легко в сопровожденье хора,
так звонко исповедуешься ты?

Ты тоже из когорты стихотворной,
из нашего бессмертного полка...
Кричи и плачь... Авось твой труд упорный
потомки не оценят свысока.

Поэту настоящему спасибо,
руке его, безумию его
и голосу, когда взлетев до хрипа,
он достигает неба своего.

« ВРЕМЯ ИДЕТ, ХОТЬ ШУТИ — НЕ ШУТИ...»

Умеренно

Вре- мя и- дет, хоть шу- ти — не шу- ти,
 как мор- ска- я вол- на, вдруг на- хлы- нет, и скро-
 ет. Но по- го- ди, э- то всё впе- ре- ди, дай на- ды-
 шать- ся Моск- во- ю. Но по- го- // -ю. (Конец) Ви- дишь тот

Время идет, хоть шути — не шути,
 как морская волна, вдруг нахлынет и скроет.
 Но погоди, это всё впереди,
 дай надышаться Москвою.

Мало прошел я дорогой земной,
 что же рвешь ты не в срок пополам мое сердце?
 Ну не спеши, это будет со мной,
 ведь никуда мне не деться.

Видишь тот дом — там не гасят огня,
 там друзья меня ждут не больным, не отпетым,
 ну не спеши, как же им без меня —
 надо ведь думать об этом.

Дай мне напиться воды голубой,
 придержи до поры и тоску, и усталость.
 Ну потерпи, разочтемся с тобой —
 я должником не останусь.

« ВИТЯ, СЫГРАЙ НА ГИТАРЕ ... »

В. Фогельсону

Подвижно

Ви - тя, сыг - рай на ги - та - ре,
 на се - ми - струн - ной та - кой, ес - ли, ко - неч - но, в у -
 - да - ре, ес - ли о - на под ру - кой.

Витя, сыграй на гитаре,
 на семиструнной такой,
 если, конечно, в ударе,
 если она под рукой.

Дай я чехол с нее скину
 и как букет поднесу...
 Было: свистели нам в спину,
 будто в разбойном лесу.

Этого долгого свиста
 нету в помине уже.
 Нынче ведь все гитаристы —
 не наяву, так в душе.

Пальцы притронулись к первой,
 тихо откликнулась медь...
 ...Только бы нотки неверной
 нам навзначай не пропеть.

Пальцы касаются баса,
 будто в струне той изъян...
 ...И до последнего часа
 буду я верен друзьям.

Пальцы по всем заскользили,
 трели сливая и гром...
 ...Тех, кто добры с нами были,
 брат мой, помянем добром.

Витя, сыграй на гитаре,
 на семиструнной такой,
 если, конечно, в ударе,
 если она под рукой.

« ЧТО Ж ВЫ ДРЕМЛЕТЕ, РЕБЯТА... »

Умеренно

С *mf* G7

Что ж вы дрем-ле-те, ре-бя-та? Боль-ше нет у

С Dm E7

нас Ар-ба-та! А ка-ка-я у-ли-ца бы-

Am Dm E7 Am

-ла... А ка-ка-я у-ли-ца бы-ла...

Что ж вы дремлете, ребята?
 Больше нет у нас Арбата!
 А какая улица была...
 Разрушители гурьбою
 делят лавры меж собою...
 Вот какие в городе дела.

Дама ножек не замочит,
 друг мараться не захочет,
 и на свалку спишут старый двор.
 Защитите его, струны,
 от изменчивой фортуны...
 Наша жизнь — короткий разговор.

Ни золота и ни хлеба
 ни у черта, ни у неба
 попрошу я без обиняков:
 ты укрой меня, гитара,
 от злодейского удара,
 от московских наших дураков.

Пусть мелодия простая,
 но, из сердца вырастая,
 украшает наше ремесло.
 Ты прости меня, гитара:
 может, мы совсем не пара, —
 просто мне с тобою повезло!

СВЯТОЕ ВОИНСТВО

Умеренно

Со-весть, Бла-го-род-ство и До-сто-ин-ство —

вот о-но, свя-то-е на-ше во-ин-ство. Прот-я-ни,

прот-я-ни е-му сво-ю ла-донь. За не-го,

за не-го, за не-го не страшно и во-гонь.

Совесь, Благородство и Достоинство —
вот оно святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
но зато умрешь, как человек.

Художник видит перед собой единственную задачу — рассказать о себе, выразить себя, поделиться своими впечатлениями об окружающем. Что бы я ни писал: стихотворение, песню, повесть, роман — всегда и везде я рассказываю о себе, не стараясь угодить ни своим поклонникам, ни противникам.

НАДЕЖДЫ МАЛЕНЬКИЙ ОРКЕСТРИК

Встречайтесь планета

ОБЗЕРЕНИЕ КИНОФИЛМОВ ПРИКЛОЧЕНЧЕСКОГО ЖАНРА
НА ТОЙ ДАЛЕКОЙ, НА ГРАЖДАНСКО

Отчужден

ДЕВОЧКА ПЛАЧЕТ...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

«...Тем более, что жиды короткая толка»

НЕ СТАРАЯ УГОДИТЬ

ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ЛЮБВИ

КОМУ УЛЫБАЕТСЯ «ГОСПОЖА УДАЧА?»

ВОЗЬМЕМСЯ ЗА РУНИ, ДРУЗЬЯ!

НЕ ЗАКРЫВАЙТЕ ВАШУ ДВЕРЬ

«...И, значит, нам нужна одна победа...»

ЧЮСТЬ '87

И. ШВИДКО

«ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ ДРУГ ДРУГУ...»

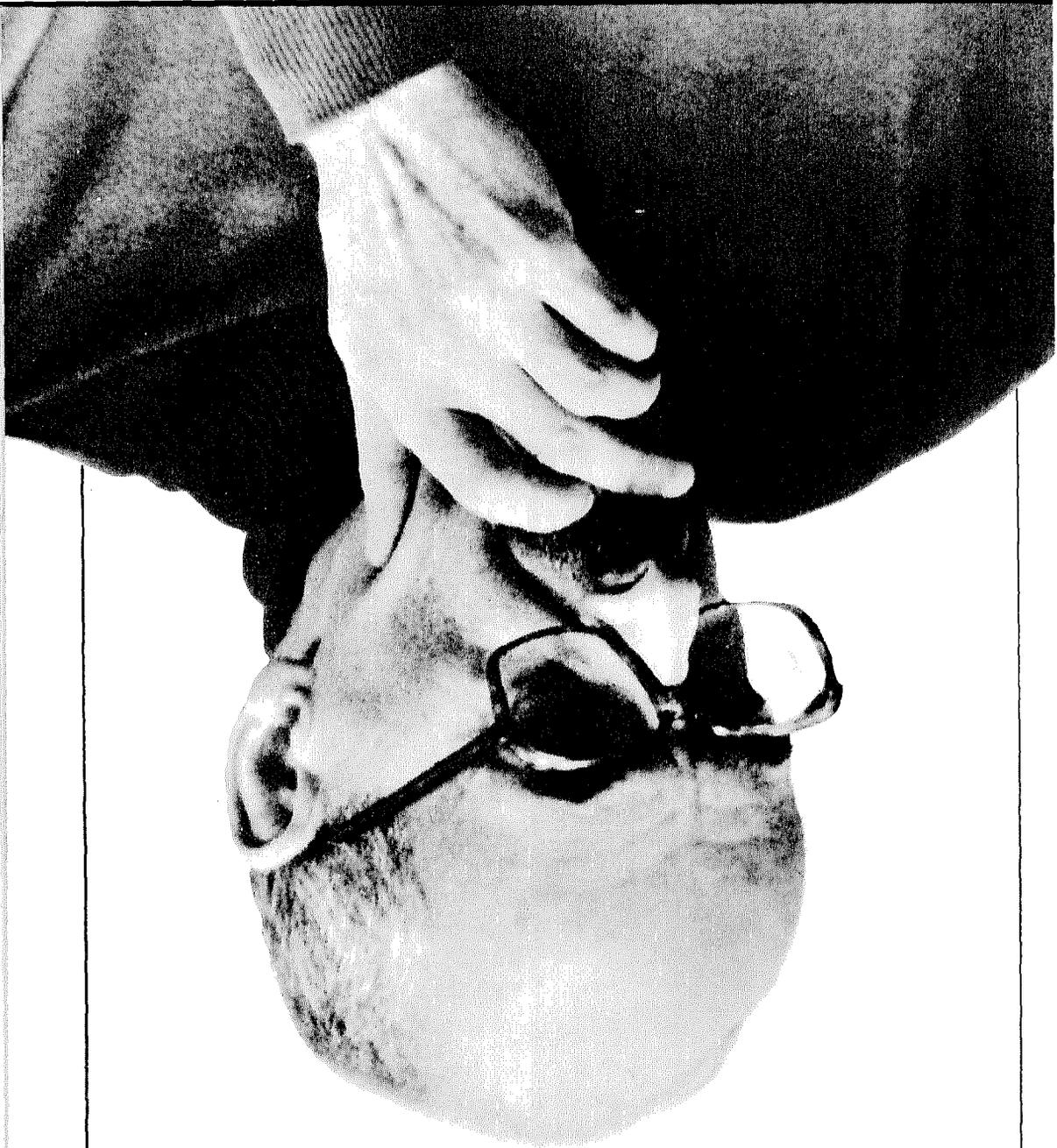
Ох, Арбат, мой Арбат...

Живописцы, окуните в краски...

ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ КОМПЛИМЕНТЫ

осмеемся и вместе по

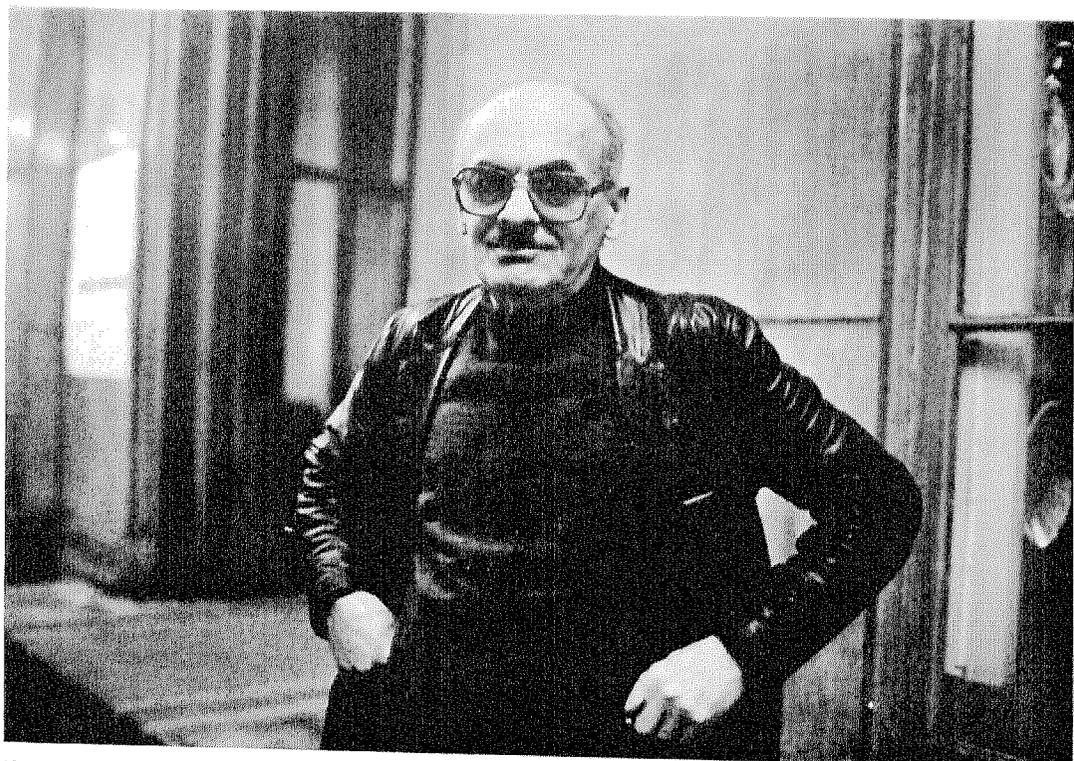
Вечер в саду на берегу реки
у памятника Кривошеину,
у березы, отражающей в воде,
на берегу реки, у памятника Кривошеину,
у березы, отражающей в воде - нежные и чужие.

С композитором И. Шварцем.
Фото Ю. Белинского.
70-е годы

Б. Окуджава в Центральном Доме литераторов.
1987 г. Фото И. Морат

С участниками телепередачи «Спор-клуб»,
1983 г. Фото Л. Зильберманца

С Константином Симоновым,
1975 г. Фото М. Пазия.

На съёмке фильма
«Современники». 1980 г.
Фото Г. Шакина

Выступают Т. и С. Никитины,
1975 г. Фото М. Пазия

АРБАТСКИЙ РОМАНС

Оле

Не спеша

Ар- бат-ско-го ро- ман- са ста- рин- но- е шить-

-ё, к про- гул- кам во- ди- но- чест- ве при- страсть-е;

из чаш- ки за- по- тев- шей счаст- ли- во- е пить-

- е и жен- щи- ны рас- се- ян- но- е «здрась- те...»

Не мучь- тесь по- на- прас- ну: о- на ко мне доб-

- ра. Лег- ко иль груст- но- век поч- ти что про- жит.

По- верь- те, э- та да- ма из мо- е- го реб-

- ра, и без ме- ня о- на у- же не

Арбатского романса старинное шитье,
к прогулкам в одиночестве пристрастье;
из чашки запотевшей счастливое питье
и женщины рассеянное «здрасьте...»

Не мучьтесь понапрасну: она ко мне добра.
Легко иль грустно — век почти что прожит.
Поверьте, эта дама из моего ребра,
и без меня она уже не может.

Любовь такая штука — в ней так легко пропасть,
зарыться, закружиться, затеряться...
Нам всем знакома эта губительная страсть,
поэтому не стоит повторяться.

арбатского романса старинное шитье,
к прогулкам в одиночестве пристрастье,
из чашки запотевшей счастливое питье,
и женщины рассеянное «здрасьте...»

Бывали дни такие — гулял я молодой,
глаза глядели в небо голубое.
Еще был неразменен мой первый золотой,
пылали розы, гордые собою.

Еще моя походка мне не была смешна,
еще подметки не поотрывались,
из каждого окошка, где музыка слышна,
какие мне удачи открывались!

Не мучьтесь понапрасну — всему своя пора.
Траву взрастите — к осени сомнется.
Вы начали прогулку с арбатского двора,
к нему-то всё, как видно, и вернется.

Была бы нам удача всегда из первых рук,
и как бы там ни холило, ни било,
в один прекрасный полдень оглянетесь вокруг,
а всё при вас целехонько как было:

Уроженец Арбата, я люблю это кажущееся столпотворение кривых переулочков, втекающих в эту улицу, эти дворы и их обитателей и легко отличимый арбатский выговор с едва заметной претензией на небрежность, и специфический аромат арбатской зимы, и совершенно особую стилистику строений. Изысканность, строгость, лень, хлебосоольство, доброжелательность и достоинство, но никогда высокомерие или чванство. Я уж не говорю об уюте — уют, сам собой сложившийся, врожденный, теплый.

Но та самая арбатская среда со своим неповторимым эстетическим климатом, благодаря чему Арбат и стал Арбатом, в последние годы, к сожалению, разрушается, и арбатский мир утрачивает свой облик...

ПЛАЧ ПО АРБАТУ

Ч. Амирэджиби

Неторопливо

mf % Hm

Я вы-се-лен с Ар-ба-та, ар-батский э-миг-рант. В Без-

-бож-ном пе-ре-ул-ке хи-ре-ет мой та-лант. Кру-гом чу-

-жи-е ли-ца, враж-деб-ные мес-та. Хоть са-у-на на-

-про-тив, да фа-у-на не та. Кру-гом чу-//та. Я

(Конец)

Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант.
В Безбожном переулке хиреет мой талант.
Кругом чужие лица, враждебные места.
Хоть сауна напротив, да фауна не та.

Я выселен с Арбата и прошлого лишен,
и лик мой чужеземцам не страшен, а смешон.
Я выдворен, затерян среди чужих судеб,
и горек мне мой сладкий, мой эмигрантский хлеб.

Без паспорта и визы, лишь с розою в руке
слоняюсь вдоль незримой границы на замке,
и в те, когда-то мною обжитые края,
всё всматриваюсь, всматриваюсь, всматриваюсь я.

Там те же тротуары, деревья и дворы,
но речи несердечны и холодны пиры.
Там так же полыхают густые краски зим,
но ходят оккупанты в мой зоомагазин.

Хозяйская походка, надменные уста...
Ах, флора там все та же, да фауна не та...
Я эмигрант с Арбата. Живу, свой крест неся...
Заледенела роза и облетела вся.

Возможно, я пристрастен, но мне кажется, что от живого Старого Арбата, с которым связано столько дорогого и памятного в истории Москвы, в жизни арбатских «соотечественников», и моей, осталась лишь пестрая декорация. Пусть внешне милая, но для меня — чужая. Поселиться здесь сейчас я бы не хотел — да и можно ли жить среди театрализованных фасадов?

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

Ученикам 33-й московской школы,
придумавшим слово арбатство

Неторопливо

The musical score is written in treble clef with a key signature of two sharps (F# and C#). It consists of eight staves of music. The lyrics are written below the notes, with hyphens indicating syllables that span across multiple notes. Chord symbols are placed above the staff lines. The piece concludes with a double bar line and the word 'За' followed by two parallel slashes.

Пус - кай мо - я лю - бовь, как мир, ста -
 - ра, - лишь ей од - ной слу - жил и до - ве -
 - рял - ся. Я - дво - ря - нин с ар - бат - ско - го дво -
 - ра, сво - им дво - ром вве - ден - ный во дво -
 - рян - ство. Я дво - ря - нин с ар -
 - бат - ско - го дво - ра, сво - им дво - ром вве -
 - ден - ный во дво - рян - ство.

(Конец)

Пускай моя любовь, как мир, стара,—
лишь ей одной служил и доверялся.
Я — дворянин с арбатского двора,
своим двором введенный во дворянство.

За праведность и преданность двору
пожалован я кровью голубою.
Когда его не станет, я умру,
пока он есть — я властен над судьбою.

Молва за гробом чище серебра
и вслед звучит музыкою прекрасной...
Но не спеши, фортуна, будь добра,
не выпускай моей руки несчастной.

Не плачь, Мария, радуйся, живи,
по-прежнему встречай гостей у входа.
Арбатство, растворенное в крови,
неистребимо, как сама природа.

Когда кирка, бульдозер и топор
сподобятся к Арбату подобраться
и правнуки забудут слово «двор» —
согрей нас всех и собери, арбатство.

ЕЩЕ ОДИН РОМАНС

Не спеша

Hm *mp*

В мо- ей ду- ше за- пе- чат- лен пор- трет од-

-ной пре- крас-ной да- мы. Е- ё гла- за

в и- ны- е дни об- ра- ще- ны.

Там хо- ро- шо, там лиш-них нет, и страх не

влас-тен над го- да- ми, и все дав- но

у- же друг дру- гом про- ще- ны.

Е- щё по- ку- да в честь не- ё вы- со- кий

хор зву- чит хва- леб- но, и му- зы- кан-ты все в па-

-рад-ных пид-жа-ках. Но с каждой но-той, бо-же

мой, и - на - я му-зы-ка це-леб-на, и ди-ри-

- жёр ло - ма - ет па-лоч-ку в ру-ках.

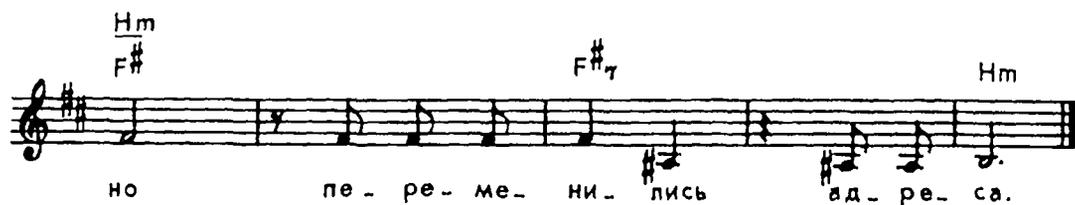
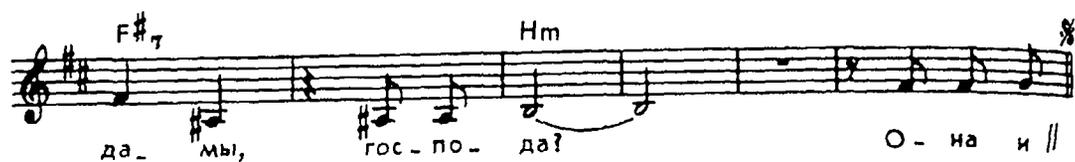
Не ос-корб-лю сво-ей судь-бы сле-зой по-

спеш-ной и на - прас-ной, но вот о чём

я со-кру-ша-юсь и - ног-да! ведь что мы

са-ми, гос-по-да, в срав-не-нье с да-мой той пре-

- крас-ной, и на-ша жизнь, и на-ши

В моей душе запечатлен портрет одной прекрасной дамы.
 Ее глаза в иные дни обращены.
 Там хорошо, там лишних нет, и страх не властен над годами,
 и все давно уже друг другом прощены.

Еще покуда в честь нее высокий хор звучит хвалебно,
 и музыканты все в парадных пиджаках.
 Но с каждой нотой, боже мой, иная музыка целебна,
 и дирижер ломает палочку в руках.

Не оскорблю своей судьбы слезой поспешной и напрасной,
 но вот о чем я сокрушаюсь иногда:
 ведь что мы сами, господа, в сравнение с дамой той прекрасной,
 и наша жизнь, и наши дамы, господа?

Она и нынче, может быть, ко мне, как прежде, благосклонна,
 и к ней за это благосклонны небеса.
 Она, конечно, пишет мне, но... постарели почтальоны,
 и все давно переменялись адреса.

« ВСЕМУ ВРЕМЕЧКО СВОЕ... »

Умеренно

Hm

Все - му вре.меч.ко сво - е: лить дождю, зем.ле вра -

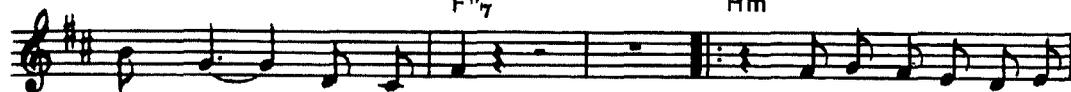
Em

- щать - ся, знать, где пер - во - е про - зрень е, где по -

F#7

Hm

- след - ня - я чер - та... На - ча - ла - ся вдруг вой.

D

- на - не ус - пе - ли по - про - щать - ся,

Em

F#7

Hm

ад - ре - са - ми об - ме - нять - ся не ус - пе - ли ни чер - та.

Всему времечко свое: лить дождю, земле вращаться,
знать, где первое прозренье, где последняя черта...
Началась вдруг война — не успели попроситься,
адресами обменяться не успели ни черта.

Где встречались мы потом? Где нам выпала прописка?
Где сходились наши души, воротясь с передовой?
На поверхности ль земли? Под пятой ли обелиска?
В гастрономе ли арбатском? В черной туче ль грозовой?

Всяк неправедный урок впрок затвержен и заучен,
ибо праведных уроков не бывает. Прах и тлен.
Руку на сердце кладя, разве был я невезучим?
А вот надо ж, сердце стынет в ожиданье перемен.

Гордых гимнов, видит бог, я не пел окопной каше.
От разлук не зарекаюсь и фортуны не клянущу...
Но на мягкое плечо, на вечернее, на ваше,
если вы не возражаете, я голову склоню.

Однажды мне принесли фотографию, где почти вся наша детская компания с арбатского двора. Тринадцать мальчиков и девочек. И куст сирени, который там рос. Сейчас его нет. А деревья остались, это мы их посадили. Все, кроме двух старых, которые были раньше. Из тех мальчиков сегодня почти никого в живых уже нет. Только один Сережа. Он прошел всю войну, был ранен, но выжил. А у этих девочек война отняла мужей, женихов, самих покалечила... И когда я писал: «Поплачьте, девочки мои, о том, что вспомнилось, не уходите со двора, нет счастья в этом...» — именно они были у меня перед глазами...

ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ТАНГО

Строго

mf Em

Сле - та - лись де - воч - ки в наш двор в ча - сы рас -

H7

- свет - ны - е, о - ни нас лас - кой о - кру - жа - ли

Em

и жуж - жа - ли. Мы бы - ли

§ D7 G

пер - вы - ми у них да и по - след - ни - ми,

Для повторения
H7

и мы под э - то их жужжа - ни - е му -

Em

Для продолжения
H7

- жа - ли. (Конец) Двор за - ка - //ди - те со дво - ра,

Em

§

нет счасть - я в э - том! По - плачь - те,

Слетались девочки в наш двор в часы рассветные,
они нас лаской окружали и жужжали.
Мы были первыми у них да и последними,
и мы под это их жужжание мужали.

Двор закачался, загудел, как хор под выстрелами,
какой-то Ленька Королев кричал нам что-то...
Любовь иль злоба наш удел? Падем ли, выстоим ли?
Мужайтесь, девочки мои! Прощай, пехота!

Примяли наши сапоги траву газонную,
всё завертелось по трубе по гарнизонной.
Благословили времена шинель казенную,
не вышла вечною любовь — а лишь сезонной.

Мне снятся ваши имена, не помню облика:
в какие платья мечталось вам облечься?
Я слышу ваши голоса, не слышу отклика,
но друг от друга нам уже нельзя отречься.

Я загадал лишь на войну — да не исполнилось.
Жизнь загадала навсегда — сошлось с ответом.
Поплачьте, девочки мои, о том, что вспомнилось:
не уходите со двора, нет счастья в этом!

« БЫСТРО МОЛОДОСТЬ ПРОХОДИТ... »

Подвижно

The musical score is written on a single treble clef staff with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. The tempo is marked 'Подвижно' (Allegretto). The score consists of eight lines of music. The first line starts with a C major chord and a piano (p) dynamic. The second line has C, Am, and G7 chords. The third line has C and Am chords. The fourth line has C, Am, and G7 chords. The fifth line has Dm and E7 chords. The sixth line has Am and a 'Припев' (Chorus) marking. The seventh line has C and a double bar line with a diamond symbol. The eighth line has G7 and a double bar line with a diamond symbol. The lyrics are: 'Быст-ро мо-ло-дость про-хо-дит, дни счаст-ли-вы-е кра-дёт. что на-зна-че-но при-ро-дой — о-бья-за-тель-но слу-чит-ся. То ли са-мо-е пре-крас-но-е, ну са-мо-е пре-крас-но-е во-кош-ко по-сту-чит-ся, то ли са-мо-е на-прас-но-е, ну са-мо-е на-прас-но-е в о-бья-ть-я у-па-дёт. Две жиз-ни про-жить не да-но, два счаст-ья-за-те-я пус-та-я, из двух вы-па-да-ет од-но, та-'.

Быст-ро мо-ло-дость про-хо-дит, дни счаст-ли-вы-е кра-
 дёт. что на-зна-че-но при-ро-дой — о-бья-за-тель-но слу-
 чит-ся. То ли са-мо-е пре-крас-но-е, ну
 са-мо-е пре-крас-но-е во-кош-ко по-сту-
 чит-ся, то ли са-мо-е на-прас-но-е, ну
 са-мо-е на-прас-но-е в о-бья-ть-я у-па-дёт. Две
 жиз-ни про-жить не да-но, два счаст-ья-за-те-я пус-
 та-я, из двух вы-па-да-ет од-но, та-

Музыкальная партитура с нотами и русскими текстами. Песня начинается с ноты Cm (C minor) и продолжается с G7 (G dominant 7th). В конце песни используются ноты Cm, C (C major) и C#F (C# minor / F major).

- ка - я уж прав - да прост - а - я. Ко - му проиг - ра - ет тру -
 - ба про - щаль - ны - е вне - бо мо - ти - вы, ко -
 - му у - лыб - нет - ся судь - ба, и он у - лыб - нет - ся, счаст -
 - ли - вый. Ах, не делай - те за - // - но...

Быстро молодость проходит, дни счастливые крадет.
 Что назначено природой — обязательно случится.
 То ли самое прекрасное, ну самое прекрасное в окошко постучится.
 То ли самое напрасное, ну самое напрасное в объятия упадет.

Припев: Две жизни прожить не дано,
 Два счастья — затея пустая,
 из двух выпадает одно,
 такая уж правда простая.
 Кому проиграет труба
 прощальные в небо мотивы,
 Кому улыбнется судьба,
 и он улыбнется, счастливый.

Ах, не делайте запаса из любви и доброты,
 и про черный день грядущий не копите милосердия.
 Пропадет ни за понюшку, пропадет ни за понюшку ваше горькое усердие,
 лягут новые морщины, лягут новые морщины от напрасной суеты.

Припев

Жаль, что молодость пропала, жаль, что старость коротка.
 Всё теперь уж на ладони, лоб в поту, душа в ушибах.
 Но зато уже не будет ни загадок, ни ошибок,
 Только ровная дорога, только ровная дорога до последнего звонка.

Две жизни прожить не дано...

СЧАСТЛИВЫЙ ЖРЕБИЙ

Неторопливо

The musical score is written on a single treble clef staff in G major (one sharp) and 4/4 time. It begins with a piano (p) dynamic and a mezzo-forte (mf) dynamic. The tempo is marked 'Неторопливо' (Moderato). The score consists of five lines of music with lyrics underneath. Chord symbols are placed above the notes: F#7, Hm, H7, Em, Hm, D, F#7, C#, Hm, H7, Em, Hm, F#7, Hm. The lyrics are: 'После дождичка небеса просторны, голубей вода, зеленее медь. В городском саду флейты да валторны, капельмейстеру хочется взлететь. В городском саду флейты да валторны, капельмейстеру хочется взлететь. (Конец) Ах, как!' The piece ends with a double bar line and a fermata over the final notes.

После дождичка небеса просторны, голубей вода, зеленее медь. В городском саду флейты да валторны, капельмейстеру хочется взлететь. В городском саду флейты да валторны, капельмейстеру хочется взлететь. (Конец) Ах, как!

После дождичка небеса просторны,
голубей вода, зеленее медь.
В городском саду флейты да валторны,
капельмейстеру хочется взлететь.

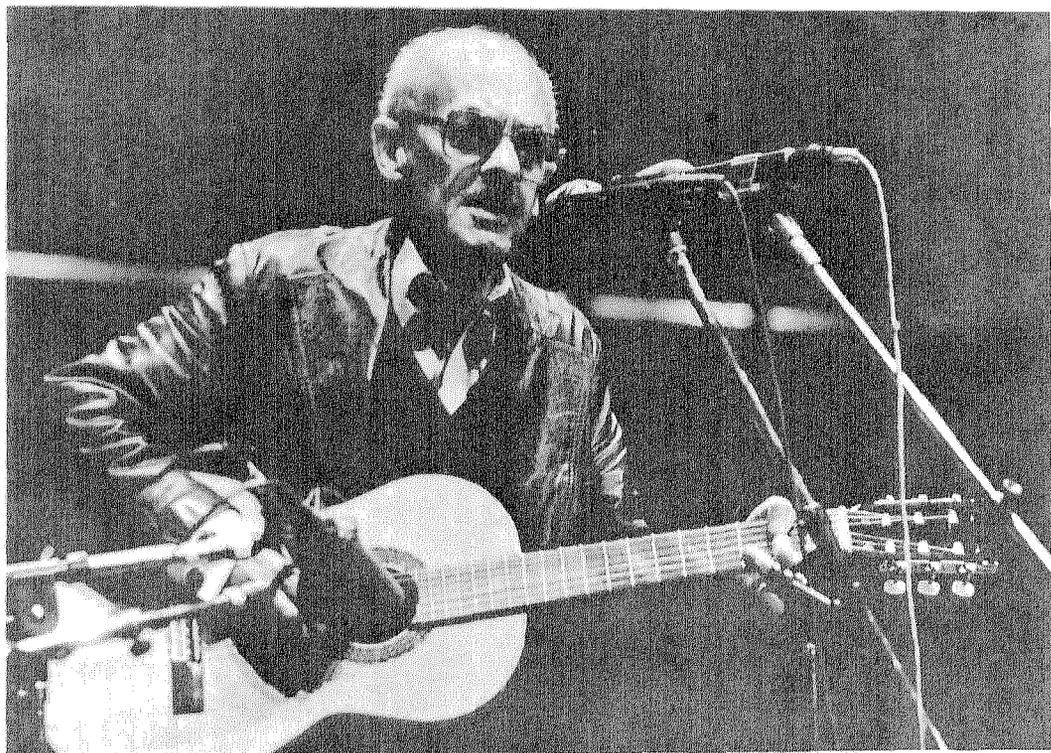
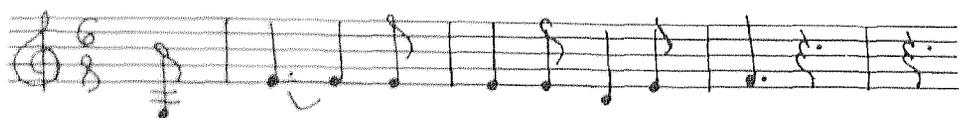
Ах, как помнятся прежние оркестры,
не военные, а из мирных лет.
Расплескалася в улочках окрестных
та мелодия, а поющих нет.

С нами женщины — все они красивы,
и черемуха — вся она в цвету.
Может, жребий нам выпадет счастливый:
снова встретимся в городском саду.

Но из прошлого, из бывлой печали,
как ни сетую, как там ни молю,
проливается черными ручьями
эта музыка прямо в кровь мою.

Трудно оценивать самому свою работу. Но мне кажется, что в последних стихах проявилось какое-то новое качество, и это меня радует, всегда ведь топчешься в преддверии чего-то замечательного...

Из глубины ушедших лет
ещё вернее, чем когда-то,
чем громче музыка побед,
чем горячее каждая минута,
ещё вернее, чем когда-то,
из глубины ушедших лет.

1985 г.

Городок Вилково. 1960 г.
Фото Л. Шилова

ВИЛКОВСКАЯ ФАНТАЗИЯ

7 поз
Как бы мне сейчас хотелось в Вилкове вдруг очутиться!
Там - каналы, там - гондолы, гондольеры.
Очутиться, ~~и~~ забыть, от печалей отшутиться:
ими жизнь моя отравлена без меры.

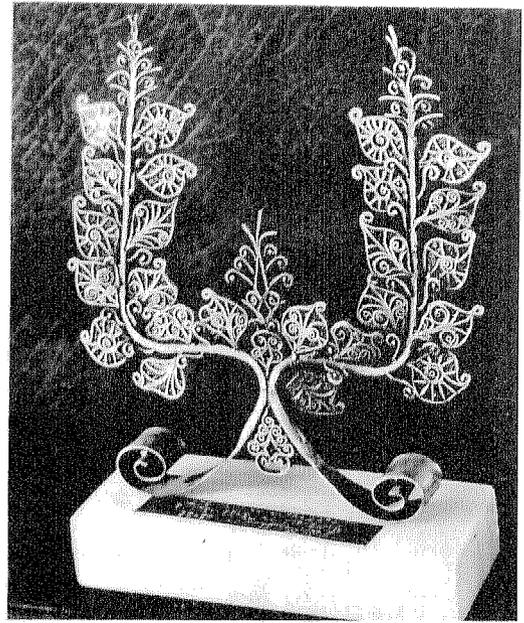
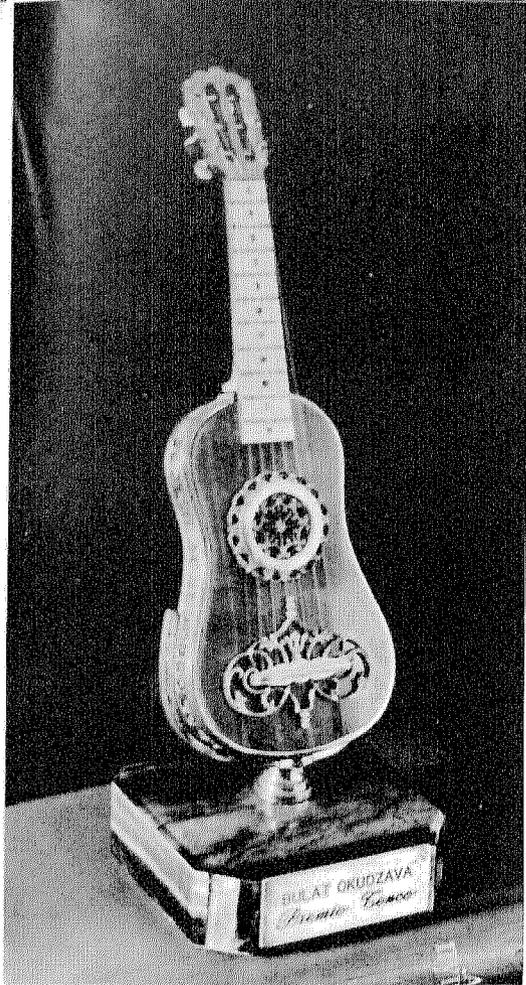
Там у пристани танцуют жок, а может быть сиртаки:
сыновей своих в солдаты провожают.
Всё надеются: сгодятся для победы, для атаки,
а не хватит - значит, новых нарожают.

на
H
Там побеленные стены, а фундаменты цветные,
и по стенам плющ клубится для оправы.
И лежат ~~и~~ солнцепёке безопасные, цепные,
показные, удалые волкодавы.

Там опять для нас с тобой дебаркадер домом служит.
Мы гуляем вдоль Дуная, рыбу удим.
И объедать наши жарки, и над нами ангел кружит
и клянётся нам, что счастливы мы будем.

Как бы мне сейчас хотелось очутиться в том вчерашнем,
быть любимым и не думать о спасенье,
пить вино из чёрных кружек, хлебом заедать домашним,
чтоб смеялась ты и плакала со всеми.

Как бы мне сейчас хотелось жизнь свою начать сначала -
и тем ребятам уходящим приобщиться.
И с тобой так расстаться у дунайского причала,
чтоб была ещё надежда воротиться.

Приз «Золотой венец»
фестиваля «Стружские вечера», 1967 г.

Приз «Золотая гитара»,
Сан-Ремо, 1985 г.

1977

« ВСЁ ГЛУШЕ МУЗЫКА ДУШИ... »

Умеренно

mp C G7

Всё глу- ше му- зы- ка ду- ши, всё

C Am

звон- че му- зы- ка а- та- ки. Но ты об

H7 E7 1.2.

э том не спе- ши: не об- ма- нуть- ся бы

Am E7 3.4.

во мра- ке, // тем гор- ше

Am F

каж- да- я у- тра- та. // что звон- че му- зы-

Dm Для повторения Am E E7

- ка а- та- ки, что глу- ше му- зы- ка ду-

Am G7 Для окончания Am E E7 Am

ши. Чем // вы- ше му- зы- ка люб- ви.

Всё глуше музыка души,
 всё звонче музыка атаки.
 Но ты об этом не спеши:
 не обмануться бы во мраке,
 что звонче музыка атаки,
 что глуше музыка души.

Чем громче музыка атак,
 тем слаще мед огней домашних,
 и это было только так
 в моих скитаниях вчерашних:
 тем слаще мед огней домашних,
 чем громче музыка атак.

Из глубины ушедших лет
 еще вернее, чем когда-то —
 чем громче музыка побед,
 тем горше каждая утрата,
 еще вернее, чем когда-то,
 из глубины ушедших лет.

И это всё у нас в крови,
 хоть этому не обучали:
 чем чище музыка любви,
 тем громче музыка печали,
 чем громче музыка печали,
 тем выше музыка любви.

Я очень люблю эту личность (музыканта). Люблю слова: «музыка», «музыкант», «струна». Музыку я считаю важнейшим из искусств, даже выше, чем искусство слова.

«АНТОН ПАЛЫЧ ЧЕХОВ ОДНАЖДЫ ЗАМЕТИЛ...»

Из кинофильма «Из жизни начальника уголовного розыска»

Свободно

$\%$

mp D

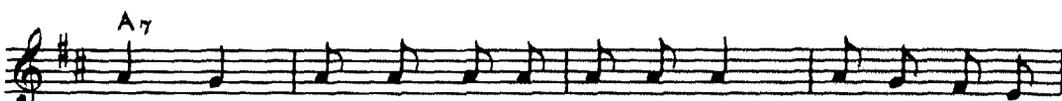
Ан - тон Па - лыч Че - хов од - наж - ды за -

- ме - тил, что ум - ный лю - бит у - чить - ся, а ду - рак у -

- чить. Сколь - ких ду - ра - ков в сво - ей жиз - ни я

встре - тил, мне дав - но по - ра у - же ор - ден по - лу -

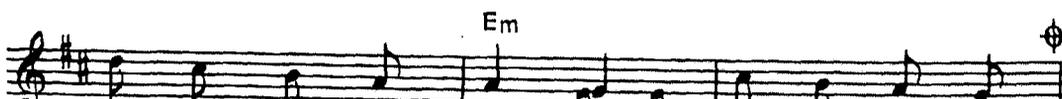
- чить. Ду - ра - ки // все! Ах, дет - ски - е сны мо - и,

ка - ка - я о - шиб - ка, в ка - ких. об - ла - ках я по

глу - пос - ти ви - тал! У при - ро - ды на ус - тах ко -

- вар - на - я у - лыб - ка, ви - ди - мо, че -

- го - то я не рас - счи - тал. А //

- да - ни - будь к сред - не - му при - дём? Но,

мо - жет быть, ког - да - ни - будь к сред - не - му при - дём?

Антон Палыч Чехов однажды заметил,
 что умный любит учиться, а дурак учить.
 Скольких дураков в своей жизни я встретил,
 мне давно пора уже орден получить.

Дураки обожают собираться в стаю,
 впереди главный — во всей красе.
 В детстве я думал, что однажды встану,
 а дураков нету — улетели все!

Ах, детские сны мои, какая ошибка,
 в каких облаках я по глупости витал!
 У природы на устах коварная улыбка,
 видимо, чего-то я не рассчитал.

А умный в одиночестве гуляет кругами,
 он ценит одиночество превыше всего.
 И его так просто взять голыми руками,
 скоро их повыловят всех до одного.

Когда ж их всех повыловят, настанет эпоха,
 которую не выдумать и не описать.
 С умным — хлопотно, с дураком — плохо.
 Нужно что-то среднее, да где ж его взять?

Дураком быть выгодно, да очень не хочется.
 Умным очень хочется, да кончится битьем...
 У природы на устах коварные пророчества,
 Но может быть, когда-нибудь к среднему придем?

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Умеренно

Рим - ска - я им - пе - ри - я вре - ме - ни у -
- пад - ка со - хра - ня - ла ви - ди - мость твер - до - го по -
- ряд - ка: Це - зарь был на мес - те, со - рат - ни - ки
ря - дом, жизнь бы - ла пре - крас - на, су - дя по до -
- кла - дам. А кри - ти - ки ска - жут, что сло - во «со - рат - нику» не
рим - ска - я де - таль, что э - та о - шиб - ка всю
пе - сен - ку смыс - ла ли - ша - ет...
Мо - жет быть, мо - жет быть, мо - жет, и не рим - ска - я - не

Chords: C, G7, Dm, E7, Am, A7

жаль, мне э- то сов-сем не ме-ша-ет, а

да- же ме-ня воз-вы-ша-ет.

(Конец)

Римская империя времени упадка
 сохраняла видимость твердого порядка:
 Цезарь был на месте, соратники рядом,
 жизнь была прекрасна, судя по докладам.

А критики скажут, что слово «соратник» — не римская деталь,
 что эта ошибка всю песенку смысла лишает...

Может быть, может быть, может и не римская — не жаль,
 мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.

Римляне империи времени упадка
 ели что придется, напивались гадко,
 а с похмелья каждый на рассол был падок —
 видимо, не знали, что у них упадок.

А критики скажут, что слово «рассол», мол, не римская деталь,
 что эта ошибка всю песенку смысла лишает...

Может быть, может быть, может и не римская — не жаль,
 мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.

Юношам империи времени упадка
 снились постоянно то скатка, то схватка:
 то они — в атаке, то они — в окопе,
 то вдруг — на Памире, а то вдруг — в Европе.

А критики скажут, что «скатка», представьте, не римская деталь,
 что эта ошибка, представьте, всю песенку смысла лишает...

Может быть, может быть, может и не римская — не жаль,
 мне это совсем не мешает, а даже меня возвышает.

Римлянкам империи времени упадка,
 только им, красавицам, доставалось сладко —
 все пути открыты перед ихним взором:
 хочешь — на работу, а хочешь — на форум.

А критики хором: «Ах, «форум», ах, «форум» — вот римская детали!
 Одно лишь словечко — а песенку как украшает!

Может быть, может быть, может и римская — а жаль...
 Мне это немного мешает и замысел мой разрушает.

МУЗЫКАНТ

И. Шварцу

Сдержанно

Му-зы-кант иг-рал на скрип-ке - я в гла-за е-

-му гля-дел. Я не то чтоб лю-бо-пыт-ство-вал-я по не-

-бу ле-тел. Я не то что-бы от ску-ки -

я на-де-ял-ся по-нять, как у-ме-ют э-ти

ру-ки э-ти зву-ки из-вле-кать из ка-кой-то де-ре-

-вяш-ки, из ка-ких-то гру-бых жил, из ка-кой-то там фан-

-та-зи-и, ко-то-рой он слу-жил? Да е-ще ведь на-до

в ду-шу к нам про-ник-нуть и за-жечь. А че-го с ней це-ре-

Em F#7

Для повторения Нm Для окончания Нm

- мо - нить - ся, че - го е - е бе - речь... // на.

G Em F#7 Нm

Спра - вед - ли - вей, ми - ло - серд - не - е, и пра - вед - ней о - на.

Музыкант играл на скрипке — я в глаза ему глядел.
 Я не то чтоб любопытствовал — я по небу летел.
 Я не то чтобы от скуки — я надеялся понять,
 как умеют эти руки эти звуки извлекать
 из какой-то деревяшки, из каких-то грубых жил,
 из какой-то там фантазии, которой он служил?
 Да еще ведь надо в душу к нам проникнуть и зажечь...
 А чего с ней церемониться? Чего ее беречь?

Счастлив дом, где звуки скрипки наставляют нас на путь
 и вселяют в нас надежды... Остальное как-нибудь.
 Счастлив инструмент, прижатый к угловатому плечу,
 по чьему благословию я по небу лечу.
 Счастлив он, чей путь недолог, пальцы злы, смычок остер,
 музыкант, соорудивший из души моей костер.
 А душа, уж это точно, ежели обожжена,
 справедливей, милосерднее и праведней она.

ПИРАТСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Из кинофильма «Из жизни начальника уголовного розыска»

Подвижно

Л. Филатову

В ночь пе - ред бу - ре - ю на мач - тах

го - рят свя - то - го Эль - ма свеч - ки,

о - то - гре - ва - ют на - ши ду - ши

за все ми - нув - ши - е го - да. Ког - да во - ро - тим - ся мы

в Порт - ленд, мы бу - дем кротки, как о - веч - ки.

Да толь - ко в Порт - ленд во - ро - тить - ся

нам не при - дет - ся ни - ког - да. Ког - да во - ро - тим - ся мы//

2.

ни дай нам, бо- же, ни - ког - да.

В ночь перед бурею на мачтах горят святого Эльма свечи,
отогревают наши души за все минувшие года.
Когда воротимся мы в Портленд, мы будем кротки, как овечки.
Да только в Портленд воротиться нам не придется никогда.

Что ж, если в Портленд нет возврата, пускай несет нас черный парус,
пусть будет крепок ром ямайский, всё остальное — ерунда.
Когда воротимся мы в Портленд, ей-богу, я во всем покаюсь.
Да только в Портленд воротиться нам не придется никогда.

Что ж, если в Портленд нет возврата, пускай купец помрет со страху.
Ни Бог, ни дьявол не помогут ему спасти свои суда.
Когда воротимся мы в Портленд, клянусь — я сам взбегу на плаху,
Да только в Портленд воротиться нам не придется никогда.

Что ж, если в Портленд нет возврата, поделим золото, как братья,
поскольку денежки чужие не достаются без труда.
Когда воротимся мы в Портленд, нас примет родина в объятья,
да только в Портленд воротиться не дай нам, Боже, никогда.

МОЙ ПОЧТАЛЬОН

В ритме вальса

Всяк поч-таль-он в э-том ми-ре, что об-ще-из-вест-но,
 кор-рес-пон-ден-ци-ю но-сит и в две-ри сту-
 -чит. Мой поч-таль он из дру-го-го ка-ко-го-то
 тес-та: пи-сем ко мне не при-
 -но-сит, а толь-ко мол-чит.

Всяк почтальон в этом мире, что общеизвестно,
 корреспонденцию носит и в двери стучит.
 Мой почтальон из другого какого-то теста:
 писем ко мне не приносит, а только молчит.

Толчется в темной прихожей в молчании строгом,
 круг оттоптал на пороге у самых дверей,
 радостный день и объятия — там, за порогом,
 горестный мрак и утрата в пещере моей.

Мой почтальон презирает меня и боится,
 жаждет скорей от меня отбойриться, плут.
 Там, за порогом, мелькают счастливые лица,
 там ни о чем не жалеют и писем не ждут.

Вот наконец, изгибаясь и кланяясь, что ли,
 будто спасаясь, спешит по обратной тропе.
 Как он вздыхает легко, оказавшись на воле,
 как ни о чем не жалеет, теряясь в толпе!..

« В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПОДАРОК... »

Умеренно

The musical score is written in G major, 2/4 time, and consists of six staves of music. The lyrics are written below the notes. Chord symbols are placed above the staff: C, G7, C, Am, Dm, Am/E, E7, Am, G7, Am, and Am with a double bar line and a circle symbol.

В день рож-де-ни-я по-да-рок пре-под-
 -нёс я сам се-бе. Син по-том возь-
 -мёт, о-звучит и сыг-ра-ет на тру-бе.
 Со-чи-ни-лось как-то так, са-мо со-
 -бо-ю, что-то сред-не-е меж пе-сней и судь-
 -бо-ю. // рять-ся. Нам не // рять-ся.

В день рождения подарок преподнес я сам себе.
 Сын потом возьмет, озвучит и сыграет на трубе.
 Сочинилось как-то так, само собою
 что-то среднее меж песней и судьбою.

Я сижу перед камином, нарисованным в углу,
 старый пудель растянулся под ногами на полу.
 Пусть труба, сынок, мелодию сыграет...
 Что из сердца вышло — быстро не сгорает.

Мы плывем ночной Москвою между небом и землей.
 Кто-то балуется рядом черным пеплом и золой.
 Лишь бы только в суете не заигрался...
 Или — зря нам этот век, сынок, достался?

Что ж, играй, мой сын кудрявый, ту мелодию в ночи,
 пусть ее подхватят следом и другие трубачи —
 нам не стоит этой темени бояться,
 но счастливыми не будем притворяться.

ВИЛКОВСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Оле

Умеренно

mp ^A Hm

Как бы мне сей-час хо-те-лось в Вил-ко-ве вдруг

^{E7}

о-чу-тить-ся! Там-ка-на-лы, там-гон-до-лы, гон-доль-

^A

-е-ры. О-чу-тить-ся, по-за-быть-ся, от пе-

^{F#m} ^D

-ча-лей от-шу-тить-ся: и-ми жизнь мо-я от-

^{Hm} ^{C#7} *mp* ^A

-рав-ле-на без ме-ры. Там на при-ста-

^{Hm}

-ни тан-цу-ют жок, а мо-жет быть, сир-та-ки,

^{E7} ^A

сы-но-вей сво-их в сол-да-ты про-во-жа-ют,

всё на-де-ют-ся: сго-дят-ся для по-

-бе- ды, для а- та- ки, а не хва-тит — зна- чит,

но- вых на- ро- жа- ют. //..тить-ся.

Для повторения F#m E7

Для окончания F#m

Как бы мне сейчас хотелось в Вилкове вдруг очутиться!
 Там — каналы, там — гондолы, гондольеры.
 Очутиться, позабыться, от печалей отщутиться:
 ими жизнь моя отравлена без меры.

Там на пристани танцуют жок, а может быть, сиртаки,
 сыновей своих в солдаты провожают,
 всё надеются: сгодятся для победы, для атаки,
 а не хватит — значит, новых нарожают.

Там побеленные стены и фундаменты цветные,
 и по стенам плющ клубится для забавы,
 и лежат на солнцепеке безопасные, цепные,
 показательные пожилые волкодавы.

Там опять для нас с тобою дебаркадер домом служит.
 Мы гуляем вдоль Дуная, рыбу удим.
 И объятья наши жарки, и над нами ангел кружит
 и клянется нам, что счастливы мы будем.

Как бы мне сейчас хотелось очутиться в том вчерашнем,
 быть влюбленным и не думать о спасенье,
 пить вино из черных кружек, хлебом заедать домашним,
 чтоб смеялась ты и плакала со всеми.

Как бы мне сейчас хотелось очутиться у начала,
 и к душе твоей далекой приобщиться.
 И с тобою так расстаться у дунайского причала,
 чтоб была еще надежда воротиться.

ПАРИЖСКИЕ ФАНТАЗИИ

Т. Кулымановой

Не спеша

Am
mf

у па- риж-ско-го спа-ни-е-ля лик фран-

-цуз-ско-го ко-ро-ля, не по-

-гиб-ше-го на э-ша-фо-те, а дос-тиг-ше-го

сла-вы и ле-ни: на-бо-чок па-ри-чок ры-же-

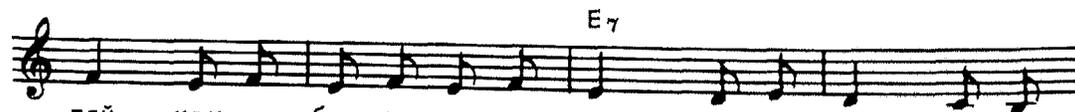
-ва-тый, ми-ло-сер-ди-е в каж-дом дви-жень-е, а в гла-

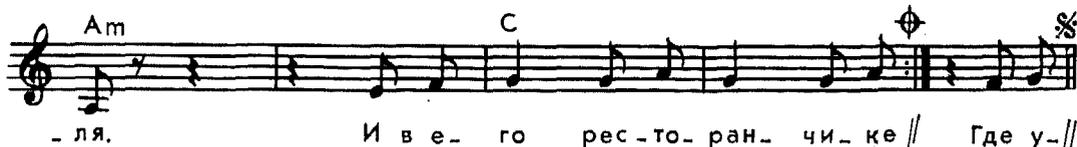
-зах, го-лу-бых и счаст-ли-вых, от-ра-жа-ют-ся

жизнь и зем-ля. (Конец) На буль-ва-ре Рас-

-пай, как о-быч-но, гос-по-дин До-ми-ник у ру-

У парижского спаниеля лик французского короля,
не погибшего на эшафоте, а достигшего славы и лени:
набочок паричок рыжеватый, милосердие в каждом движении,
а в глазах, голубых и счастливых, отражаются жизнь и земля.

На бульваре Распай, как обычно, господин Доминик у руля.
И в его ресторанчике тесном заправляют полдневные тени,
петербургскою ветхой салфеткой прикрывая от пятен колени,
розу красную в лацкан вонзая, скатерть белую с хрустом стеля.

Эту землю с отливом зеленым между нами по горсти деля,
как стараются неутомимо Бог, Природа, Судьба, Провиденье,
короли, спаниели и розы, и питейные все заведения,
сколько мудрости в этом законе! Но и грусти порой... voilà.

Если есть еще позднее слово, пусть замолвят его обо мне.
Я прошу не о вечном блаженстве, о минуте возвышенной пробы,
где уместны, конечно, утраты и отчаянье даже, но чтобы
милосердие в каждом движении и красавица в каждом окне.

ПРИМЕТА

А. Жигулину

Неторопливо

Если ворон в вышине —
дело, стало быть, к войне,
если дать ему кружить,
если дать ему кружить —
значит, всем на фронт иттить.

Чтобы не было войны —
надо ворона убить,
чтобы ворона убить,
чтобы ворона убить —
надо ружья зарядить.

А как станем заряжать —
всем захочется стрелять,
а уж как стрельба пойдет,
а уж как стрельба пойдет —
пуля дырочку найдет.

Ей не жалко никого,
ей попасть бы хоть в кого —
хоть в чужого, хоть в своего —
лишь бы всех до одного.
Во — и боле ничего!

Во — и боле ничего,
во — и боле никого,
во — и боле никого,
кроме ворона того —
стрельнуть некому в него.

« ПЕСЕНКА, КОРОТКАЯ, КАК ЖИЗНЬ САМА... »

Подвижно

Am
tr

Пе-сен-ка, ко-рот-ка-я, как жизнь са-ма, где-то в доро-ге у-

Dm

слы-шан-на-я, у не-ё прон-зи-тель-ны-е сло-ва,

Am
E

у не-ё прон-зи-тель-ны-е сло-ва, у не-ё прон-зи-тель-ны-

Для повторения

-е сло-ва, а ме-ло-ди-я-поч-ти что воз-

Am

Для окончания

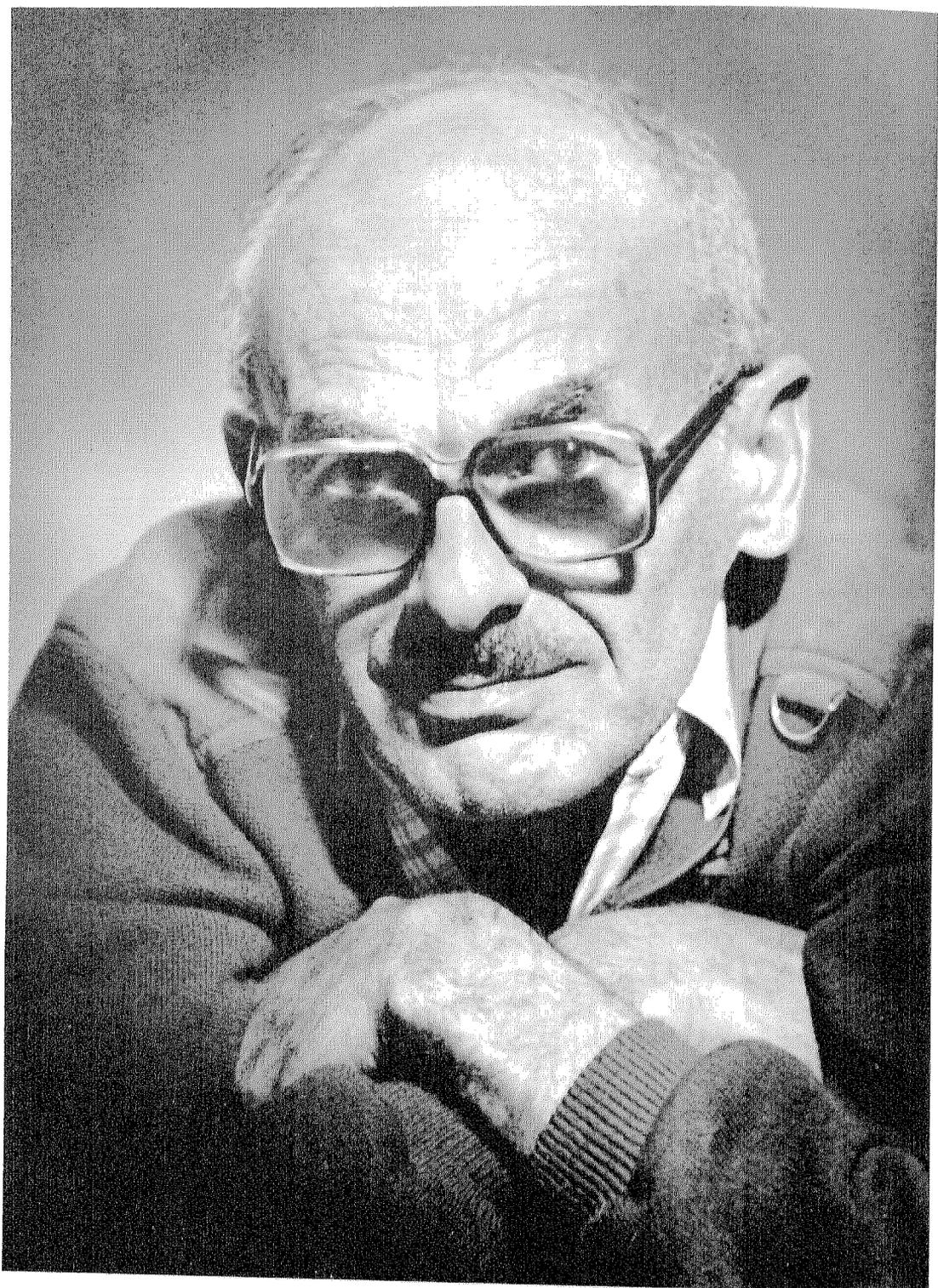
-вы-шен-на-я. //- ло-ди-я-поч-ти что воз-вы-шен-на-я.

Песенка, короткая, как жизнь сама,
где-то в дороге услышанная,
у нее пронзительные слова,
у нее пронзительные слова,
у нее пронзительные слова,
а мелодия — почти что возвышенная.

От двери к дверям, из окна в окно,
вслед за тобой она тянется.
Всё пройдет, чему суждено,
всё пройдет, чему суждено,
всё пройдет, чему суждено,
только она останется.

Она возникает с рассветом вдруг,
медлить и лгать не обученная,
она, как надежда из первых рук,
она, как надежда из первых рук,
она, как надежда из первых рук
в дар от природы полученная.

Песенка, короткая, как жизнь сама,
где-то в дороге услышанная,
у нее пронзительные слова,
у нее пронзительные слова,
у нее пронзительные слова,
а мелодия — почти что возвышенная.

У поэта сонетника небы
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кучиний всему свету,
это он не о вас — о себе.

Руки тонкие к небу возносятся,
жизнь и слава по камне гудят.
Добьются, пренебрежимо просит...
Это он не за вас — за себя.

Но когда достигают предела,
и душа отлетает во штырь —
поле пройдено, сделано дело...
Вам решать: для чего и кому.

Шоги мед, то ли горькая гаша,
то ли адекий обиль, то ли храм...
Всё, что было его — книне ваше.
Всё для вас. Посвящается вам.

Окужина

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕРВЫХ СТРОК

<i>А как первая любовь — она сердце жжет</i>	111
<i>А что я сказал медсестре Марии</i>	42
<i>Антон Палыч Чехов однажды заметил</i>	202
<i>Арбатского романа старинное шитье</i>	183
<i>Ах, война, что ж ты сделала, подлая</i>	43
<i>Ах, какие удивительные ночи</i>	28
<i>Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем</i>	112
<i>Быстро молодость проходит</i>	194
<i>В Барабанном переулке барабанистики живут</i>	128
<i>В день рождения подарок преподнес я сам себе</i>	211
<i>В нашем доме, в нашем доме, в нашем доме</i>	57
<i>В моей душе запечатлен портрет одной прекрасной дамы</i>	188
<i>В ночь перед бурей на мачтах</i>	208
<i>В поход на чужую страну собирался король</i>	62
<i>В склянке темного стекла</i>	148
<i>Виноградную косточку в теплую землю зарю</i>	132
<i>Витя, сыграй на гитаре</i>	175
<i>Во дворе, где каждый вечер всё играла радиола</i>	40
<i>Возьму шинель, и вещмешок, и каску</i>	61
<i>Вот так и ведется на нашем веку</i>	53
<i>Время идет, хоть шути — не шути</i>	174
<i>Всё глуше музыка души</i>	200
<i>Всему времечко свое: лить дождю, земле вращаться</i>	191
<i>Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше</i>	26
<i>Всю ночь кричали петухи</i>	60
<i>Всяк почтальон в этом мире, что общеизвестно</i>	210
<i>Вы слышите, грохочут сапоги</i>	38
<i>Глаза, словно неба осеннего свод</i>	86
<i>Господин лейтенант, что это вы хмуры</i>	154
<i>Грозной битвы пылают пожары</i>	157
<i>Давайте восклицать, друг другом восхищаться</i>	116
<i>Девочка плачет, шарик улетел</i>	31
<i>Если ворон в вышине</i>	216
<i>Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье</i>	54
<i>Живописцы, окуните ваши кисти</i>	99
<i>За что ж вы Ваньку-то Морозова</i>	52
<i>Забудешь первый праздник и позднюю утрату</i>	134
<i>Заезжий музыкант целуется с трубою</i>	119
<i>Здесь птицы не поют</i>	162
<i>И когда под вечер над тобою</i>	89
<i>И когда удивительно близко</i>	90
<i>Из окон корочкой несет поджаристой</i>	50
<i>Идут дожди, и лето тает</i>	117
<i>Как бы мне сейчас хотелось</i>	212
<i>Как наш двор ни обижали, он в классической поре</i>	170
<i>Каких присяг я ни давал</i>	97
<i>Когда внезапно возникает еще неясный голос труб</i>	136
<i>Когда метель кричит, как зверь</i>	127
<i>Когда мне невмочь пересилить беду</i>	23
<i>Лежать бы гусаку в жаровне на боку</i>	58
<i>Мне нужно на кого-нибудь молиться</i>	82
<i>Мой конь притомился, стоптались мои бабшмаки</i>	96
<i>Моцарт на старенькой скрипке играет</i>	140

<i>Музыкант в лесу под деревом наигрывает вальс</i>	110
<i>Музыкант играл на скрипке, я в глаза ему глядел</i>	208
<i>Мы связаны, поляки, давно одной судьбою</i>	135
<i>На фоне Пушкина снимается семейство</i>	114
<i>Наверное, самую лучшую</i>	14
<i>На арбатском дворе и веселье и смех</i>	107
<i>Над нашими домами разносится набат</i>	164
<i>Надежда, я вернусь тогда, когда трубаач отбой сыграет</i>	74
<i>Наша жизнь — не игра</i>	147
<i>Неистов и упрям</i>	21
<i>Не бродяги, не пропойцы</i>	88
<i>Не верь войне, мальчишка</i>	37
<i>Не клонись-ка ты, головушка</i>	76
<i>Не тридцать лет, а триста лет иду, представьте вы</i>	27
<i>Непокорная голубая волна</i>	29
<i>Ну, чем тебе погрязнуть, мой кузнечик</i>	172
<i>О Володе Высоцком я песню придумать решил</i>	169
<i>О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой</i>	71
<i>Один год ты на свете жил</i>	30
<i>Он наконец явился в дом</i>	84
<i>Опустите, пожалуйста, синие шторы</i>	81
<i>Отшумели песни нашего полка</i>	150
<i>Песенка, короткая как жизнь сама</i>	217
<i>По Смоленской дороге</i>	92
<i>Пока Земля еще вертится, пока еще ярок свет</i>	100
<i>Поднявший меч на наш союз</i>	138
<i>После дождичка небеса просторны</i>	200
<i>Простите пехоте</i>	45
<i>Пускай моя любовь, как мир, стара</i>	186
<i>Римская империя времени упадка</i>	204
<i>Совесьть, Благородство и Достоинство</i>	177
<i>Солнышко сияет, музыка играет</i>	155
<i>Синяя крона, малиновый ствол</i>	108
<i>Со двора подъезд известный</i>	56
<i>Слетались девочки в наш двор</i>	192
<i>Среди житейского тумана</i>	156
<i>Сумерки. Природа. Флейты голос нервный</i>	152
<i>Тьмою здесь всё занавешено</i>	80
<i>Ты течешь, как река</i>	22
<i>У парижского спаниеля лик французского короля</i>	214
<i>Часовые любви</i>	24
<i>Что ж вы дремлете, ребята</i>	176
<i>Что-то дождичек удач падает не часто</i>	168
<i>Что такое душа? Человек задумчивый</i>	98
<i>Шарманка-шарлатанка</i>	64
<i>Эта женщина! Увижу и немею</i>	91
<i>Я вновь повстречался с Надеждой</i>	121
<i>Я гляжу на фотокарточку</i>	72
<i>Я выселен с Арбата</i>	185
<i>Я много лет пиджак ношу</i>	126

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Шилов. Поэт и певец. Вступительная статья	5
Главная песенка	14
Гори, огонь, гори	21
Песенка об Арбате	22
Полночный троллейбус	23
Часовые любви	24
Веселый барабанщик	26
«Не тридцать лет, а триста лет...» (Московский муравей).	27
Дежурный по апрелю	28
Море Черное.	29
Песенка о бумажном солдатике.	30
Песенка о голубом шарике.	31

II

«Не верь войне, мальчишка...»	37
Песенка о солдатских сапогах	38
Песенка о Леньке Королёве	40
Песенка о медсестре Марии	42
До свидания, мальчики	43
Простите пехоте	45
«Из окон корочкой несет поджаристой...»	50
Песенка о Ваньке Морозове	52
Песенка о дураках	53
«Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье...»	54
Песенка про черного кота.	56
Мастер Гриша.	57
«Лежать бы гусаку...»	58
«Всю ночь кричали петухи...»	60
Песенка веселого солдата.	61
Песенка о старом, больном, усталом короле.	62
Песенка старого шарманщика	64

III

Песенка об арбатских ребятах	71
Песенка о комсомольской богине	72
Сентиментальный марш.	74
«Не клонись-ка ты, головушка...»	76
Ваше Величество, Женщина	80
Три сестры	81
Песенка о московском муравье	82
«Он наконец явился в дом...»	84
Вот так она любит меня	86
О синих маяках	88
Ситцевые женщины	89
«И когда удивительно близко...»	90
Эта женщина!..	91
По Смоленской дороге	92
Ночной разговор	96
Песенка о присяге	97

Песенка о моей душе	98
Живописцы	99
Молитва	100

IV

Мартовский снег	107
Прощание с новогодней елкой	108
Лесной вальс	110
Песенка о моей жизни	111
Былое нельзя воротить	112
Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину	114
Пожелание друзьям	116
Старый флейтист	117
Заезжий музыкант	119
«Я вновь повстречался с Надеждой...»	121
Старый пиджак	126
Песенка об открытой двери	127
В Барабанном переулке	128
Грузинская песня	132
Песенка о дальней дороге	134
Прощание с Польшей	135
Песенка о ночной Москве	136
Союз друзей	138
Песенка о Моцарте	140

V

Проводы юнкеров. Из кинофильма «На ясный огонь»	147
Я пишу исторический роман	148
Старинная солдатская песня	150
Батальное полотно	152
Дерзость, или разговор перед боем	154
«Солнышко сияет, музыка играет...»	155
Два силуэта	156
Песенка о молодом гусаре	157
Мы за ценой не постоим. Из кинофильма «Белорусский вокзал»	162
Песня о московских ополченцах. Из кинофильма «Великая Отечественная»	164
Кабинеты моих друзей	168
О Володе Высоцком	169
«Как наш двор ни обижали...»	170
Кузнечик	172
«Время идет, хоть шути — не шути...»	174
«Витя, сыграй на гитаре...»	175
«Что ж вы дремлете, ребята...»	176
Святое воинство	177

VI

Арбатский романс	183
Плач по Арбату	185
Надпись на камне	186
Еще один романс	188
«Всему времечко свое...»	191
Первое послевоенное танго	192
«Быстро молодость проходит...»	194
Счастливый жребий	196
«Всё глуше музыка души...»	200
«Антон Палыч Чехов однажды заметил...» Из кинофильма «Из жизни начальника уголовного розыска»	202
Римская империя	204
Музыкант	206
Пиратская лирическая. Из кинофильма «Из жизни начальника уголовного розыска»	208
Мой почтальон	210

«В день рождения подарок»	211
Вилковская фантазия	212
Парижские фантазии	214
Примета	216
«Песенка, короткая, как жизнь сама»	217
Алфавитный указатель первых строк	220

*Музыкальный материал публикуемых песен записан
Александром Колмановским в новой редакции с участием автора*

Нотное издание

БУЛАТ ШАЛВОВИЧ ОКУДЖАВА

Песни Булата Окуджавы

Мелодии и тексты песен

Составитель Лев Алексеевич Шилан

Редактор *О. Агафонов*. Лит. редактор *Л. Рыжова*.

Художник *С. Авакян*. Худож. редактор *Е. Водкин*.

Техн. редактор *Т. Лапшина*. Корректоры *Г. Шебаршина* и *Л. Герасимина*.

И/К

Подписано в набор 18.06.88. Подписано в печать 21.11.89. Формат 70x108 1/16. Бумага мелованная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Объем печ. л. 14,0. Усл. п. л. 19,6. Усл. кр.-отт. 39,2. Уч.-изд. л. 18,72. Тираж 25000 экз. Изд. № 14004. Зак. № 4902. Цена 4 р.

Издательство "Музыка", 103031, Москва, Неглинная, 14

Типография № 5 при Государственном Комитете СССР по печати
129243, г. Москва, ул. Мало-Московская, д. 21

Он нашей собственностью был, и мы клялись
ещё не знали, кто кого обвинит вилловарии,
как будто нас девятый вал отливил миловал
в те дни, когда еще Арубаи в Москве
существовал.

Художник видит перед собой единственную задачу - рассказать о себе, выразить себя, поделиться своими впечатлениями об окружающем. Что бы я ни писал: стихотворение, песню, повесть, роман - всегда и везде я рассказываю о себе, не стараясь угодить ни своим поклонникам, ни противникам. Я стараюсь для вас и стараюсь отвечать на все ваши вопросы.

Москва «Музыка»